

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра иранской филологии

ГОЛУБЕВ Павел Павлович

Выпускная квалификационная работа

Персидская народная повесть о Хусайне Курде: варианты текста и сюжета

Направление: 58.03.01. Востоковедение и африканистика

Основная образовательная программа: «Иранская филология»

Научный руководитель:

к. филол. н. О. М. Ястребова

Рецензент:

д. филол. н. А. Д. Притула

Санкт-Петербург
2024

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ДАСТАН О ХУСАЙНЕ КУРДЕ В АСПЕКТЕ ЖАНРА	6
1.1. Жанр народного дастана.....	6
1.2. Место «Хусайн-и Курд» среди персидских народных дастанов.....	10
1.3. Дастан о Хусайне Курде в работах отечественных и зарубежных ученых.....	11
1.4. Название дастана.....	12
2. ВЕРСИИ ДАСТАНА О ХУСАЙНЕ КУРДЕ	14
2.1. Рукописные версии дастана и их содержание	14
2.2. Печатные версии и их содержание	20
2.3. Теле- и аудиоверсии повести.....	35
3. ИССЛЕДОВАНИЕ ДАСТАНА О ХУСАЙНЕ КУРДЕ В ВЕРСИИ КРИТИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ ИРАДЖА АФШАРА	36
3.1. События дастана и система персонажей.....	36
3.2. Композиция и литературные особенности дастана о Хусайне Курде.....	47
3.3. Отражение исторической эпохи и реальной географии в дастане о Хусайне Курде и других дастанах цикла.	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	104
БИБЛИОГРАФИЯ	107
ПРИЛОЖЕНИЯ	120

Введение

Народная литература является источником, из которого можно почерпнуть информацию об истории, традициях, образе жизни и образе мышления того или иного народа. Ее произведения не только несут в себе ценный антропологический материал, который может быть применен для сравнения и сопоставления особенностей различных культур и выявления общечеловеческих тенденций в поведении и мышлении их представителей, но и важные исторические сведения о культуре народа, в частности, бытовавшей в эпоху составления такого рода текстов.

Персидский народный дастан, будучи одним из жанров персидского народного литературного творчества, является неотъемлемой частью мировой литературы. Хотя народная литература и, в особенности, дастан, являются обширной и важной для современной иранистики сферой научного интереса, не все произведения данной темы изучены отечественными и западными исследователями в полной мере.

Среди «народных повестей» – именно так можно охарактеризовать этот жанр в рамках данной работы – обособленно стоит дастан «Хусайн-и Курд-и Шабистарй» («Хусайн Курд из Шабистара»). Несмотря на то, что «Хусайн-и Курд» («Хусайн Курд») относится к числу самых популярных произведений своего жанра, он, в отличие от других дастанов, никогда не переводился на русский язык и практически неизвестен русскому читателю. Этим обусловлена **актуальность выбранной темы**. Основная масса работ об этом произведении написана на персидском языке, однако существует несколько трудов на английском: они затрагивают некоторые литературные и исторические особенности текста повести.

Большой интерес этот дастан представляет также в виду своей историчности: его география охватывает обширные, но вполне реальные исторические территории, а в качестве основных действующих лиц помимо вымышленных персонажей выступают также реально существовавшие исторические деятели, в том числе не самые известные.

Дастан повествует об иранских воинах-богатырях, жизнь которых связана со служением шаху 'Аббасу I (1587-1629 гг.) из династии Сефевидов, что влечет за собой постоянные тяготы службы и многочисленные поединки с другими, часто враждебно настроенными воинами. Один из главных героев повести – Хусайн Курд из Шабистара, человек недюжинной силы – в честь него и назван дастан.

Таким образом, **объектом данного исследования являются жанр дастана, «народной повести», в персидской литературе, и произведения, к этому жанру относящиеся. В качестве предмета исследования выступает дастан о Хусайне Курде из Шабистара.**

Основные **цели**, которые ставит перед собой автор данной выпускной квалификационной работы – это рассмотреть различные версии дастана, дать характеристику его особенностей в рамках жанра и раскрыть взаимосвязь исторического фона эпохи, о которой повествует дастан, а именно – времени правления шаха 'Аббаса I, с отражением исторических событий и явлений в тексте повести.

Для достижения целей необходимо выполнить следующие **задачи**:

1) Собрать сведения обо всех доступных версиях дастана о Хусайне Курде – рукописных, печатных и медиа-версиях; изучить и описать те из них, которые доступны нам для исследования в настоящий момент.

2) Ознакомившись с содержанием разных версий дастана, установить примерное содержание «Хусайн-и Курд» как единого произведения.

3) Из имеющихся версий выбрать ту, которая станет конкретным источником для проведения основной части настоящего исследования.

4) Описать литературные особенности дастана о Хусайне Курде: систему персонажей, композицию, стилистические и речевые особенности произведения. В связи с тем, что в рамках данной работы больше внимания будет уделено исторической части, мы ограничимся более кратким обзором литературных черт повести.

5) Изучить исторический контекст эпохи, описанной в «Хусайн-и Курд», и через применение историко-сравнительного метода выявить соответствия и несоответствия между содержанием дастана с одной стороны и очередностью исторических событий и отражением явлений эпохи с другой.

Особое внимание в данной работе будет уделено именно раскрытию соотношения исторических явлений, событий и процессов с тем, как они показаны в дастане.

Для проведения исследования мы избрали общенаучные, общелингвистические, исторические и частные методы. Среди общенаучных можно выделить наблюдение, а также описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Из лингвистических методов нами были использованы структурный и семиотический методы, а также метод концептуального анализа. При написании третьей главы данной работы также применялись историко-сравнительный метод и метод диахронического анализа.

При написании работы для записи имен собственных была использована упрощенная транскрипция классического персидского языка на основе кириллического алфавита без долгот и диакритики, для передачи терминов и названий литературных произведений – академическая транскрипция-транслитерация. Примеры из текста приведены в арабской графике.

1. Дастан о Хусайне Курде в аспекте жанра

1.1. Жанр народного дастана

Слово «*дāстāн*» используется в персидском языке для названия повествовательного произведения в широком смысле. В современном употреблении это слово стало обозначать роман или рассказ [Шойтов 1978: 5], а более узкое его значение – жанр, также именуемый по-персидски *дāстāн-и ‘āммийāна* [Marzolph 2004: 281] или «народный дастан». В научной литературе этот жанр также именуется «сказочным романом» [Салимов 1964: 10-11], «народным романом» (англ. popular romance) и «героическим романом» (перс. *руманхā-и нахлавāнī*) [Rubanovich 2012: 653]. Жанр народного дастана представляет собой пограничное явление, сочетающее в себе как черты фольклора, так и черты письменной литературы.

Предпосылки для появления жанра народного дастана сложились в эпоху Сасанидов, когда возник институт сказителей. Основываясь на таких источниках, как древний фольклор, переводная индийская литература и старинные исторические хроники и летописи, жанр постепенно эволюционировал. Особенно на его развитии сказалось появление и развитие средневековых городов, где жанр, преимущественно, и формировался. Этому способствовало распространившееся в то время занятие *қиссах⁶āнī*, когда сказители рассказывали различные произведения в гуще народа на базарах и площадях городов. То, что главными героями народных книг являются «люди базара и ремесла», также является следствием распространения этого ремесла и, следовательно, жанра в городах [Шойтов 1978: 5-6].

Появление в Сефевидский период в Исфахане кофейен (перс. *қахвахāна*) оказало влияние на форму повествовательного ремесла [Napaway 1994]: наличие постоянной аудитории мотивировало сказителей удлинять свои повествования. Достаточно простая схема бывших прежде в ходу произведений стала заполняться различными событиями, в результате чего они разрасталась до размеров романа [Борщевский 1968: 10]. Фантазия и искусственность сказителей породили не только длительные повествования, но и

большое разнообразие вариантов одного и того же произведения. Помимо вольности рассказчиков на вариативность также оказало влияние изменение исторических условий [Салимов 1964: 5-6].

В Сефевидский период сказители стали специализироваться на одном, но объемном произведении, а их самих именовали по его названию: *Шāхнāма-х⁶āн* – чтец «Шāхнāма», *Амīр-Хамза-х⁶āн* – чтец [дастана] об Амуре Хамзе, и т. п. [Hanaway 1994].

Некоторые дастаны появлялись в результате сбора и объединения в одно целое многочисленных разнообразных историй об одном нарицательном персонаже. Они дополнялись также сведениями из других народных книг агиографического, исторического, эпического содержания, информацией из комментариев на Коран (араб. *тафсīр*), книг в жанре «чудеса мира» и фольклора [Rubanovich 2012: 660-661].

Интерес представляют традиции *наққāлей* – сказителей. На общих собраниях они пересказывали друг другу свои произведения. На этих же собраниях присутствовали скорописцы, записывавшие их повествования [Афшар 1386: 19]. Эти рукописи впоследствии распространялись среди *наққāлей* [Rubanovich 2012: 664] и использовались ими либо в качестве подсказок во время выступлений [Афшар 1386: 19], либо для обучения последователей, стремившихся также овладеть этим искусством. Дастаны переносились на бумагу так же и по причине того, что переписчик, порой по совместительству и сказитель, и автор, веря в магическую силу записанного слова, желал сохранить свое имя в веках и получить Божью благодать после смерти [Rubanovich 2012: 664]. По мнению советского востоковеда Н. Б. Кондыревой, версия о том, что письменные версии дастанов являлись «шпаргалкой» для сказителей, часто не находит подтверждения [Кондырева 1984: 8-9]. Однако это утверждение справедливо не для рукописных, а для литографированных и типографских вариантов народных дастанов, которые распространились в первые десятилетия XIX века с проникновением в Иран

книгопечатания. Именно в это время эпическая литература стала адаптироваться для народного чтения [Борщевский 1966: 28].

С этого же времени искусство *наққāлей* (перс. *наққāлӣ* – «ремесло повествования») стало постепенно терять свою роль. Тем не менее, устное повествование оставалось популярным вплоть до середины XX века [Marzolph 2010: 215], хотя с появлением радио и телевидения сказители ограничили свой репертуар рассказами из «Шāхнāма» [Hanaway 1994].

Дастан является произведением развлекательно-образовательного характера, относящимся к разделу фабулистики [Салимов 1964: 7]. Дастаны в большинстве случаев повествуют о любовно-героических приключениях различных персонажей, часто с подчеркнуто религиозной исламской тематикой [Rubanovich 2012: 653]. При этом подвиги исторических или сказочно-фантастических героев в содержании часто доминируют, а приключения влюбленных играют подсобную роль. Народным дастанам свойственна героическая идеализация прошлых времен или современных автору событий. Образы представителей господствующих слоев часто рисуются положительными [Салимов 1964: 10-11]. Такого рода народные произведения, в отличие от литературы, считающейся «наукой практической пользы», несут в себе помимо развлекательной цели, также и цель прояснить нравственное чувство, пробудить мужество, любовь к отечеству [Салимов 1964: 14-18].

Характерными особенностями жанра народного дастана являются единство сюжета, устойчивость композиции, соотношение положительных и отрицательных героев, а также последовательное развитие событий [Салимов 1964: 7].

Дастаны с давних времен бытовали в письменной форме, они обладали реальной окраской событий и житейским правдоподобием в повествовании – все это свойственно произведениям письменной литературы. Присущие дастанам сложность фабулы и многолинейность композиции тоже приближают этот жанр к письменной литературе, однако характерные именно

для фольклора формульные выражения, которыми рассказчик часто подчеркивает в повести переход от одной линии повествования к другой, отличают дастан от придворных произведений [Салимов 1964: 14-18].

С фольклором жанр народного дастана также сближают следующие характеризующие его черты:

Для украшения и организации повествования применяются и разнообразные примеры из малых фольклорных жанров – пословиц, поговорок и афоризмов. Стиль и язык дастанов является живым и разговорным, в них часто встречается большое количество тех речевых оборотов, которые не характерны для письменной литературы, но зачастую могут наблюдаться в устной речи [Салимов 1964: 14-18]. Это, в частности, связано не только с происхождением составителя произведения из народной среды, но и с тем, что письменным дастанам в наследство от устных выступлений сказителей остались словесные средства, служившие для привлечения внимания слушателя к рассказу и для организации устного повествования [Rubanovich 2012: 666-670].

Еще одной особенностью произведений данного жанра являются характерные для сказочной прозы формульность эпизодов и повторение предшествующих событий. Наличие повторения, вероятно, связано с тем, что повествователь старался ознакомить вновь пришедших слушателей с упущенным ими содержанием произведения [Салимов 1964: 14-18]. Отсутствуют также такие характерные авторскому тексту элементы, как пролог и эпилог. Касательно паратекстуальных элементов в дастанах есть только колофон. В народных дастанах много лакун, пропусков, аллюзий и не всегда понятных мотивов, смысл которых должен был восполняться общей для рассказчика и слушателя внеповествовательной реальностью [Rubanovich 2012: 671-673]. Основными персонажами дастанов являются характерные для произведений устного народного творчества отважные герои, добрые и злые правители, царевицы и царевны, хитрецы-*'аййāры*, а также

сверхъестественные существа, такие как дивы, джинны, гули и пэри [Stanfield-Johnson 2004: 73].

Все вышеперечисленные отличия не дают отнести дастаны ни к фольклору, ни к высокой придворной литературе [Салимов 1964: 14-15]. На основе всех приведенных фактов и произведенных выше рассуждений, можно сказать, что в контексте данной работы, дастан рассматривается как жанр, который можно определить как «народный роман» [Шойтов 1978: 5], «сказ» [Чудаковы 1971: 876] или «народная повесть» [Чудаковы 1971: 814-816].

1.2. Место «Хусайн-и Курд» среди персидских народных дастанов

Повесть о Хусайне Курде относится к авантюрно-приключенческому жанру, акцент в нем делается на подвиги воинов шаха ‘Аббаса I (перс. عباس, 1571-1629 гг., гг. правления: 1587-1629) и их поединки с враждебно настроенными богатырями. Любовные приключения играют в дастане второстепенную роль. Религиозный аспект весьма важен в дастане: в речи персонажей повести нарочито подчеркивается их религиозная мотивированность: их борьба за свою веру и их победы, обоснованные праведностью их веры. Описания красочных сражений между могучими *пахлавāнами* (перс. *пахлавāн*), хотя и чрезвычайно подробны и, видимо, представляли собой самую интересную и яркую часть повествования, служат в качестве средства для подчеркивания праведности шиитской веры. «Хусайн-и Курд» обладает большим количеством исторических элементов, в частности, в дастане упоминается множество реальных исторических деятелей: от крупных правителей вплоть до наместников отдаленных от столицы городов. Это отличает «Хусайн-и Курд» от остальных народных дастанов. Также в повести почти отсутствуют волшебные элементы.

Дастану о Хусайне Курде свойственна формульность: многие эпизоды схожи друг с другом и их даже можно разделить по типам. Замечена также тенденция к организации целых арок произведения по одной и той же схеме.

Композиция повести многолинейна, параллельно друг другу по ходу повествования могут развиваться сразу несколько сюжетных линий.

1.3. Дастан о Хусайне Курде в работах отечественных и зарубежных ученых

Несмотря на значительный интерес к дастанам в отечественной науке, ряд произведений этого жанра остался на периферии внимания российских и советских ученых. В их числе оказался и дастан о Хусайне Курде. Нам не удалось найти ни одной статьи или работы на русском языке, в которой отдельно рассматривалось бы это художественное произведение или его особенности. На английском языке существуют только статьи немецкого ученого Ульриха Марцольфа [Marzolph 1999, Marzolph 2004] и американской исследовательницы Розмари Стэнфилд-Джонсон [Stanfield-Johnson 2004, Stanfield-Johnson 2007].

Что касается трудов на персидском языке, отдельного внимания заслуживают предисловие иранского исследователя Ираджа Афшара и вступительная статья иранского ученого Мехрана Афшари к их академическому изданию критической версии текста произведения [Афшар 1386]. Мехран Афшари в своей статье также упоминает иные работы своих соотечественников о «Хусайн-и Курд»: это статьи Сируса Пархама [Пархам 1336], Джабера 'Анасори ['Анасори 1372, 'Анасори 1374] и Парвиза Барати [Барати 1382]. С момента выхода работы Афшара две иранских исследовательницы – Зейнаб Мосави и Марйам Рахманийан-Кушкаки – защитили свои диссертации, затрагивающие тему литературных особенностей данного дастана [Рахманийан-Кушкаки 1392, Мосави 1396]. Фарзана Мозаффарийан в своей статье также коснулась повести о Хусайне Курде [Мозаффарийан 1390], а в статьях Милада Джа'фарпура рассматривается исторический контекст произведения [Джа'фарпур 1401 I], [Джа'фарпур 1401 II], [Джа'фарпур 1401 III].

1.4. Название дастана

Иранский ученый М. Афшари, основываясь на изучении текста, именуемого им «Хусайн-нāма» («Книга о Хусайне»), содержащегося в рукописи ИВР (Шифр – D421, [Рукопись ИВР]) предполагает, что изначально дастан вряд ли назывался «Хусайн-и Курд-и Шабистарй» или «Қиҫса-йи Хусайн-и Курд-и Шабистарй» («Повесть о Хусайне Курде Шабистари»). По аналогии с другими произведениями, названия которым даются по имени одного из их главных героев, например «Хамза-нāма» («Книга о Хамзе»), «Дārāб-нāма» («Книга о Дарабе»), «Искандар-нāма» («Книга об Искандаре»), «Абӯ Муслим-нāма» («Книга об Абу Муслиме»), дастан о Хусайне Курде также мог изначально именоваться «Хусайн-нāма» [Афшар 1386: 36].

Вариант текста, озаглавленный «Йатйм-нāма-йи шāх ‘Аббās» («Книга о *йатймах* шаха ‘Аббаса»), содержащийся в рукописи РНБ (Шифр – «Ханыков 44», [Рукопись РНБ]), вносит коррективы в решение данного вопроса. Его поверхностное изучение показывает, что изначально объем дастана был шире, сюжет длиннее, и не ограничивался одной только историей о Хусайне Курде.

Текст рукописи РНБ состоит из трех частей, в колофоне последней из них есть указание на замысел переписчика написать четвертую [см. Приложение 1], текст которой или так и не был им воспроизведен, или был утерян. Советская исследовательница Г. И. Костыгова в каталоге персидских и таджикских рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина при описании рукописи РНБ именуется эти части дастанами, и приводит следующие названия: первый дастан – «Йатйм-нāма-йи шāх ‘Аббās...» [Костыгова 1988: 157-158] («Книга о *йатймах* шаха ‘Аббаса...»); второй – «Дāстāн-и ибтидā-йи пайдā шудан-и саййид Мйр Бāқир...» [Костыгова 1988: 157-158] («Дастан о начале появления сайида Мир Багира...»); третий – «Дāстāн-и āмадан-и Ахтар-хāн ва Бабрās-хāн аз джāниб-и шāх-и Хатā ба тасхйр-и Йрāн...» [Костыгова 1988: 157-158] («Дастан о приходе Ахтар-хана и Бабрас-хана от шаха Хаты для покорения Ирана...»).

Следуя рассуждениям М. Афшари, можно предположить, как все эти дастаны были озаглавлены изначально. Главные герои каждой из них – это Масих Дукмабанд Табризи (перс. مسیح دکمه‌بند تبریزی), Мир Бакир Аджурпаз (перс. میر باقر آجرپز) и Хусайн Курд (перс. حسین کرد), соответственно. Таким образом, первый дастан – это «Масйх-нāма» («Книга о Масихе»), второй – «Мйр Бāкир-нāма» («Книга о Мир Бакире»), третий – «Хусайн-нāма» («Книга о Хусайне»). Упомянутый в колофоне четвертый дастан по описанию содержания совпадает с некоторыми главами из рукописи ИВР, где главным действующим лицом является Мулла Хаджжи Мухаммад Ширази (перс. حاجی محمد شیرازی). Вероятно, его название было «Муллā-Мухаммад-нāма» («Книга о Мулле Мухаммаде»).

Рукопись ИВР включает в себя дастаны «Мйр Бāкир-нāма», «Хусайн-нāма» (без повествования о походе Хусайна Курда в Индию, но с большим количеством других, отсутствующих в остальных версиях, рассказов) и «Муллā-Мухаммад-нāма», а также еще один дастан, не упоминаемый в тексте рукописи РНБ, главным героем которого является Йузбаши Курдбачча (перс. یوزباشی کردبچه), продолжая цепь рассуждений – «Курдбачча-нāма» («Книга о Курдбачче»). Помимо прочего, в ней есть еще один дастан, список которого датируется 1260 г. х. (1844-1845 гг.). Афшари именует его «Йрāнйāн дар Фаранг» («Иранцы в Фаранге» или «Иранцы в Европе»). Главный герой этого дастана – Саййид Мир Исма‘ил (перс. سید میر اسماعیل), в связи с чем, возможно, повесть могла именоваться по его имени – «Мйр Исма‘йл-нāма» («Книга о Мир Исма‘иле»).

Все эти дастаны вместе составляли один долгий колоссальных размеров цикл, название которого, наиболее вероятно, было «Йатйм-нāма» («Книга о йатймах»). Помимо заглавия текста рукописи РНБ в пользу этого утверждения говорят также и заглавие литографии 1330 г. х. (1911-1912 гг.) [Йатим-наме 1330] – «Йатйм-нāма», – и заглавие типографского издания 1340 г. с. х. (1961-1962 гг.) [Хосейн-е Корд 1340], содержащее в своем названии фразу «المسما به یتیم نامه» («именуемая Йатйм-нāма»). Стэнфилд-Джонсон в одной

из своих статей также ссылается на слова иранского повествователя и писателя Муршида ‘Аббаса Зарири (перс. مرشد عباس زریری, 1909-1971), где он упоминает этот цикл дастанов под названием «Йатїм-нāма» [Stanfield-Johnson 2007: 170].

По определенным причинам, с течением времени размеры цикла сократились, остальные истории были отброшены, и в народной памяти остался жить только дастан о Хусайне Курде. Сохранилась именно «Хусайн-нāма», вероятно, по двум причинам: во-первых, Хусайн Курд наиболее часто играет роль первого плана даже в тех дастанах, главными героями которых являются другие персонажи, и, во-вторых, Хусайн Курд больше других ассоциировался у рассказчика и аудитории с Рустамом, отчего и был более популярен и интересен для слушателей [Stanfield-Johnson 2007: 170-171].

2. Версии дастана о Хусайне Курде

«Хусайн-и Курд» был весьма популярен в Иране, различные издания дастана можно было найти у странствующих торговцев и в книжных магазинах вплоть до самого конца XX века [Marzolph 1999: 282]. О его популярности свидетельствует обилие самых разнообразных его вариантов: от рукописных версий до фильмов и аудиокниг. Повесть о Хусайне Курде печатают в Иране до сих пор.

2.1. Рукописные версии дастана и их содержание

На данный момент в распоряжении ученых находятся три рукописи, содержащие разные версии дастанов из цикла о *йатїмах* шаха ‘Аббаса. В этом разделе описаны как особенности самих рукописей, так и их содержание.

2.1.1. Рукопись Российской национальной библиотеки

По совету научного руководителя О.М. Ястребовой в рамках данной работы была рассмотрена рукопись РНБ, содержащая текст, озаглавленный «Йатїм-нāма-йи шāх ‘Аббās». Высказанное ею предположение о том, что текст данной рукописи может быть связан с дастаном о Хусайне Курде,

оказалось верным: действительно, содержание ее третьей части – дастана «Хусайн-нāма» – совпадает с содержанием печатных версий дастана.

Хотя рукопись РНБ и была введена в научный оборот [Джа‘фарпур 1401 I], [Джа‘фарпур 1401 II], [Джа‘фарпур 1401 III], она и ее текст требуют более детального и обстоятельного изучения. Ниже приведена вся информация о рукописи, которую нам удалось собрать за время написания работы.

Рукопись происходит из собрания известного ученого и дипломата Николая Ханыкова и имеет шифр «Ханыков 44», хранится в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге [Dorn 1865: 20-21]. Заглавие текста: *یتیم نامه شاه عباس* – «Книга о *йатїмах* шаха Аббаса».

Рукопись переписана в Тегеране, 10 раби‘ I – 24 джумāдā II 1234 г. х. (7 января – 20 апреля 1819 г.). Содержит 519 л. размером 30x20,5 см. Переплет художественный, кожаный, с тиснением, корешок кожаный [Костыгова 1988: 157-158].

Ровный, почти без описок и помарок, пусть и поспешный, почерк переписчика [Рукопись РНБ] может быть свидетельством того, что рукопись РНБ (как и рукопись ИВР) написана на основе других, созданных ранее рукописей. Тем не менее, пока ее протограф не обнаружен, на основании того, что рукопись РНБ является самой ранней доступной нам рукописью изучаемого дастана, а также того, что повествование в ее тексте построено логичного и организованно, ее текст может быть использован исследователями в качестве «мерила» при дальнейших исследованиях произведения.

Три дастана, входящие в цикл «Йатїм-нāма», расположены на лл. 1 об. – 109 об. («Масїх-нāма»), 111 об. – 260 об. («Мїр Бāқир-нāма») и 261 об. – 519 об. («Хусайн-нāма»).

2.1.2. Рукописи, упоминаемые в академическом издании Ираджа Афшара.

М. Афшари во вступительной статье к критическому изданию текста рукописи ИВР указывает на существование еще двух рукописей:

1. Рукопись Института Восточных Рукописей Российской Академии Наук (ИВР РАН) в Санкт-Петербурге, имеет шифр «D421». Рукопись приобретена в 1907 году академиком К.Г. Залеманом (1849-1916) от студента Санкт-Петербургского Университета И.И. Десницкого (1882-1922) для Азиатского Музея [Залеман 1907: 43, №9]. Содержит в себе текст, первая часть которого [Рукопись ИВР: 1 об. – 171] в Каталоге персидских и таджикских рукописей ИВР под редакцией Н.Д. Миклухо-Маклая [Миклухо-Маклай 1964: 181-182, №1224, 1226] озаглавлена «داستان حسين كرد» – «Дастан о Хусайне Курде», вторая – «داستان» – «Дастан» [Рукопись ИВР: 172 об. – 191 об.]. Афшар также дает первой части название «Хусайн-нāма», а второй – «Йрāнййāн дар Фаранг» [Афшар 1386: 36].

Рукопись написана в Кашане [Миклухо-Маклай 1964: 181-182, №1226], переписчиком Хасаном б. Мухаммадом ‘Али ат-Табатабаи аз-Завара.

Формат рукописи – *раҳлӣ*, почерк – *наста‘лиқ*, по 20 строк на странице. Почерк первой страницы, по причине потери изначального ее варианта и повторной переписи, отличается от почерка остальных страниц, он крупнее, 14 строк [Рукопись ИВР: 1]. Колофон первой части гласит, что рукопись была окончена 20 Ша‘бана 1255 г. х. (10 октября 1839 г.) [Рукопись ИВР: 171]. Вторая часть рукописи написана тем же почерком, что и первая, в колофоне написано, что она окончена в 1260 г. х. (1844-1845 гг.), имя переписчика повторно не указано [Рукопись ИВР: 191 об.].

Текст рукописи представляет собой сборник нескольких дастанов из цикла о *йатїмах* шаха ‘Аббаса, а именно: «Мйр Бāқир-нāма» [Рукопись ИВР: 1 об. – 30], «Хусайн-нāма» [Рукопись ИВР: 30 – 84 об.], «Муллā-Мухаммад-нāма» [Рукопись ИВР: 84 об. – 112] и «Курдбачча-нāма» [Рукопись ИВР: 112

– 170 об.], входящие в первую часть текста, и дастан «Мйр Исма‘йл-нāма» [Рукопись ИВР: 171 – 190], полностью занимающий вторую часть текста. Дастаны в тексте не выделяются, сам текст поделен на главы. Выделить дастаны можно по характерным признакам: у каждого из них имеется свой зачин, свой главный герой и своя концовка – во всех случаях счастливая для главного героя, его сторонников, товарищей и шаха.

Наличие в рукописи ИВР случайных повторов предложений, а порой и целых абзацев, указывает на то, что переписчик переписывал текст, опираясь на некий протограф или несколько протографов. Однако наличие в тексте рукописи фраз *наққāла*, обусловленных контекстом ситуации, в которой он совершал повествование, а также внетекстуальных фраз, описывающих невербальные действия рассказчика во время пересказывания дастана (например: «اینجا هم جای شیشکی است» – «Здесь также место щелчка губами» [Афшар 1386: 278]), свидетельствуют о том, что протографы были записаны на основе устного повествования [Афшар 1386: 20-21]. Отсюда следует, что существует или существовала, как минимум, еще одна рукопись, содержащая в себе дальнейшее повествование. Повтор некоторых эпизодов в тексте, скорее всего, объясняется тем, что *наққāл* производил повествование, опираясь на несколько списков произведения с одинаковым содержанием. Пересказчик попросту не придавал значения схожести отрывков и нарушению логики повествования [Афшар 1386: 21]. Последний факт говорит о наличии нескольких протографов.

2. Рукопись Библиотеки Маджлиса в Тегеране, имеет шифр «1257». Текст рукописи озаглавлен как «حسین کرد» – «Хусайн Курд».

Рукопись создана в Иране [Афшар 1386: 35], содержит 222 листа формата *джйбй*, 14x8 см. Текст записан почерком *наста‘лйқ*. Первые страницы и колофон в рукописи отсутствуют. Текст содержит в себе следующую фразу:

بفرموده ادیب السالکین مرشد ادیب طریقت درویش محمد حسن [تهرانی] عنوان و نشان شنگرف

«По указанию наставника подвижников, наставника-муршида тариката дервиша Мухаммада Хасана Тихрани...» [Рукопись БМ].

Афшари указывает, что по содержанию текст этой рукописи примерно до середины совпадает с печатными версиями дастана о Хусайне Курде, но с середины начинаются другие рассказы об иных иранских богатырях. Эта рукопись и ее текст требуют более детального изучения [Афшар 1386: 35].

2.1.3. Содержание рукописных версий

Краткое содержание трех дастанов рукописи РНБ таково:

1 дастан («Масйх-нāма») – повествование о подвигах Масиха Дукмабанда Табризи на службе шаху Тахмаспу I (перс. طهماسب, 1514-1576 гг., гг. правления: 1524-1576), в частности, походы Масиха в Балх. Судя по заголовку этого дастана [см. Приложение 2], по окончанию его текста и его колофону [см. Приложение 3], а также по началу второго дастана («Мйр Бāқир-нāма») [см. Приложение 4], где-то ближе к концу повествования умирает шах Тахмасп, и престол занимает шах ‘Аббас I. Такой персонаж, как Мир Бакир, уже присутствует в этом дастане [Йатим-наме 1234: 1 об. – 109 об.].

2 дастан («Мйр Бāқир-нāма») – правитель узбеков ‘Убайд Аллах-хан (перс. عبید الله خان) узнает о смерти шаха Тахмаспа, занятии престола шахом ‘Аббасом и замышляет козни против последнего. В Иран отправляется один из амиров ‘Убайд Аллах-хана Халхал-хан (перс. خلخال خان) [см. Приложение 4]. Вскоре в дастане появляется Мир Бакир Аджурпаз, начинает бороться с врагами шиитов и государства Сефевидов, в частности, он отправляется в Балх, откуда в последствии возвращается с богатой добычей. Далее повествуется о том, как *пахлавāны* со всех сторон Ирана приходят в Исфахан, чтобы показать свои силу и ловкость, тем самым прославиться и попасть в услужение к Мир Бакиру и шаху ‘Аббасу по личному приказу правителя. В Иран, дабы посеять смуту, приходят и османские богатыри, которые, в конечном счете, оказываются побеждены иранцами. В дастане фигурирует

османский султан Салим (перс. *سليم*). В последствии иранцы во главе с Мир Бакиром отправляются в Стамбул, откуда возвращаются с победой и получают награду от шаха 'Аббаса [Йатим-наме 1234: 111 об. – 260 об.].

После поверхностного ознакомления с «Мйр Бāқир-нāма» выяснено, что Хусайна Курда в этом дастане еще нет, однако этот вопрос требует более детального исследования, так как Мир Бакир, деяниям которого в первую очередь посвящен этот дастан, неожиданно появляется, например, в окончании текста «Масйх-нāма» [см. Приложение 3] – дастана, стоящего в рукописи РНБ перед «Мйр Бāқир-нāма».

3 дастан («Хусайн-нāма») – рассказывает о Хусайне Курде, по сюжету совпадает с печатными версиями, однако текст, что примечательно, изобилует отсутствующими в них подробностями [Йатим-наме 1234: 261 об. – 519 об.].

В тексте рукописи ИВР отсутствует дастан «Масйх-нāма», однако присутствуют «Муллā-Муҳаммад-нāма», «Курдбачча-нāма» и «Мйр Исма'йл-нāма», которых нет в тексте рукописи РНБ. Также сюжет дастана «Хусайн-нāма» в тексте рукописи ИВР сильно отличается от сюжета одноименного дастана в тексте рукописи РНБ – в первой не рассказывается о походе Хусайна Курда в Индию, однако есть другие многочисленные рассказы о его подвигах, подробнее о которых можно прочитать в 3 главе данной работы. Исходя из этих фактов, можно сделать вывод, что рукопись РНБ не является протографом для рукописи ИВР: две этих рукописи или генеалогически не связаны, или связаны между собой только косвенно.

Первая половина текста рукописи БМ представляет собой «Хусайн-нāма», схожее по содержанию с текстом «Хусайн-нāма» из рукописи РНБ и из печатных версий повести. Однако М. Афшари указывает, что далее в тексте обнаруживаются отсутствующие в печатных вариантах рассказы о Хусайне Курде и других иранских богатырях [Афшар 1386: 35]. Эти рассказы могут быть как частью той «Хусайн-нāма», что наличествует в рукописи ИВР, так и частью иных дастанов цикла о *йатймах*, наиболее вероятно «Муллā-

Мухаммад-нāма», или «Курдбачча-нāма». Текст этой рукописи также требует более детального изучения.

2.2. Печатные версии и их содержание

2.2.1. Литографированные издания

Со временем размеры цикла о *йатīмах* ужались до одного дастана, а именно до «Хусайн-нāма». Печатных версий иных дастанов цикла в ходе длительных научных изысканий обнаружено не было. Опубликован был только дастан о Хусайне Курде, и то пройдя редакцию, состоявшую в переписывании, вставке прозаических и стихотворных фрагментов, изъятии наиболее грубых и оскорбительных отрывков повествования, а также очистке языка от нецензурных слов и выражений. Во времена Каджаров дастан о Хусайне Курде был фактически создан заново. Среди всех дастанов цикла выстояла именно «Хусайн-нāма», видимо, по причине схожести ее главного героя – Хусайна Курда – с Рустамом из «Шāхнāма», что делало его наиболее запоминающимся и интересным для аудитории [Stanfield-Johnson 2007: 170-171].

Тем не менее, несмотря на жесткую редактуру и сокращение произведения, дастан о Хусайне Курде все еще имел высокое значение для персоязычного населения Ирана, о чем говорит то, что его начали печатать вскоре после появления печати в стране [Marzolph 1999: 282].

Информация обо всех известных литографических вариантах «Хусайн-нāма», полученная из статьи М. Афшари [Афшар 1386: 36-37], работ У. Марцольфа [Marzolph 1999: 282], [Marzolph 1994: 50-51], а также с персоязычных сайтов собрана в Таблице 1. Вероятно, что пять литографий без дат, приводимых в конце списка, соответствуют пяти датированным литографиям без данных, приводимым в его начале, но мы решили не объединять данные, чтобы избежать путаницы:

Таблица 1: Литографические издания дастана о Хусайне Курде

№	Выходные данные	Заглавие	Иллюстрации	Дополнительные данные (переписчики, художники и пр.)	Место хранения установленных экземпляров	Ссылка на источник (или место его упоминания в научных работах)
1	1265 (1848-1849)	Нет данных	120 иллюстраций	Нет данных	Нет данных	[Marzolph 1999: 282]
2	1276 (1859-1860)	Джангнāма-йи Хусайн-и Курд-и Шабистарй	Содержит иллюстрации [Афшар 1386: 36-37]	Нет данных	Национальная библиотека ИРИ	[Джангнаме 1276]
3	1280 (1863-1864)	Нет данных	Содержит иллюстрации	Нет данных	Нет данных	[Афшар 1386: 36-37]
4	1280-1281 (1865), Иран	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	[Marzolph 1994: 50]
5	1291 (1874-1875)	Нет данных	Содержит иллюстрации	Нет данных	Нет данных	[Афшар 1386: 36-37]
6	1315 (1897-1898)	Хусайн-и Курд	Нет данных	Художник – Мухаммад Бакир ([Мухаммад Бāкир]), переписчик – Шайх Бакир ал-	Национальная библиотека ИРИ	[Хосейн-е Корд 1315]

				Куми ([Шайх Бақир ал-Кумӣ]).		
7	1317 (1899-1900), Тегеран, Чāпхāна-йи Ширкат-и таб'-и китāб, 132 с.	Дāстāн-и Хусайн-и Курд-и Шабистарӣ	Содержит иллюстрации	Нет данных	Библиотека Маджлиса	[Хосейн-е Корд 1317]
8	1319 (1901-1902), предп. Тегеран	Хусайн-и Курд-и Шабистарӣ	Содержит иллюстрации	Нет данных	Библиотека Маджлиса	[Хосейн-е Корд 1319]
9	1324 (1945), Тегеран	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	[Marzolph 1994: 50]
10	1330 (1911-1912), Мирза Да'уд Ширази	Йатим-нāма	Содержит иллюстрации [Афшар 1386: 36-37]	Нет данных	Библиотека Центра Возрождения Исламского Наследия	[Йатим-наме 1330]
11	1330 (1912), Индия, Мирза Да'уд Ширази, 110 л.	Дāстāн-и Хусайн-и Курд-и Шабистарӣ	Содержит иллюстрации	27 строк на листе, размер – 26x17 см, почерк – <i>наста'лиқ</i> .	Библиотека Мар'аши	[Хосейн-е Корд 1330]
12	1347-1348 (1929), Бомбей	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных	[Marzolph 1994: 50]
13	1348 (1929-1930)	Нет данных	Содержит иллюстрации	Нет данных	Нет данных	[Афшар 1386: 36-37]
14	Без даты	Джангнāма-йи Хусайн-и Курд-и Шабистарӣ	Нет данных	Переписчик – Мухаммад Бақир б. Мухаммад Хасан ал-Хансари	Национальная библиотека ИРИ	[Джангнаме НБ]

15	Без даты, предп. Тегеран, Ихвāн-и китāбчй, 114 с.	Ҳусайн-и Курд-и Шабистарй	Нет данных	Нет данных	Центральная библиотека и информационный центр Машхадского университета Фирдавси	[Хосейн-е Корд МУФ]
16	Без даты	Ҳусайн-и Курд-и Шабистарй	Содержит иллюстрации	Нет данных	Библиотека Маджлиса	[Хосейн-е Корд БМ]
17	Без даты	Хаза китāб Ҳусайн-и Курд	Содержит иллюстрации	Нет данных	Национальная библиотека ИРИ	[Хосейн-е Корд НБ I]
18	Без даты	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Национальная библиотека ИРИ	[Хосейн-е Корд НБ II]

В Санкт-Петербурге находятся еще три литографических версии дастана. Ознакомление с ними выявило, что, хотя даты печати этих литографий отличаются от дат печати вышеперечисленных версий, их содержание мало в чем различается с остальными вариантами: различия могут быть либо нетекстуальными и заключаться в ошибках при написании некоторых слов и имен собственных (так, например, в литографии 1326 г. х. (1906 г. н. э.) наместник Тебриза Пир Будаг-хан (перс. پير بداغ خان) именуется پسر بداغ خان – «сын Будаг-хана» [Хосейн-е Корд 1326]), либо они могут представлять собой несущественные изменения сюжета. Каждая из версий требует более подробного изучения. Информация о них приведена ниже:

1. Литография 1271 г. х (1854-1855 гг. н. э.), напечатанная в Иране. Хранится в ИВР РАН в Санкт-Петербурге, имеет шифр «Ps III 137». Содержит 99 л. размером 25,5 см. Заглавие текста – حسین کرد شبستری – «Хусайн Курд Шабистари». О. П. Щеглова по ошибке в описании литографии вместо заглавия текста приводит подпись к иллюстрации: صورت تهمتن دوران پهلوان شاه – «Это лицо храбреца эпохи и *пахлавāна* покоящегося в раю шаха ‘Аббаса, Хусайна Курда Шабистари».

Переписчик Мухаммад-Джа‘фар Гулпайагани [Щеглова 1975: 592, № 1635], переплет художественный, кожаный, с тиснением, корешок кожаный, почерк некалиграфический *наста‘лиқ*, 31 иллюстрация [Хосейн-е Корд 1271].

Содержание текста литографии схоже с остальными печатными версиями и представляет собой дастан «Хусайн-нāма» [Хосейн-е Корд 1271].

2. Литография 1326 г. х. (1906 г. н. э.), напечатанная в Ширазе в печатне «Гулзāр-и Хусайнй» Мирзой Да‘удом (перс. ميرزا داؤد) по заказу Хаджжи Мирза Мухаммад-Хусайна Чини (перс. حاجی میرزا محمد حسین چینی) [Хосейн-е Корд 1326]. Хранится в ИВР РАН в Санкт-Петербурге, имеет шифр

«Рл 16». Содержит 128 с. размером 27 см. Заглавие текста – حسین کرد شیبستری – «Хусайн Курд Шабистари» [Щеглова 1975: 592, №1636]

Переплет литографии картонный, сплетен бумагой с цветочным орнаментом, корешок матерчатый, почерк текста – некаллиграфический *наста'лиқ*, 24 иллюстрации по своему содержанию напоминающие литографию 1271 г. х. (1854-55 гг.), в колофоне приведена информация о том, что перепись закончена в месяц шаввал. В литографии имеются лакуны, в конце вставлены еще два листа по содержанию, видимо, вырванные из середины литографии [Хосейн-е Корд 1326].

Содержание текста литографии схоже с остальными печатными версиями и представляет собой дастан «Хусайн-нāма» [Хосейн-е Корд 1326].

3. Литография 1327-1328 гг. х. (1909-1910 гг. н. э.), напечатанная в Иране книгоиздателем Саййидом Мухаммад-Са'идом На'ини (перс. سید محمد سعید ناعینی). Хранится в Научной библиотеке имени М. Горького, в Санкт-Петербургском государственном университете в Санкт-Петербурге, имеет шифр «О II 6029» и происходит из Коллекции Ромаскевича, в которой значится под №40. Содержит 239 с. размером 25,5 см. Заглавие текста – هذا کتاب حسین کرد شیبستری – «Это – книга о Хусайне Курде Шабистари».

Переплет литографии картонный, сплетен бумагой с цветочным орнаментом, корешок матерчатый, почерк текста – некаллиграфический *наста'лиқ*. Бумага Угличской компании и других фабрик. Литография содержит 28 иллюстраций очень низкого качества [Щеглова 1989: 235, № 619].

Содержание текста литографии схоже с остальными печатными версиями и представляет собой дастан «Хусайн-нāма» [Хосейн-е Корд 1328].

2.2.2. Типографские издания

Информация обо всех типографских версиях дастана о Хусайне Курде, полученная из научных статей и персоязычных сайтов сведена в Таблицу 2:

Таблица 2: Типографские издания дастана о Хусайне Курде				
№	Выходные данные	Заглавие	Примечания	Ссылка на источник (или место его упоминания в научных работах)
1	1324 (1945-1946)	Нет данных	Нет данных	[Афшар 1386: 36]
2	1325 (1946-1947), Тегеран, 'Илмй, 119 с.	Куллийāt-и дāстāн-и Хусайн-и Курд-и Шабистарй	Нет данных	[Хосейн-е Корд 1325]
3	1327 (1948-1949), Тегеран, Ширкат-и сихāmй-йи таб'-и китāб, 134 с.	Дāстāн-и Хусайн-и Курд-и Шабистарй	Нет данных	[Хосейн-е Корд 1327]
4	1336 (1957-1958), Тегеран, 'Илмй, 155 с.	Куллийāt-и дāстāн-и Хусайн-и Курд-и Шабистарй	Нет данных	[Хосейн-е Корд 1336]
5	Прим. 1336-1337 (1958) [Marzolph 1994: 51], Ширкат-и нисбй-йи Кāнун-и Китāб дар Тихрāн, 152 с.	Куллийāt-и Китāб-и Хусайн-и Курд-и Шабистарй: Бихтарйн дāстāнхā-йи джангй-йи шарқй	Содержит иллюстрации	[Хосейн-е Корд 1958]
6	1340 (1961-1962), 110 с.	Китāб-и Хусайн-и Курд-и	Содержит иллюстрации	[Хосейн-е Корд 1340]

		Шабистарӣ, ал-мусамма ба Йатим-нама		
7	1344 (1965-1966), Тегеран, Китāбхāна-йи Тахӯрӣ, редактор доктор ‘Али Хасури, 205 с.	Ҳусайн-и Курд-и Шабистарӣ	Книга включает в себя краткое предисловие о значении «Ҳусайн-и Курд», а также небольшой глоссарий [Афшар 1386: 36]	[Хосейн-е Корд 1344]
8	Прим. 1356-1357 (1978) [Marzolph 1994: 51], Тегеран, Марказ-и фурӯш: Матбу‘атӣ-йи Ҳусайнӣ, 152 с.	Куллийāt-и Китāб-и Ҳусайн-и Курд-и Шабистарӣ: Бихтарӣн қиссаҳā-йи шарқӣ	Содержит иллюстрации	[Хосейн-е Корд 1978]
9	1377 (1998-1999), Тегеран, Издательство Дунӣā-йи китāб, под редакцией Са‘ида Кани‘и, 159 с.	Куллийāt-и Ҳусайн-и Курд-и Шабистарӣ	Содержит иллюстрации	[Хосейн-е Корд 1377]
10	1378 (1999-2000), Тегеран, издательство Пийдāйиш, 108 с.	Қисса-йи Ҳусайн-и Курд-и Шабистарӣ	Содержит иллюстрации	[Хосейн-е Корд 1378]
11	1381 (2002-2003), Тегеран, издательство Джāмадāн, 161 с.	Қисса-йи Ҳусайн-и Курд-и Шабистарӣ	Нет данных	[Хосейн-е Корд 1381]
12	1382 (2003-2004), Тегеран, Издательство	Дāстāн-и Ҳусайн-и Курд-и	Содержит иллюстрации	[Хосейн-е Корд 1382 I]

	Фарāхāни, редактор 'Аббас Шабгахи Шабистари, 339 с	Шабистарй аз дāстāнхā-йи кухан-и Йрāни хамрāх бā таṣāвйр		
13	1382 (2003-2004), Тегеран, издательство Бāмдāд Китāб, Автор Амин Утана Мусавизада, 48 с.	Чахāр-сўқ: Мāджарā-йи Ҳусайн-и Курд-и Шабистарй	Нет данных	[Хосейн-е Корд 1382 II]
14	1384 (2005-2006), Тегеран, издательство Қукнўс, редактор 'Али-Рида Сийф ад- Дини, 221 с.	Қиṣṣа-йи Ҳусайн- и Курд-и Шабистарй	Нет данных	[Хосейн-е Корд 1384]
15	1387 (2008-2009), Тегеран, издательство Нашр-и пийдāйиш, автор Мухаммад-Рида Шамс, 107 с.	Қиṣṣа-йи Ҳусайн- и Курд-и Шабистарй	Художник и оформитель Мухаммад Махди Табатабаи, содержит иллюстрации	[Хосейн-е Корд 1387]
16	1388 (2009-2010), Тегеран, автор Раджаб-'Али Замани, 54 с.	Қиṣṣа-йи Ҳусайн- и Курд-и Шабистарй	Содержит иллюстрации	[Хосейн-е Корд 1388]

Популярность дастана, видимо, была настолько велика, что сюжет, а может и само произведение перекочевали в тюркоязычные литературы. В Иране были изданы две версии дастана на азербайджанском языке, информация о которых приведена в Таблице 3:

Таблица 3: Типографские издания дастана о Хусайне Курде на азербайджанском языке				
№	Выходные данные	Заглавие	Примечания	Ссылка на источник (или место его упоминания в научных работах)
1	Тебриз, Бунйād-и Китāбхāна-йе Фирдавсй-йи Табрйз, 120 с.	Куллийāt-и Хусайн-и Курд-и Шабистарй, шйрйн ва қахримāнй бйр дāстāн āзарбāйджāнй фулкўлўрйндāн	Нет данных	[Хосейн-е Корд-е азари I]
2	Издательство Пийдāйиш	Қисса-йи Хусайн-и Курд-и Шабистарй (āзарй)	Нет данных	[Хосейн-е Корд-е азари II]

2.2.3. Содержание печатных версий

Рукописный источник ни одной из печатных версий нам не известен. Хотя М. Афшари утверждает, что тексты всех литографических и типографских изданий основаны на первом литографическом варианте дастана «Хусайн-нāма», датированном 1265 г. х. (1848-1849 гг. н. э.), и все включают в себя те или иные допущенные в нем ошибки [Афшар 1386: 36-37], на данный момент утверждать это со стопроцентной достоверностью невозможно, поскольку количество источников, приводимых иранским

ученым в его статье весьма ограниченно. Остальные же издания дастана требуют более детального изучения.

Все же схожие друг с другом варианты дастана о Хусайне Курде начинаются с краткого пересказа событий похода иранского *пахлавāна* Масиха Дукмабанда Табризи в город Балх и *вилāйат* Хата, где повествуется о том, как он убил двух узбекских ханов и устроил хаос в обоих городах («разжег огонь, дым от которого затмил источник солнца») [Афшар 1386: 35-36], [см. Приложение 5]. В этих строках читатель сразу погружается в мир дастана. Ему раскрывают эпоху, в которой происходит действие – время шаха ‘Аббаса I. Титулы, которыми именуют Масиха: «потомок Победоносного Льва Аллаха Али ибн Абу Талиба», «воспитанник Будаг-хана Парчавли» – указывают на его особую роль члена суфийского ордена, возглавляемого шахом. За орденом следит наставник Масиха Будаг-хан, являющийся *ахдасом* – главой ночной стражи. Масих недавно убил двух людей и разорил город Балх – это указывает на приграничные конфликты между представителями низших и средних слоев населения двух стран, действующими от лица своих правителей. Религиозная подоплека видна в том, что Масих поразил и унизил являющегося суннитом ‘Абд Аллах-хана (перс. *عبد الله خان*) за свою веру – шиизм имамитского толка. В конце концов, в этом же отрывке деяния Масиха создают интригу, которая влечет за собой все остальные действия персонажей и события в сюжете.

Далее повествуется о том, как ‘Абд Аллах-хан, замышляя месть, отправляет гонца в Хату. Гонiec, прибывая к воротам города, объявляет привратнику, что он последователь суннитского ислама [см. Приложение 6]. Таким образом в дастане определяются и называются две базовых противоборствующих религиозных силы, после чего продолжает развиваться действие [Stanfield-Johnson 2004: 77-78].

Шах-Джахан Хата’и (перс. *شاه جهان خطائی*) в сговоре с ‘Абд Аллах-ханом отправляет в Иран отряд под руководством Бабраз-хана (перс. *ببراز خان*) и Ухтар-хана (перс. *اختر خان*) для свершения мести Масиху и убийства недавно

взошедшего на престол шаха ‘Аббаса [Афшар 1386: 35-36]. Вскоре после отправления узбекских воинов в Иран отряд разделяется: воины под командованием Бабраз-хана отправляются в Тебриз, а воины во главе с Ухтар-ханом – в Исфахан. Первым делом внимание повествователя сосредотачивается на событиях, происходящих в Тебризе, и только потом в Исфахане – такое развитие действия необходимо, чтобы главный герой дастана – Хусайн Курд – смог реализовать себя и подготовиться для своего главного подвига именно в цветущей столице государства Сефевидов, ставшей настоящим символом династии.

На момент появления в повествовании Хусайна, отряд Бабраз-хана уже разорил Тебриз. Масих, отправленный в Тебриз шахом ‘Аббасом для того, чтобы разобраться с узбеками, узнает о Хусайне Курде, находит его, видит, как Хусайн убивает человека, укравшего овцу, принадлежащую ему и его матери, понимает праведность действий Хусайна и забирает его под свое крыло. Однако, как мы далее видим в повествовании, Хусайн не из тех людей, кто готов признать свое подчиненное положение. Он проявляет свою самостоятельность и внутреннюю силу и отправляется на перекресток базара без позволения Масиха. Там Хусайн встречает Бабраз-хана и убивает его. После череды определенных событий он покидает Тебриз и отправляется в Исфахан – совершенно независимо от Масиха, уже вернувшегося в иранскую столицу. Там Хусайн убивает Ухтар-хана, не раскрывая при этом свою личность – как и во время совершения своего первого подвига. Этим же действием *пахлавān* спасает и шаха ‘Аббаса. Вскоре после того, как Хусайн Курд справляется с узбекской угрозой, он встречает своего второго наставника – Бабу Хасана Бийдабади (перс. بابا حسن بيدابادی). Именно ему он раскрывает свои нравственные идеалы, в частности, указывает на принятый им незадолго до его поединка в Тебризе обет безбрачия.

Хусайн возвращается в Тебриз, чтобы постоять за свою честь. Вскоре после получения прощения он узнает о том, что в Мешхеде высокопоставленными суннитами был оскорблен некий Дарвиш Булбул

‘Ираки (перс. درويش بلبل عراقى). Дарвиш Булбул произносил на базаре восхваления ‘Али, после чего он был отведен к *dārūze* – главе городской стражи. После того, как Дарвиш отказывается от своей веры, ему по приказу *dārūzi* отрубают нос и уши. Хусайн, тесно сплетенный судьбой со своими наставниками Масихом и Хасаном и, косвенно, с шахом ‘Аббасом, решает отправиться в Мешхед и отомстить за Дарвиша Булбула. После свершения мести Хусайн обретает заслуженную славу. Однако перед тем, как Хусайн покинет Мешхед, его в хаммаме узнают узбеки. Служитель хаммама безуспешно пытается помочь Хусайну. Но Хусайн все же спасается, получая чудесную помощь от двенадцатого шиитского имама Риды. Таким образом, подтверждается сила Хусайна и его верность своей религии, после чего он может рассчитывать на поддержку божественных сил во время свершения подвигов во имя веры.

Тем не менее, Хусайн все еще не идеальный герой. После возвращения из Мешхеда в Исфахан, он тратит все свои награбленные в Мешхеде деньги на сына хозяина кофейни. Как только средства к существованию заканчиваются, он решает ограбить шахский двор и выносит оттуда иностранный флаг, а также одежду шаха ‘Аббаса, доставшуюся ему от его отца шаха Тахмаспа в качестве реликвии. В такой ситуации, когда его преследует сам шах ‘Аббас, Хусайн решает отправиться в Индию, чтобы искупить свою вину принесением шаху семилетней дани с местных правителей. Этот момент представляет собой просветление и осознание Хусайном своей верности шаху. Она, вместе с верностью шиизму, становится еще одним мотивом действий персонажа. Хусайн Курд вырастает в шиитского героя, осознающего наличие высшей цели – борьбы за веру и отчизну, – и сопротивляющегося ради осуществления этой цели своим личным страхам и страстям. После этого он вступает на территории, контролируемые суннитами, причем не просто в роли исламского путешественника, но в качестве шиитского миссионера.

Как раз в следующей части, когда Хусайн попадает в Хайдарабад, акцент в повествовании еще больше смещается в сторону религиозного

противостояния шиизма и суннизма. Именно в Хайдарабаде богатырь получает покровительство, которое позволит свершиться его триумфу. Здесь же религиозная принадлежность еще теснее переплетается с этнической и культурной.

Путь Хусайна в Хайдарабад проходит через Шираз, далее по морю в город Акбарабад [Stanfield-Johnson 2004: 78-80] (ныне Агра [Stanfield-Johnson 2004: 85]). Хусайн сталкивается со множеством испытаний, но везде его сопровождает спасительное чудесное покровительство ‘Али [Stanfield-Johnson 2004: 78-80]. Во время путешествия на корабле, Хусайн спасает своих спутников от морских чудовищ, а далее без сознания оказывается на берегу [Хосейн-е Корд 1384: 93-94]. Там его находит и спасает рыбак. Хусайн вылечивается и отправляется вместе с нагруженным караваном в Хайдарабад.

Когда Хусайн прибывает в Хайдарабад и находит потерянные им во время путешествия вещи, он становится подмастерьем повара-шиита, владеющего в городе лавкой. Однажды в лавку заходит группа узбеков, говорящих по-персидски, и Хусайн интересуется у повара: «Они узбеки или мусульмане?» Повар объясняет Хусайну, что они носят узбекскую одежду, но сами являются шиитами, и пришли собрать от имени ‘Абд Аллаха Кутб-шаха (перс. *عبد الله قطب شاه*), притесняемого разбойниками Акбара (перс. *اکبر*), налог на поединки – *бāдж-и тīгбāзй*. Несколько позже Хусайн наталкивается на большую группу шиитских торговцев, пытающихся попасть на прием ко двору ‘Абд Аллаха. Хусайн за плату помогает им, а затем, после определенной череды событий, когда он спасает ‘Абд Аллаха Кутб-шаха от коварного притеснителя по имени Талиб Филчашм (перс. *طليپ فيلچشم*), завоевывает признательность правителя.

После спасения Кутб-шаха, Хусайн напоминает союзнику своего правителя о его зависимости от Сефевидов, и сам становится символом мощи империи Сефевидов и ее власти в регионе. Символическая значимость Хусайна подчеркивается и реализуется и в следующем действии *пахлавāна*,

когда он отправляется ко двору Акбара, где победоносно достигает своей цели (сбора семилетней дани).

На поход ко двору правителя Моголов его толкает рассказ ‘Абд Аллаха о том, что Акбар и один из его суннитских амиров, Мир Хусайн (перс. *میر حسین*), совершили поход на Хайдарабад и убили отца ‘Абд Аллаха. Хусайн клянется отомстить за отца ‘Абд Аллаха и собирается отправиться в Джаханабад. Щедрый шах одаривает Хусайна скакуном, доспехами и деньгами, а также дает ему в помощь юного проводника по имени Бихйар (перс. *بہیار*). С благословения правителя, богатырь отправляется в Индию, находящуюся под властью Акбара.

С этого момента Хусайн символизирует собой союз Сефевидов и Кутбшахов. По пути в Джаханабад Хусайн и Бихйар также сталкиваются со множеством препятствий, которые они успешно преодолевают, благодаря покровительству ‘Али. Защищая шиизм, они обращают в него поверженных врагов, которые, после осознания своего поражения, понимают свою неправоту и приходят к вере в ‘Али.

Когда Хусайн и Бихйар достигают столицы государства Акбара, они начинают нападать на дома суннитских амиров, занимающих господствующее положение при дворе. Они усыпляют амиров, давая им определенные вещества, одевают их в женскую одежду и сбривают усы и бороду, таким образом, унижая их. Унижение, являясь одной из скреп этого дастана, служит для подчеркивания религиозного противостояния и праведности шиизма: так, одна из жен одного амира досаждала своему мужу, говоря, что ‘Усман (перс. *عثمان*) его не защитил.

Акбар в это же время изображается как слабый правитель, зависящий от советов своей матери – Хамиды Бану Бигум (перс. *حمیده بانو بیگم*) [Palit 2000: 203]. В повествовании он постоянно осуждается за свою неспособность выбрать между суннитскими амирами и амирами Кызылбашей. Нерешительность Акбара на руку оппортунизму Хусайна, который проникает в придворные круги и использует для своих целей противостояние амиров.

Герой побеждает Акбара через интриги. Чтобы окончательно подтвердить свою силу и власть, Хусайн выходит на площадь, где победоносно убивает взбешенного слона. Акбар отдает Хусайну семилетнюю дань, Хусайн отправляется обратно ко двору шаха 'Аббаса и передает ему бесчисленные сокровища, привезенные из Индии. Шах радушно принимает Хусайна [Stanfield-Johnson 2004: 80-82] и награждает его [Хосейн-е Корд 1384: 221].

2.2.4. Академическое издание Ираджа Афшара

Предметом нашего исследования стал текст критического издания рукописи ИВР [Афшар 1386]. Издание озаглавлено:

قصه حسين كرد شبستري. بر اساس روايت نشناخته موسوم به حسين نامه
Хусайне Курде Шабистари. На основе неизвестного повествования, именуемого Хусайн-нāма».

Книга издана в 1386 г. с. х. (2008-2009 г. н. э.), остальная библиографическая информация приведена в списке литературы [Афшар 1386]. Так как критическое издание основано на тексте рукописи ИВР, его текст представляет собой расположенные по порядку 5 дастанов рукописи: «Мйр Бāқир-нāма» [Афшар 1386: 53-110], «Хусайн-нāма» [Афшар 1386: 111-227], «Муллā-Муҳаммад-нāма» [Афшар 1386: 227-281], «Курдбачча-нāма» [Афшар 1386: 283-394] и «Мйр Исма'ил-нāма» [Афшар 1386: 396-433]. И. Афшар и М. Афшари не выделяют ни один из дастанов, приводя текст в той же организации, что присутствует и в тексте рукописи ИВР: подразделяя его на главы. Дастаны, тем не менее, можно выделить в рамках текста цикла, поскольку каждый из них обладает цельностью и логической завершенностью, а также своим главным героем.

2.3. Теле- и аудиоверсии повести

Дастан о Хусайне Курде также нашел свое отражение и в кинематографе: в 1966 году иранский режиссер Исма'ил Кушан (перс. اسماعيل

كوشان) снял по мотивам дастана одноименный фильм. Сюжет фильма отличается от содержания дастана [Кушан 1966].

В конце концов, на основе текста произведения были созданы и аудиокниги: в 1396 г. с. х. (2017-2018 гг.) компания «Нувйн китāб-и гўйā» записала полный текст повести. Чтец: Ардалан Заргам (перс. اردلان ضرغام). Композитор: Мехди Заре‘ (перс. مهدی زارع) [Хосейн-е Корд 1396].

Во второй половине 2023 года на канале YouTube «lezate dastan» [Лезат-е Дастан] вышла серия из 8 видео, содержащих в себе запись аудиокниги «Дāстāн-и Хусайн-и Курд-и Шабистарй» [Хосейн-е Корд 2023 I]. Через два месяца после выхода серии также вышло одно цельное видео, объединяющее в себе содержание всех остальных записей без пауз и пропусков [Хосейн-е Корд 2023 II].

3. Исследование дастана о Хусайне Курде в версии критического издания Ираджа Афшара

3.1. События дастана и система персонажей

Важной особенностью повести о Хусайне Курде является то, что, в отличие от других народных дастанов того времени, количество упоминаний волшебных явлений в ней сведено к минимуму. Свидетельства об использовании магии, волшебства и о существовании волшебных существ – дивов, гулей и пэри – в тексте всего цикла «Йатйм-нāма» чрезвычайно редки и преобладают только в «Мйр-Исмā‘йл-нāма», в которой повествуется о путешествии иранцев в Фаранг, в далекие неизведанные страны, куда, соответственно, фантазия *наққāла* помещает сущности и предметы, несвойственные его привычному миру. Если говорить о «Мйр-Исмā‘йл-нāма», то можно заметить, что во многом по сюжету и художественным элементам она подражает другому дастану – «Румўз-и Хамза» («Тайны Хамзы») или «Хамза-нāма» [Афшар 1386: 34].

3.1.1. Краткий пересказ событий в версии

«Мир-Бақир-нама»

Шах ‘Аббас восходит на престол. Об этом узнает ‘Убайд Аллах-хан и строит козни против иранского шаха. По его приказу с войском в Иран отправляется Халхал-хан. По приказу шаха ‘Аббаса узбеков принимают в Исфохане. Узбеки начинают творить разбой. Вскоре узбеки убивают отца Сайида Мир Бакира Аджурпаза, после чего Мир Бакир начинает мстить врагу и еженощно убивает узбеков. Халхал-хан жалуется шаху на то, что кто-то убивает его людей, в конце концов, шах, переодеваясь в дервиша, идет на разведку, и обнаруживает Мир Бакира. После этого Халхал-хан приходит за Мир Бакиром с солдатами, но Мир Бакир одолевает врага, и Халхал-хан бежит в Балх. Мир Бакир также отправляется в Балх, но прибывает туда раньше Халхал-хана.

Мир Бакир проводит разведку, затем идет грабить монетный двор. На следующий день об этом докладывают ‘Убайд Аллах-хану, который отправляет на поиски вора главу городской стражи Шайиз-хана (перс. شایز خان). Когда Мир Бакир грабит на следующую ночь дом амира, он сталкивается с Шайиз-ханом и убивает его после непродолжительного поединка.

Зайдя по воле случая в дом Халхал-хана, Мир Бакир встречает дочь хана – Шамс Паринуш (перс. شمس پرینوش) и влюбляется в нее. Девушка отвечает ему взаимностью. Тем временем в Балх прибывает Халхал-хан. Он узнает от служанки о том, что Мир Бакир по ночам приходит в его дом, чтобы видеться с его дочерью и при помощи Давлат-Йар-хана (перс. دولت یار خان) хитростью пленяет Мир Бакира. Шамс Паринуш тем временем сбегает из дома отца.

Мир Бакира помещают в темницу, откуда его, обманывая Давлат-Йар-хана, спасают Шамс Паринуш и ее подруга Гуландам (перс. گلندام). Мир Бакир сбривает усы Давлат-Йар-хану и вместе с девушками уходит в горы, где находят убежище.

После победы Мир Бакира над Давлат-Йар-ханом ‘Убайд Аллах-хан приглашает ко двору Чамушанга Сийаха (перс. چموشنگ سیاه), которому обещает

дочь своего вазира Махпара (перс. ماهپاره). Мир Бакир долгое время проигрывает Чамушангу, но его каждый раз чудесным образом спасает некто одетый в черное. Когда Мир Бакир в конце концов побеждает Чамушанга, последний принимает шиитскую веру. Человек, одетый в черное, узнает, что Чамушанг любит Махпара, умыкает ее из дома вазира и приносит ко входу в пещеру, в которой скрывается днем Мир Бакир с товарищами. Чамушанг и Махпара, влюбленные друг в друга, воссоединяются.

Ко двору ‘Убайд Аллаха тем временем приходит Пичак (перс. پیچک). ‘Убайд Аллах рассказывает ему о происходящем в Балхе, и Пичак обещает поймать Мир Бакира. Мир Бакир спасает человека, одетого в черное, приносит его в убежище, где он и его товарищи узнают, что его зовут Кутб ад-Дин Харати (перс. قطب الدین هراتی), и что он захотел стать учеником Мир Бакира.

Пичак ранит Чамушанга. Мир Бакир встречает Пичака, который требует, чтобы Мир Бакир не воровал и предлагает ему сражаться по ночам. Мир Бакир натывается на человека, одетого в черное, который предлагает ему сразиться. От поражения Мир Бакира спасает Башир (перс. بشیر) – слуга Мир Мухаммада Тахира Сабзавари (перс. میر محمد طاهر سبزواری) – шиитского амира ‘Убайд Аллаха, который скрывает свою веру.

Голандам лечит Кутб ад-Дина, они влюбляются друг в друга. Чамушанг разрешает им быть вместе. Спустя несколько поединков Мир Бакир побеждает Пичака, Пичак становится шиитом.

Мир Бакир узнает о том, что в Бадахшане есть творящий беззаконие Исфандийар Бадахшани (перс. اسفندیار بدخشانی), и отправляется вместе с Чамушангом в Бадахшан. ‘Убайд Аллах-хан тем временем дает чин главы стражи Йари Хамчашму (перс. یاری همچشم).

Пичак рассказывает Кутб ад-Дину, что влюблен в дочь ‘Убайд Аллах-хана, и отправляется умыкать девушку, но оказывается плененным Йари. Йари отправляют в Хату, Кутб ад-Дин отправляется за ним.

Тем временем Мир Бакир начинает грабить дома в Бадахшане, после череды поединков и столкновений с ‘аййāрами он спасает плененного

Исфандийаром Чамушанга, убивает Исфандийара и сбривает бороду и усы Касим-хану.

После победы Мир Бакир с Чамушангом отправляется в Балх. По возвращение он узнает о случившемся и отправляется в Хату, оставив Чамушанга в Балхе.

Пока Кутб ад-Дин грабит Хату, Чамушанг оказывается ранен Йари. Башир приносит его в дом Мира Сабзавари, где тот умирает. Видя это, его возлюбленная, Махпара, закалывает себя кинжалом.

Мир Бакир встречается в Хате с Кутб ад-Дином и спасает Пичака. Втроем они создают некое подобие *зӯрхӯна*. В Хату приходит наставник Пичака Киран Сахрайи (перс. *قران صحرايي*), желающий проучить Пичака, ставшего шиитом. Мир Бакир несколько раз сражается с Кираном, но получает весть о смерти Чамушанга и отправляется с товарищами в Балх. Киран отправляется за ними.

Мир Бакир побеждает Йари и вместе со своими товарищами жестоко пытается его, после чего убивает. В Балх прибывает Киран. После череды поединков, Мир Бакир побеждает Кирана, и тот становится шиитом.

Мир Бакир сбривает бороду и усы ‘Убайд Аллах-хану, после чего он с его товарищами собирает награбленное и отправляется в Исфахан, где передает все богатства шаху ‘Аббасу. Шах великодушно принимает Мир Бакира и его товарищей и приказывает основать *такийа* в Исфахане. Таким образом шах ‘Аббас создает братство *йатймов*, ставя во главе его Мир Бакира.

С этого момента Мир Бакир начинает набирать разных отважных *пахлавйнов*, происходящих из ремесленной среды, себе в обучение. В дастане рассказывается о том, как многие *пахлавйны* приходят ко двору шаха ‘Аббаса и к Мир Бакиру, пытаются показать себя с лучшей стороны: максимально ловкими, хитрыми, сильными и отважными. Один из *пахлавйнов*, Фаррух (перс. *فرخ*), похищает младшего брата Мир Бакира по имени Мир Хусайн (перс. *مير حسين*) и уезжает в Мосул, за ним отправляется погоня, однако Фаррух раскаивается и возвращается, после возвращения получает прощение.

«Хусайн-нāма»

В Балхе умирает ‘Убайд Аллах-хан, престол занимает ‘Абд ал-Му’мин-хан (перс. عبد المؤمن خان). ‘Абд ал-Му’мин-хан отправляет Каландар-хана (перс. قلندر خان) в Иран мстить за своего отца. После череды поединков пришедший в Исфахан к Мир Бакиру богатырь Сабир (перс. صبير) убивает Каландар-хана.

В повествовании появляется Хусайн Курд. Будучи слугой Масиха Дукмабанда Табризи, он ссорится с его женой, и отправляется в Исфахан, где встречает в кофейне юношу Йусифа (перс. يوسف), на которого спускает все свои деньги, после чего принимается грабить город. Джалал Йазди (перс. جلال یزدی) ревнует Йусифа к Хусайну.

Султан Салим в Стамбуле узнает о том, что персидские *пахлавāны* были в Мосуле, и отправляет своего *пахлавāна* ‘Али Чалапи (перс. علی چلیپی) в Исфахан. Происходит череду грабежей и поединков, в которых ‘Али Чалапи неоднократно побеждает иранских воинов.

Хусайн Курд отправляется в Кабул, где его берут в плен. ‘Иса-хан (перс. عیسی خان) начинает пытаться Хусайна, намеревается его убить. Ночью Хусайн убивает пришедшего к нему ‘Ису-хана. Хусайн Курд поджигает районы Кабула. После этого Хусайн Курд пытается достичь девушки по имени Кабул Кизи (перс. کابل قزی), что у него в конце концов выходит. Хусайн после череды приключений побеждает еще двух *пахлавāнов*: Хужабра Шутурлаба (перс. هژبر شترلب) и Мусу-хана (перс. موسی خان). Хусайн убивает Кабул Кизи, потому что она хитростью выдала Хусайна Мусе-хану. После этого Хусайн Курд возвращается в Исфахан.

Шах узнает о том, что в Стамбуле есть волшебные артефакты: чаша Нушбад (перс. نوشباد) и конь-иноходец, и отправляет за ними своих богатырей: вызываются Мир Исма‘ил, Хусайн Курд и Масих Табризи. После череды приключений и поединков *пахлавāны* похищают все предметы, сбривают бороду и усы султану Салиму и привозят это все в Исфахан ко двору шаха ‘Аббаса.

В Исфахан прибывает отправленный Салимом богатырь Хурмуз Карани (перс. هرمز قرنی), начинающий грабить город и побеждающий иранских *пахлавāнов*. Его побеждает Хусайн Курд. После него в Исфахан прибывает другой османский богатырь – Каплан-паша (перс. قاپلان پاشا) – более сильный и опасный, чем Хурмуз. Джалал Йазди, зативший обиду на Хусайна Курда, становится суннитом и присоединяется к Каплан-паше, начиная нечестно убивать шиитских богатырей. В конце концов Каплана во время поединка убивает Хусайн Курд.

При дворе шаха празднуют победу над Капланом. Хусайн Курд отправляется на свадьбу своего брата Йусифа. Джалал Йазди ночью убивает невесту, похищает Йусифа и отправляется с ним в Балх. Хусайн Курд отправляется за ними, спасает Йусифа. Джалал раскаивается и утверждает, что снова становится шиитом. Во время пути назад Джалал пытается убить Хусайна, забирает Йусифа и возвращается в Балх. Хусайн чудом выживает, его спасают купцы. После возвращения в Балх и ряда определенных событий Хусайн убивает Джалала.

Шах ‘Аббас узнает о том, что в стране Чин Малик-шах (перс. ملک شاه) творит несправедливость по отношению к шиитским торговцам и отправляет туда пятерых *пахлавāнов*. В страну Чин также прибывает Хусайн Курд. После череды тяжелых поединков Хусайн Курд побеждает *пахлавāна* Хуррама Чини (перс. خرم چینی), и тот становится шиитом. Здесь же в диалоге с Малик-шахом упоминается о том, что Хусайн Курд уже побывал в Индии. *Пахлавāн* Малик-шаха Михтар Аташ (перс. مهتر آتش) ловит всех персидских богатырей и заключает их в темницу, но их спасает девушка. *Пахлавāны* убивают Михтар Аташа, а сами отправляются в Исфахан ко двору шаха.

«Мулла-Мухаммад-нама»

В Ширазе вырос отважным воином юноша по имени Хашим-хан (перс. هاشم خان). В него влюбился Хаджжи Мулла Мухаммад. Они вместе начали грабить Шираз, поэтому наместник Шираза Имам Кули-хан (перс. امام قلی خان) стал отправлять гонцов к шаху ‘Аббасу. Шах приказывает Мир Бакиру

отправиться в Шираз и привести Муллу Мухаммада. С Мир Бакиром вызвались также еще несколько *пахлавāнов*, в числе которых были Масих и Хусайн Курд.

Богатыри приходят в Шираз ко двору Имам Кули-хана, а Мулла Мухаммад решает их поймать. У *пахлавāнов* никак не получается найти и поймать Муллу Мухаммада, который каждую ночь грабит город. В Шираз, переодевшись, отправляется сам шах ‘Аббас, и ловит Муллу Мухаммада. Муллу Мухаммада заключают в тюрьму, но его спасает его сестра Маниджа (перс. منیجه).

Хаджи Мулла Мухаммад отправляется в Балх, где притворяется музыкантом с темным цветом кожи, играющим на свирели, называется именем Мубарак Сийах (перс. مبارک سیاه), попадает ко двору ‘Абд ал-Му’мин-хана, убивает узбекского *пахлавāна* Тигбаза (перс. تیغ‌باز), становится главой городской стражи Балха и начинает отдавать приказы, приносящие вред городу. Мир Бакир отправляет *пахлавāна* Маланга (перс. ملنگ) в Балх разведать, что там происходит, но Мулла Мухаммад ловит его и сажает в темницу.

Мир Бакир отправляет в Балх еще пятерых *пахлавāнов*, но Мулла Мухаммад пленяет и их. После них таким же образом в плен попадает еще 59 иранских *пахлавāнов*, отправляющихся в Балх. В конце концов Мулла Мухаммад их всех отпускает, и сам прибывает ко двору шаха ‘Аббаса, где затем раскрывает что главой стражи Балха был он.

«Курдбачча-нāма»

‘Абд ал-Му’мин-хан отправляет в Исфахан своего *пахлавāна* Алмаса ‘Акраба Пишани (перс. الماس عقرب پیشانی). Прибыв в Исфахан, Алмас начинает грабить город и сражаться с *пахлавāнами*-шиитами. Алмас оказывается ранен и скрывается. Шах ‘Аббас узнает о том, что в Балхе у купца отняли коня Джаханпайма (перс. جهان‌پیما), и отдает приказ найти *пахлавāна*, который смог бы отправиться в Балх, привести этого коня и принести голову главы стражи Балха – Азрака (перс. ازرق). Вызывается *пахлавāн* Хайдар (перс. حیدر).

Хайдар отправляется в Балх, после ряда приключений убивает Азрака, но сам оказывается пойманным *пахлавāном* по имени Уланги Каба (перс. *النكى قبا*). Шах ‘Аббас отправляет в Балх *пахлавāна* Ширафкана (перс. *شیرافکن*). Ширафкан также оказывается пленен. В плен попадает и богатырь Садик Нишабури (перс. *صادق نیشابوری*).

Шах ‘Аббас отправляет в Балх Хусайна Курда. Ему удается освободить Хайдара и Ширафкана, но он ссорится с ними. После череды поединков Хусайн Курд убивает Уланги Каба, а затем Азрака – еще одного *пахлавāна* ‘Абд ал-Му’мин-хана. Однако самого Хусайна пленяют, обманув. Хусайна освобождает еще один персидский богатырь.

Тем временем в Исфахане от ран оправился Алмас ‘Акраб Пишани. Он спасает своих товарищей, и они отправляются в город Балх. Шах ‘Аббас отправляет за ним в погоню 25 своих *пахлавāнов*. Часть из них попадает в плен к узбекам.

Шах приказывает кому-то пойти и освободить своих воинов. В этот момент в дастане появляется Йузбаши Курдбачча. Прибыв в Балх, Йузбаши, одновременно с разорением города и поединками с неприятелями творит многочисленные непотребства. Йузбаши поочередно унижает или убивает всех узбекских богатырей, сбривает бороду и усы ‘Абд ал-Му’мин-хану, и совершает над ним насильственные действия сексуального характера. После этого все персидские *пахлавāны* возвращаются в Исфахан, докладывают о своих подвигах шаху ‘Аббасу и пируют.

«Мйр Исма‘йл-нāма»

К шаху ‘Аббасу из Фаранга прибывает купец, который рассказывает о девушке, которую украли в Фаранг и отправили там в публичный дом. Шах говорит Мир Бакиру, что этот позор нужно стереть, и Мир Исма‘ил вызывается отправиться в Фаранг, чтобы разорить его. Через море Мир Исма‘ил достигает Фаранга, где после череды различных приключений, спасает несколько девушек, становится шахиншахом и возвращается с

войском ко двору шаха ‘Аббаса, где шах женит его на спасенных Мир Исма‘илом невестах.

3.1.2. Система персонажей

В повести фигурирует около трехсот персонажей, поэтому мы решили ограничиться только кратким обзором системы, в которую они организованы. Ознакомиться со списком персонажей можно на страницах 41-50 критического издания [Афшар 1386: 41-50].

Главными персонажами каждого дастана выступают *пахлавāны* или дилавары (перс. *дилāвар* – «храбрец, отважный человек, герой»). Один из них обычно находится в центре повествования – в таком случае он является самым сильным и отважным среди своих товарищей и неприятелей. Таковыми в разных дастанах рукописи ИВР являются Саййид Мир Бакир, Хусайн Курд, Мулла Хаджжи Мухаммад Ширази, Саййид Мир Исма‘ил. Персонажами первого плана также являются сильные соперники иранских богатырей, такие, как Хасан Чалапи или Алмас ‘Акраб Пишани.

Персонажей второго плана отличает то, что они, фактически, не могут действовать самостоятельно. Все их действия, по сути, или служат для создания мотивации для развития сюжета, как в случае с ‘Убайд Аллах-ханом, или направлены на главного героя дастана, то есть главный герой своими действиями заставляет действовать персонажей второго плана.

В качестве персонажей второго плана в повести фигурируют враждебно настроенные *пахлавāны*, *пахлавāны*, находящиеся в подчинении у главных героев (далее в работе по отношению к ним используется слово *мурīды*, поскольку старшие более сильные и опытные богатыри, на которых сосредоточено внимание *наққāля*, фактически являются для них наставниками – *муришдами*), крупные правители и прекрасные девушки.

Мурīды, такие, как Пичак Хатаи, Чамушанг Сийах и другие, нередко фигурируют, как и персонажи первого плана, в нескольких дастанах. Женские же персонажи (Шамс Паринуш, Махпара) и *пахлавāны*-враги (Исфандийар-

хан, Филчашм), а также правители (султан Салим, ‘Убайд Аллах-хан), за исключением ‘Абд ал-Му’мин-хана, в большинстве случаев появляются только в одной из повестей.

Мурйды во всем слушаются своего *муршида*: если он приказывает пойти сражаться – идет сражаться, если приказывает пойти грабить – отправляется грабить. Большинство из них обладает своей особенной историей: кто-то увидел персидского *пахлавāна* и пошел за ним, сказав, что хочет стать его учеником, кто-то был суннитом, и, оказавшись побежденным шиитским богатырем, осознал праведность шиитской веры, а кто-то, услышав о подвигах иранских витязей, обрел в их лице кумиров, и стал воровать и драться, следуя их примеру. Многим *мурйдам*, являющимся героями второго плана, свойственно до становления учениками *пахлавāнов* действовать в качестве *сийāхпūшей* – скрытных и ловких воинов, «одетых в черное». В таком виде они нередко спасают главного героя или его помощников.

Правители действуют согласно их образу, сложившемуся в народной литературе: отдают приказы своим подданным, дают им награду за свершенное ими действие или в качестве поощрения за будущее его выполнение и, конечно, угрожают им и запугивают их. Правителю свойственны чувства и слабости любого простого человека: они могут бояться и удивляться, расстраиваться и ликовать. Правитель в дастане обязательно оказывается жертвой *пахлавāна*.

Обособленно, однако, стоит персонаж шаха ‘Аббаса. Хотя он также является второстепенным персонажем, и такие его, на первый взгляд самостоятельные, предприятия, как переодевание в дервиша и поимка им лично Хаджжи Мухаммада Ширази служат только для того, чтобы дать новый виток развитию сюжета, он разительно отличается от своих «товарищей по профессии». Он никогда не выступает в роли жертвы, а скорее играет роль борца, когда на него нападает неприятель. Он окружен неким духовным ореолом, который ощущают все окружающие – и враги, и подданные. В целом,

особенности этого персонажа рассматриваются далее в 4-й главе данной работы.

Такого персонажа, как прекрасная девушка, вместе с прекрасным юношей-танцором можно было бы отнести к эпизодическим персонажам, но ее отличие от последнего заключается в том, что она выступает более активным деятелем, нежели юноша. Девушки спасают *пахлавāнов* и лечат их, в отличие от юношей, которые в абсолютном большинстве сцен служат исключительно для услады воинов.

Второстепенным персонажем также является чиновник-шиит Мир Мухаммад Тахир Сабзавари, состоящий на службе у узбекского хана. Он весьма деятелен и очень часто появляется в повествовании. Однако его функциональная несамостоятельность в поступках и обусловленность его деятельности действиями основных персонажей не дают ему выйти на первый план. Он укрывает в своем доме персидских богатырей и их невест, если узбекский хан грозит *пахлавāнам* казнь, он пытается ее отсрочить.

Следующей ступенью являются эпизодические персонажи, коих в повести огромное количество. Это множественные *мурīды*, заместители (араб. *нā'иб*) *пахлавāнов*-суннитов, их подчиненные, *'аййāры*, суннитские и шиитские амиры, вазирьы, врачи-хирурги (араб. *джаррāх*), торговцы, ремесленники, районные и цеховые старосты и, как было упомянуто выше, прекрасные юноши-танцоры. Набор их функций в повести сильно ограничен.

Такие эпизодические персонажи, как *мурīды*, порой ведут себя как основные, однако в повести их действия не раскрываются подробно и порой эти персонажи только перечисляются [Афшар 1386: 128]. *Нā'ибы* (Шайиз-хан) и *'аййāры* (Зибрзанг, Зангула), появляющиеся часто только в одном дастане, единожды сталкиваются с основным персонажем или персонажем второго плана, после чего обычно погибают. Та же участь постигает безымянных врачей, основной функцией которых является вылечить раненого героя. Юноши-танцоры присутствуют обычно в одном типе эпизодов дастана – *пахлавāны* тратят на них все свои, нередко награбленные, деньги. Вазирьы

(Мир Хусайн-вазир, Мудаббир-вазир) почти не влияют на ход действия, хотя и некоторые из них, например, А‘зам-вазир, появляются сразу в нескольких дастанах цикла. Неназываемые торговцы обычно сообщают вести шаху, старосты, действующие обычно как толпа, пытаются поймать *пахлавāнов* или сообщить жалобу на них правителю. Как толпа действуют и воины, находящиеся в подчинении у *пахлавāнов* (перс. *йār*). Некоторые ремесленники, амиры и ханы сами вообще не выполняют никаких функций, а служат только для того, чтобы *пахлавāн* ограбил их и, в случае с последними двумя типами, усыпил, выкрал и унизил различными способами. Порой они вообще выступают в роли внесценических персонажей, потому что о произошедшем с ними рассказчиком только упоминается.

3.2. Композиция и литературные особенности дастана о Хусайне Курде

3.2.1. Композиция и формульные эпизоды

Композиция дастанов представляет собой упорядоченное чередование определенного набора формульных эпизодов. Сюжет развивается по одной и той же схеме. Мотивируемый жадной мести за нанесенное оскорбление или приказом правителя, желающего заполучить определенные волшебные дары или так же свершить отмщение, *пахлавāн*, иногда в сопровождении своих товарищей, отправляется во вражеский город. Детали маршрута обыкновенно опускаются, если же присутствуют, то описываются без подробностей. По прибытие в город герой проникает внутрь него, обычно гуляет по городу, проводя разведку: узнавая, как устроены улицы и базар, где находятся богатые лавки, дома зажиточных людей и дворец правителя. Обычно поначалу *пахлавāн* останавливается в караван-сараях, затем находит себе и своим спутникам убежище (перс. *сардам*), служащее им укрытием до конца их пребывания в городе. В некоторых случаях *пахлавāн* сразу отправляется в убежище. Сардам обычно находится за чертой города, часто в горах.

Далее наступает ночь, когда герой со своими товарищами, если таковые имеются, переодевается в «*либās-и мубаддал*» – «измененную одежду», и

отправляется грабить город. Он перебирается через стену при помощи веревки (перс. *каманд*) и по улицам добирается до своей цели: монетного двора (*даррāбхāна*), или дома какого-нибудь амира. При проникновении в *даррāбхāна пахлавāн* нередко убивает находящихся там мастеров, после чего похищает золото. Проникновение в дом амира сопровождается перелезанием через стену с перебрасыванием веревки через нее, после чего богатырь усыпляет хозяина дома и переносит его во внутренний дворик (перс. *бāгчасарā*), где начинает его допрашивать и пытаться. Пытка происходит независимо от того, выдала жертва грабителю местонахождение его имущества или нет. После свершения акта унижения *пахлавāн* крадет мешок золота (перс. *парда-гилīm-и зар*) (см. Приложение 7). Довольно часто эпизод воровства оканчивается оставлением записки в которой написано о том, кто и для чего свершил воровство (перс. *дастбурд-нāмча*) – этот акт служит для демонстрации силы, отваги и ловкости *пахлавāна*, чтобы слава о нем пошла по всему городу, а дальше и по Ирану (см. Приложение 8).

Умыкание девушки представляет собой особый подвид воровства. Оно никогда не выполняется в начале арки о походе в какой-либо город, а осуществляется только в середине или конце. *Пахлавāн* в этом случае отправляется в очень хорошо охраняемый дворец, принадлежащий самому правителю – шаху или хану – или его приближенному вазиру. Девушка обычно приходится хозяину дочерью, и отец часто прячет ее в некой потайной комнате, сокрытой в глубинах женской части дворца. Поэтому *пахлавāн* часто безуспешно тратит полночи на поиски девушки, в конце концов, ловит и допрашивает одну из служанок, которая выдает ему местоположение его цели. Служанку вместе с девушкой он усыпляет, девушку заворачивает в ковер и переносит с собой через стены за пределы дворца. Иногда богатырь не успевает покинуть враждебные пределы до рассвета, оказывается замечен, и тогда начинается погоня, которая может закончиться пленением *пахлавāна* (см. Приложение 9).

Иногда, конечно, грабеж, совершаемый *пахлавāном*, сопровождается разрушением: герой поджигает дома, из-за чего в городе сгорает сразу несколько кварталов. Такую практику впервые вводит Хусайн Курд (см. Приложение 10).

После успешного грабежа герой с другими *пахлавāнами*, у каждого из которых наполненный золотом мешок, возвращается тем же путем в убежище, там же они прячут награбленное. На утро в городе слуги извещают правителя о произошедшем грабеже, и тот требует к себе *дāрӯзу* – главу городской стражи, которому он отдает приказ найти и поймать вора (см. Приложение 11). В редких случаях после долгих поисков *дāрӯга* может найти *пахлавāна* в караван-сараях, и тогда начинается такой формульный эпизод, как неравный бой, но обычно *дāрӯга* назначает *аҳдāса* – главу ночной стражи, который занимает почетное место на перекрестке базара (перс. *чахāр сӯк*): он восседает на троне (араб. *курсй*), установленном на пьедестале, подле него стоит стража – обычно в количестве сорока человек. Порой *дāрӯга* сам является *аҳдāсом*. На следующую ночь богатырь снова проникает в город, и тогда он сталкивается с *аҳдāсом* – происходит другой формульный эпизод – поединок. Если *пахлавāн* пришел в город не один, тогда он может отправить своих подчиненных или товарищей грабить – по фабуле параллельно развиваются два эпизода: грабеж и поединок – а сам начинает сражаться с главой стражи.

Пахлавāн выходит на перекресток базара и приветствует *аҳдāса* фразой «شب بخير» – «Доброй ночи!» Глава стражи также приветствует своего соперника. Противники обязательно называют себя и своих наставников, нередко произнося: «هر که داند داند و هر که نداند بگويم تا بدانند» – «Каждый, кто знает, [тот] знает, а каждому, кто не знает, скажу, чтоб знал». Затем *ахдас*, в некоторых случаях, предлагает вошедшему вино (перс. *шарāб*), после выпивания которого должен начаться поединок (см. Приложение 12).

Описания поединков чрезвычайно разнообразны, но вот итоги их можно свести к нескольким основным формульным завершениям:

- Побеждает *пахлавāн*, *ахдāс* погибает или оказывается ранен. На *пахлавāна* набрасывается стража *ахдāса*, часть из них *пахлавāн* убивает, часть из них убегает с места битвы. *Пахлавāн* отправляется грабить или, если время близится к рассвету, покидает город. Если *ахдāс* ранен, убегаящая стража уносит его с собой, и эпизод поединка повторится позднее, когда *ахдāс* выздоровеет.

- Побеждает *пахлавāн*, *ахдāс* принимает шиизм. *Ахдāс* также приказывает своей страже принять шиизм: часть принимает, часть убегает с места битвы. *Ахдāс* вместе с *пахлавāном* покидает город и уходит в убежище.

- Побеждает *ахдāс*. Если *пахлавāн* суннит – он погибает от рук *ахдāса*. Если *пахлавāн* шиит – он оказывается ранен, после чего его либо спасает *сийāхнūш*, либо его берут в плен. Пленного *пахлавāна* либо снова спасают, либо, в редких случаях, казнят.

- Ничья. *Ахдāс* дает *пахлавāну* возможность уйти, чтобы поединок продолжился на следующую ночь.

- Ничья, битва продлилась до утра, и либо *ахдāс* не дает *пахлавāну* уйти и приказывает его поймать, либо *пахлавāн* просто не покидает место битвы до утра, на базар приходят люди и воины. В этом случае за поединком следует формульный эпизод, который можно назвать «неравный бой».

В ходе неравного боя богатыря преследует несметное количество стражи. Спустя череду долгих поединков, погонь по крышам и улочкам, штурмов домов, в которых пытается укрыться *пахлавāн*, ему либо удастся уйти, либо он попадает в плен, за чем закономерно следует эпизод его спасения из плена. Спасением героя из темницы (перс. *зиндāн*) занимается либо его товарищ, либо прекрасная девушка, возлюбленная главного героя. У них обеих одна задача: усыпить главного врага и охрану. В то время, как первый прибегает к различным ‘*аййāрским* уловкам, девушка пользуется своим обаянием, заставляет *ахдāса* отправить всю его стражу в другое место и незаметно подсыпает снотворное ему в вино.

Сцены поединков и грабежей повторяются в каждом дастане много раз в разных связках. Иногда, когда *ахдāс* оказывается ранен, он просит *пахлавāна* не грабить город по ночам, пока он не выздоровеет. *Пахлавāн*, следуя закону чести, терпеливо ожидает выздоровления своего противника и не позволяет никому из своих товарищей творить грабежи вплоть до его новой встречи с неприятелем. Порой богатырь чувствует, что может погибнуть и не вернуться с поля боя. Тогда он берет своего товарища за подол его одежды и завещает ему отомстить. Примечательно, что это действие не обязательно влечет за собой гибель героя.

Итогом череды испытаний и трудностей, которые претерпевают шиитские *пахлавāны*, выступающие или в роли нападающих, или в роли *ахдāсов*, является устранение всех препятствий с их дороги и их закономерная победа. Если богатыри отправлялись в город суннитов, то им теперь никто не мешает им свершить главную цель – унижить суннитского правителя, для чего главный из них, как и в случае с умыканием девушки, проникает во дворец, где исполняет свой насильственный акт над ханом или султаном, и, уходя, уносит с собой еще один мешок золота.

После этого *пахлавāны* пережидают в убежище несколько дней, когда отправленная за ними погоня безрезультатно вернется обратно в город, иногда они сами отправляются в город, чтобы украсть несколько караванов (араб. *катāр*) вьючных животных, на которых они грузят все награбленное за долгие месяцы пребывания в городе добро, и наконец покидают город, отправляясь в обратный путь.

На этом, конечно, арка не заканчивается, потому что далее следует прибытие в стольный град Исфахан, пришествие на поклон с привезенной добычей ко двору шаха ‘Аббаса и получение от шаха награды в виде особой одежды (араб. *хал ‘ат*) или титула *дāрўги* или *хāкима* – «наместника».

В качестве связки для формульных эпизодов служит узнавание информации. Оно в самых разнообразных видах выступает как множество скрепляющих повествование элементов. *Пахлавāн* приходит в город на

разведку, и узнает о строении города и расположении основных целей его грабежей. На следующее утро после грабежа о преступлении узнают подданные правителя: увидев сам факт воровства, а иногда и прочитав оставленную записку. Затем правитель узнает о происшествии от подданных. Далее об этом же от правителя узнает *дārūga*. *Дārūga* отдает приказ ахдасу. О назначении задания *ахдāсу* через разведку или при встрече с ним узнает *пахлавāн*. О ночном поединке *ахдāса* и *пахлавāна* вновь докладывают правителю: или принося ему тело погибшего главы ночной стражи, или *ахдāс* сообщает *дārūге*, а *дārūга* доносит сведения до правителя. О некоторых событиях *пахлавāн* может узнать, подслушав разговоры на базаре.

3.2.2. Посрамление оппонента как один из основных мотивов дастана

Весь дастан пропитан мотивом унижения. Может показаться, что оно представляет собой ничем не обоснованные демонстрацию и утверждение своей силы *пахлавāнами* [Marzolph 1999: 292], однако оно является не только отражением печального факта действительности, но и своеобразным инструментом, обостряющим описание религиозного противостояния [Stanfield-Johnson 2004: 81]. *наққāl* сообщает об унижении, которое терпят шииты от суннитов, что вызывает у шиитского слушателя праведный гнев. Вместе с этим чувством рождается жажда справедливого воздаяния, успокаиваемая только кровью. Рассказчик, закономерно, приводит описание жестокой шиитской мести, которое удовлетворяет томящееся чувство справедливости. В средневековой иранской народной литературе месть за нанесенное мужской чести оскорбление нередко была базовой темой и, следовательно, главной целью героя в произведениях [Stanfield-Johnson 2007: 169].

Однако не каждый акт унижения обоснован мстью – в основе любого унижения в цикле дастанов лежит религиозная мотивация: показать, что вера униженного не праведна, потому что его духовный покровитель не смог защитить его от унижающего. Примечательно и то, что в цикле дастанов о

йатїмах унижение направлено в первую очередь именно на мужскую честь, ассоциируемую, видимо, с честью религии и веры.

Формы унижения в дастане о Хусайне Курде присутствуют самые разнообразные: самый распространенный способ – это сбривание бороды и усов (перс. *тарїшїдан-и рїш-у сабїл*) как уничтожение мужского достоинства и нанесение моральной травмы (о роли усов в иранском обществе подробнее рассказано в 4-й главе данной работы). Причинение духовной боли часто сопровождается причинением боли физической – «выбиванием» ногтей на ногах (перс. *чўб задан-и нāхунхā*). Этот прием, вероятно, неосознанно используется рассказчиком в лице *пахлавāна* как усиление воздействия на психику персонажа-жертвы: его покровитель не способен дать ему ни внешнюю, ни внутреннюю защиту. Необычным, но предельно понятным для средневекового слушателя способом унижения является сексуальное насилие [Stanfield-Johnson 2007: 176-178].

В большинстве случаев жертв *пахлавāны* оставляют в живых – в назидание остальным. Есть, тем не менее, и исключение, когда после мучительных и жестоких пыток персонаж оказывается казнен – в этом случае все унижительные действия предпринимаются по отношению к страшному врагу шиитов в отместку за убиенного им шиитского *пахлавāна* – пытки направлены только на непосредственную жертву, для устрашения только его.

Унижение проявляется и в ругательствах, адресованных неприятелю или используемых по отношению к нему при разговорах с другими лицами: оно включает в себя стандартные фразы, выражающие незаконнорожденность адресата, его нечистоту и недостаток маскулинности [Marzolph 1999: 294]. В последнем выражается и мизогиния, естественно свойственная этому дастану как неотъемлемой части персидской народной литературы.

3.2.3. Особенности стиля

Для поддержания интереса слушателей *наққāли* часто приправляли свое повествование шутками, нередко содержащими неприличные слова.

Повествователь играл со словами, использовал аналогии, противопоставления, рифмованную прозу – *сэдж* [Афшари 1386: 27-30].

Тропы, используемые в дастане о Хусайне Курде, нередко соответствуют тем, что использовались и в других народных дастанах: в среде *наққāлей* были распространены схожие литературные и речевые приемы, а различия произведений заключались скорее в их содержании [Афшар 1386: 21-22]. Ниже приведен перечень тропов, используемых в тексте рукописи ИВР:

Гиперболы нередко используются в дастане:

- При подсчете количества воинов: *حسن چلیی با شش هزار کس بر در خانه* – «Хасан Чалапи с шестью тысячами человек пришел к двери дома Бихзада» [Афшар 1386: 156].

- При обозначении силы удара меча пахлавана: *آنچنان شمشیر بر حریف* – «Так ударил соперника мечом, что меч прошел через его грудь, [рассекши ее пополам]» [Афшар 1386: 92, 286] или: *آنچنان شمشیر بر حریف زد تا جگرگاهش را شکافت*. – «Так ударил соперника мечом, что разрубил его до его печени» [Афшар 1386: 318].

- При обозначении силы броска пахлавана: *حریف را آنچنان بر زمین کوبید* – «Так бросил соперника оземь, что след его позвоночника остался на земле» [Афшар 1386: 71, 100].

- При обозначении ярости и злости персонажа: *گویا دنیا را در سر آن دو دلاور زدند که خنجر بر ایشان می زدند خون ایشان بیرون نمی آمد*. – «Будто так ударили по миру в головах тех двух храбрецов, что даже если бы их ударили тысячей ножей, из них бы не пролилась кровь» [Афшар 1386: 265].

Метафоры в «Хусайн-нама» выполняют следующие функции:

- Для обозначения разорения городов, совершаемого пахлаванами говорится: *آتش روشن کرد که دودش پیش چشمه خورشید را گرفت*. – «Разжег [такой] огонь, что дым его затмил источник солнца» [Афшар 1386: 379-380].

• Иногда эта же метафора используется для запугивания: آتش در این ولایت روشن کنم که دودش پیش چشمه خورشیدرا بگیرد «Разожгу [такой] огонь в этом вилайате, что дым его затмит источник солнца» [Афшар 1386: 318].

• Для обозначения неожиданных горечи и разочарования персонажа наккал говорит: دنیا در مد نظرش تیره و تار شد «мир перед его глазами потемнел» [Афшар 1386: 173-174].

• Для обозначения этой же эмоции также служит метафора سقف را بر آن ازبک چون دید که آدم «[небо]свод уронили на его голову», например: سرش زده اند. «Тот узбек как увидел, что его человек был убит, будто крыша перекрестка базара упала ему на голову» [Афшар 1386: 372].

• Эмоцию страха обозначает такая метафора: زهره در بدن او آب شد «желчь в его теле стала водой» [Афшар 1386: 147]. Эта метафора нередко встречается и в других народных дастанах, например в «Тўтї-нāма».

• Уничтожение врага мусульман обычно ассоциируется с «убиранием колючки с дороги мусульман» – خاررا از سر راه مسلمان برداشتن [Афшар 1386: 197].

• Словом «собака» (перс. *саг*) обозначают врагов иранцев: آن سگ «Та собака ударила троих из его слуг мечом и убежала оттуда...» [Афшар 1386: 286].

• Гневного человека называют «волком» (перс. *гург*): شاه در تالار نشست «Шах сидел в тронном зале, когда увидел, что люди побежали по центру площади, а за ними волк с обнаженным мечом в руке» [Афшар 1386: 115].

• Юного богатыря называют «львенком» (перс. *шїрбачча*): آن چنان آن «Так тот львенок с ним сражался, что, короче говоря...» [Афшар 1386: 178].

• Словосочетание *нақд-и камар* – «плод чресел» – несет в себе значение «сын»: دید که نقد کمر میرباقر در بالای کرسی قرار گرفته. «Увидел, что на курсї

восседает плод чресел Мир Бакира [Мир Исма‘ил]» [Афшар 1386: 187]. Эта метафора встречается в разных вариантах в других литературных текстах.

- В тексте дастана используются и такие распространенные в других текстах народной литературы метафоры, как: *āташ-и ‘аишк* – «огонь любви» [Афшар 1386: 272],

- *абр-и синар* – «облако щита» [Афшар 1386: 145],

- *хāна-йи фикр* – «дом мысли» [Афшар 1386: 272],

- *сандӯк-и сйна* – «ларец груди» [Афшар 1386: 145],

- *қал ‘а-йи бадан* – «крепость тела» [Афшар 1386: 388],

- *мулк-и бадан* – «царство тела» [Афшар 1386: 147].

- Немало метафор посвящено Хусайну Курду: его неоднократно именуют *тахмтаном* [Афшар 1386: 171], что отсылает к Рустаму из «Шāхнāма».

- *Бабр-и байāн* – «свирепый тигр» [Афшар 1386: 153] – еще одна метафора, характеризующая Хусайна, взятая из «Шāхнāма».

- *Див-и сафй̄д-и Табрй̄з* – «белый див Тебриза» [Афшар 1386: 150] – также описывающая Хусайна Курда метафора, заимствованная из «Шāхнāма».

- Хусайна также неоднократно именуют *нахангом* в двух вариациях: *наханг-и дамāн* – «разъяренное морское чудище» [Афшар 1386: 153], и *наханг-и балāд-и (вилāйат-и) Йрāн* – «морское чудище страны (вилаята) Иран» [Афшар 1386: 150].

- *Нур-и дй̄да-йи исламийāн* – «свет очей мусульман» – еще одна характеристика Хусайна Курда.

- *Манзур-и назар-и муршид-и кāmил* – «тот, на кого устремлен взор совершенного наставника» – метафора, подчеркивающая религиозную роль Хусайна в дастане.

- Уважительно *наккал* относится и к наставнику Хусайна Курда – Масиху Дукмабанду Табризи, также именуемому «морским чудищем страны

Иран и белым дивом [вилāйата] Азербайджан» – *наханг-и балāд-и Йрāн-у дйв-и сафйд-и Āзарбāйджāн* [Афшар 1386: 287].

Дастан о Хусайне Курде также полон сравнений:

- Сила героя подчеркивается сразу несколькими тропами, первый из которых используется для описания удара по поясу: *آنچنان با شمشیر بر کمر حریف: زد که او مانند خیار تر دو نیم گردید.* «так ударил неприятеля мечом по поясу, что разрубил его пополам, как свежий огурец» [Афшар 1386: 63, 193, 306]. Это сравнение часто встречается в разных произведениях персоязычной литературы, в частности, его можно найти в «Тўтй-нāма».

- Второй используется для описания отрубания головы одним сильным ударом: *آنچنان بر سر حریف زد که سرش مانند گوی در میدان افتاد.* «Так ударил врага по голове, что голова его упала на поле подобно мячу [для игры в поло]» [Афшар 1386: 306],

- Третий используется для описания удара по щиту: *سپر او مانند جرم* – «разбил его щит, как диск луны» [Афшар 1386: 145]

- Четвертый также описывает удар по щиту: *سپر او مانند قالب پنیر تر برید.* – «разрезал его щит, как головку сыра» [Афшар 1386: 28].

- Золото и бриллианты сравниваются по количеству с «пшеницей и ячменем, насыпаемыми друг на друга»: *من در خانه پدرم این قدر زر و جواهر دیده‌ام که: مثل گندم و جو بر روی هم دیده‌اند.* «Я в доме своего отца так много золота и жемчугов видела, что [они были] будто пшеница и ячмень, насыпаемые друг на друга» [Афшар 1386: 59].

- Нападающие на войско врага пахлаваны уподобляются «голодным львам, бросающимся на стаю лисиц»: *آن دلاور چون شیر که در میان گله روباهی افتد از چپ: و راست می کشت و در بالای یک دیگر می انداخت* «Тот храбрец, будто лев набросился на стаю лисиц, убивал налево и направо, кидал одних на других» [Афшар 1386: 164].

- Окружение пахлавана враждебно настроенными воинами или горожанами подобно *халқа-йи ангуштарй* – «оправе перстня»: *اما سید وقتی نظر*

کرد دید دور او سیاهپوش را مانند حلقه انگشتر گرفته‌اند – «Но тут Саййид посмотрел, увидел, что около него сийахпуша зажали, как [драгоценный камень] оправой перстня» [Афшар 1386: 64].

- Великая боль и печаль персонажа обычно уподобляется «тысяче кинжалов, вонзившихся в печень (грудь)»: حسین و میراسماعیل و مسیح را گویا هزار – «Хусайна, Мир Исма‘ила и Масиха будто тысячей кинжалов ударили в печень» [Афшар 1386: 159]. Это сравнение также типично для народной литературы, оно встречается в «Тўтї-нāма».

- Злой персонаж походит на *бурдж-и захр-и мār* – «башню змеиного яда»: «Увидел Чамушанга Сийаха, который сидел, будто башня змеиного яда» [Афшар 1386: 66]. Этот троп также можно часто повстречать во многих дастанах, например в «Тўтї-нāма».

- Среди сравнений также присутствуют более простые и краткие, такие, как сравнение иранских богатырей со львами (перс. *шїр*): میرباقر و مسیح – «Мир Бакир и Масих увидели, как Хусайн погрузился в кровь во всей своей одежде, как разъяренный лев» [Афшар 1386: 264].

- Скорости их перемещения с *барқ-и лāми‘* – «сверкающей молнией»: «Сколько ни кричал Саййид ему вслед, толку не было – он убежал, будто сверкающая молния» [Афшар 1386: 63].

- Их наготы с *тїғ-и мисрї* – «египетским клинком»: شب دیگر حسین – «На следующую ночь Прославленный Хусайн поставил перед собой переметную суму с доспехами, сначала [разделся] догола, стал, как египетский клинок» [Афшар 1386: 268].

- Богатыри в дастане также «грозны как Рустам» – *Рустам-савлат* [Афшар 1386: 179]. Это сравнение заимствовано из «Шāхнāма».

3.2.4. Особенности языка

Диалектизмы указывают на происхождение *наққāла* из среды кочевников, живших в окрестностях Йезда. Текст рукописи ИВР написан разговорным персидским языком с большим использованием арабизмов. Текст также обладает большим количеством заимствований из чагатайского языка (тюркизмов), которые в наше время можно обнаружить в таджикском языке. Сам Хусайн Курд во время битв восхваляет себя и бранится по-турецки. Текст полон ругательных и нецензурных слов, что особенно заметно в дастане про Йузбаши Курдбачча [Афшар 1386: 22].

Обнаруженные в тексте «Йатїм-нама» грамматические и лексические тенденции перечислены в перечне ниже:

Грамматика:

- К арабским словам, стоящим во множественном числе, иногда дополнительно прибавляется персидский показатель множественного числа.
- Иногда вместо глагола в прошедшем времени используется глагол в форме настоящего-будущего времени, что свидетельствует о вероятной записи текста рукописи с чужих слов.
- Иногда глагольное дополнение стоит после глагола: *سید پرسید سبب را* – «Сайид спросил о причине» [Афшар 1386: 67].
- Иногда подлежащее стоит после глагола: *اما همه جا می آمدند سید و* – «Но шли Сайид и Чамушанг» [Афшар 1386: 85].
- Иногда подлежащее стоит после дополнения: *دیگر از ترس، افغان شب* – «От страха больше афганцы не выходили ночью» [Афшар 1386: 142].
- Иногда наречие стоит в конце предложения: *خود را به کشتن مده عبث.* – «Себя не дай убить напрасно» [Афшар 1386: 82].

Особенности устной речи, отраженные на письме:

- Из-за особенностей произношения слов в устной речи в некоторых местах окончания глаголов на «ند» записаны как «ن».
- Соединительный союз «و» используется как средство связи нескольких предложений.
- Иногда передача союз «و» в устной речи через звук [у] отражается на письме.
- Иногда для придания усиления описанию используется частица «ك».
- Иногда местоимение «آن» заменяется на местоимение «او» и наоборот.

Лексика:

Существительные:

- Слово *улиа* используется со значением «верховое животное» [Афшар 1386: 24]. Отдельно отметим, что слово *улиа* обозначает коня-иноходца, наученного передвигаться рысью, переставляя вперед одновременно переднюю и заднюю ноги с одной стороны тела. При таком ходе конь более плавно покачивается из стороны в сторону, и всадник меньше устает. В некоторых случаях при использовании такой техники конь-иноходец способен передвигаться даже быстрее своих собратьев, скачущих галопом.
- *Ангушт* – «палец» – служит для описания глубины раны.
- *Парда-гилйм* (дословно «занавеса-ковер») и *шāl-и дастмāl* («шалевый платок») обозначают предметы, используемые для переноса награбленного.
- *Та‘н* используется как нумератив для исчисления количества ударов.
- *Калама* имеет значение «свидетельствование о признании верховенства и покровительства ‘Али б. Абу Талиба».

- Словосочетание *кӯча-йи бйҳбаст* используется вместо словосочетания *кӯча-йи бунбаст* со значением «тупик». Это, вероятно, связано с тем, что корни *бйҳ* и *бун* близки по значению.

- Словосочетание *лāш-у лаш* имеет значение «трупы и тела убитых» [Афшар 1386: 24-26].

Прилагательные:

- Слово *чāқ* имеет значение «здоровый».
- При описании беспокойства и волнения используются слова *бйдамāғ* и *мукаддар*.

Наречия:

- Удвоение слова *ҳарман* образует наречие *ҳарман-ҳарман*, которое, подчеркивая интенсивность действия, используется при описании разжигания или угасания огня.

- Слово *хамйн* используется в качестве наречия со значением повторения или продолжительности действия, что равносильно современным *хамйн тавр* или *хай*.

- Наречие *хамаджā* используется для обозначения цикличности или продолжительности движения [Афшар 1386: 22-24].

Глаголы:

- Сложный глагол *Ашнā кардан* имеет значение «бить».
- Глагол *Буррйдан* имеет значение «воровать, грабить»: *اما جلال يزدي گفت اگر غلط نکنم این ضرابخانه را بریده است.* – «Но Джалал Йазди сказал: “Если не ошибаюсь, этот монетный двор он уже ограбил» [Афшар 1386: 133].

- Нередко использующийся и в других текстах *наққālй* сложный глагол *ба дар рафтан* со значением «убегать».

- Сложный глагол *Ба назар дар-āвурдан* имеет значение «видеть, смотреть».

- Превербный глагол *дар-галтидан* имеет значение «падать на землю».
- Сложный глагол *рāст шудан* имеет значение «вставать, подниматься».
- Сложный глагол *Сāқит кардан* имеет значение «тушить огонь».
- Сложный глагол *бар сар-и даст дар-āмадан*, свойственный и многим другим произведениям *наққālī* служит для обозначения наступления ночи или утра.
- Сложный глагол *гузārā шудан* имеет значение «проходить».
- Сложный глагол *муфт-и худ дāнистан* имеет значение «использовать удобный момент» [Афшари 1386: 26-27].

3.3. Отражение исторической эпохи и реальной географии в дастане о Хусайне Курде и других дастанах цикла.

3.3.1. Проблема определения времени создания и записи текста цикла «Йатим-нāма»

Среди специалистов встречаются разные точки зрения относительно того, когда был составлен цикл дастанов о *йатим*ах. Некоторые исследователи полагают, что это произошло во времена правления династии Каджаров (1795-1925), а само произведение представляет собой народное отражение событий своей эпохи на эпоху династии Сефевидов (1501-1736) [Stanfield-Johnson 2004: 74]. Иранские ученые И. Афшар и М. Афшари и американская исследовательница Р. Стэнфилд-Джонсон склонны считать, что «Йатим-нāма» был составлен в конце эпохи Сефевидов (первая половина XVIII в.). Приведенные ниже факты говорят в пользу последнего мнения:

Во-первых, из содержания повести очевидно, что составлена она была для формирования положительного образа династии Сефевидов в народных массах и пропаганды против их врагов – в частности, Османской империи и государства Шибанидов Мавераннахра. Интересен следующий пример, особенно сильно подчеркивающий этот довод: рассказчик чрезвычайно

оскорбительно отзывается о правителе Мавераннахра ‘Абд ал-Му’мин-хане и его сторонниках, принадлежащих узбекскому этносу. Во времена Каджаров, когда была создана рукопись ИВР, нужды в столь экспрессивной эмоциональной окраске уже не было. Во-вторых, в дастане используется множество имен исторических персоналий, таких, как бухарский наместник ‘Абд ал-‘Азиз или наместник Тебриза Пир-Будаг, живших во времена правления шаха ‘Аббаса I. Если при Сефевидях все они были известны в народной среде, то к началу XIX века простые люди уже не знали и не помнили кого-либо из них, а потому при записи или создании текста потребовались бы, как минимум, пояснения, кем те или иные личности являлись – таковые отсутствуют. В-третьих, в «Йатїм-нāма» используется множество слов и выражений, неизвестных иранцам эпохи Каджаров, но прекрасно знакомых иранцам, жившим во времена Сефевидов. Так, в тексте написаны множество раз встречающееся в текстах эпохи Сефевидов слово *ахдāс*, имеющее значение «глава ночной стражи», слово *такийа*, обозначавшее место жительства *пахлавāнов*, и слово *йатїм* [Афшар 1386: 18-19], называвшее «хитреца и ловкача, служившего шаху ‘Аббāсу» [Деххода 1377: 23735]. Все эти слова обладали вышеприведенным значением только в эпоху Сефевидов, в дальнейшем же оно изменилось, подобное употребление стало незнакомым для людей эпохи Каджаров, а слово *ахдāс* так и вообще вышло из обихода, из-за чего было записано в рукописи с ошибкой [Афшар 1386: 18].

Отсутствие же более ранних рукописей отнюдь не говорит о том, что повесть была составлена незадолго до своей записи. Она могла существовать длительное время в устной среде, поскольку необходимость в ее записи отсутствовала. Наиболее вероятно, что записана она была именно для нужд сказителя [Акимушкин 1987: 365-366].

Определение времени записи дастана – задача не менее сложная, чем определение времени его составления. Немецкий ученый, профессор У. Марцольф, высказал предположение, что он был записан в начале эпохи правления Каджаров. Марцольф опирался на то, что, во-первых, старейшей

доступной научному сообществу на момент проведения немецким профессором исследования рукописью была датируемая 1255 г. х. (1839-1840 гг.) рукопись ИВР и, во-вторых, текст этой рукописи изобилует разнообразными словесными формулами и речевыми оборотами, свойственными устной речи [Marzolph 1999: 282], что могло бы свидетельствовать о том, что эта рукопись могла быть создана во время выступления рассказчика-*наққāля*.

М. Афшари, однако, доказал, что рукопись ИВР имеет протограф: об этом свидетельствуют случайные повторы в рукописи предложений, а порой и целых абзацев. Это можно объяснить тем, что взгляд переписчика по ошибке соскакивал на строку выше, и он начинал писать тот же текст заново. Тем не менее протограф рукописи ИВР, вероятнее всего, был написан на основе устного повествования, о чем говорят предложения, указывающие на выполнение рассказчиком определенных действий в ходе его выступления [Афшар 1386: 20]. *Наққāl*, исполнявший *наққāли*, с которого был записан текст рукописи ИВР, вероятнее всего, жил после Афгано-Сефевидской войны, о чем говорят эпизоды борьбы иранских *пахлавāнов* с афганцами. Фигурирующая в тексте дастана мечеть Шах в Тегеране (перс. مسجد شاه تهران), строительство которой происходило во времена Фатх-‘Али-шаха (перс. فتحعلی شاه, гг. правления: 1797-1834) приближает время исполнения *наққāли*, с которого был записан протограф рукописи ИВР, ко времени непосредственной записи последней [Афшар 1386: 20-21]. Наличие же в тексте цикла дастанов о *йатīмах* упоминаний *занбӯраков* («пчелка») – небольших легких пушек, устанавливавшихся на особые конструкции, которые крепились на верблюдах [Floor 2022: 233] – вопреки мнению Афшари вполне может являться еще одним аргументом в пользу того, что дастан был создан при поздних Сефевидях: *занбӯраками* на территории Ирана активно пользовались уже к 1520-м гг. [Floor 2022: 233].

Дата создания рукописи РНБ – 1234 г. х (1819 г.) – пока что только подтверждает позицию Марцольфа относительно времени записи произведения.

3.3.2. Проблема историчности «Хусайн-и Курд»: соответствие персонажей дастана историческим личностям

«Хусайн-и Курд» содержит в себе информацию не только о конкретных географических местах, но и о конкретных исторических событиях. Интерес представляет как минимум то, что время действия достаточно сильно конкретизировано – это эпоха правления шаха ‘Аббаса I Великого Сефевидского (1571-1629 гг., гг. правления: 1587-1629 гг.). Помимо иранского шаха, в тексте упоминается большое количество других исторических личностей: султан Салим, Акбар б. Хумайун (перс. اکبر بن همایون, 1542-1605 гг., гг. правления: 1556-1605) [Marzolph 1999: 281], ‘Убайд Аллах-хан (перс. ابو الغازی عبید الله خان, гг. правления: 1533-1540), ‘Абд ал-Му’мин-хан (г. правления: 1598), бухарский наместник ‘Абд ал-‘Азиз, наместник Тебриза Пир-Будаг [Афшари 1386: 34].

Наместник Шираза Имам Кули-хан из «Йатим-нама», вероятно, является литературным отражением наместника Фарса Имам Кули-хана, сына Аллахварди-хана (перс. اللهوردی خان) [Savory 1930: 1084]. Под именем Гандж ‘Али-хан (перс. گنجعلی خان) встречается в цикле и другой амир шаха ‘Аббаса – Гандж ‘Али-хан Зиг (перс. گنجعلی خان زیگ) [Savory 1930: 754-755].

Есть масса исторических личностей, которые могли бы выступить прототипом такого персонажа, как наместник Ганджи ‘Али Кули-хан (перс. علیقلی خان): это и ‘Али Кули-бек (перс. علیقلی بیگ), вазир корпуса *кӯрчӣ*, и ‘Али Кули-бек Фатх-углу Устаджлу (перс. علیقلی فتح اغلو استاجلو), бывший *вакїл* Казвина, и диванбиги (тюрк. *дївāнбигї*) ‘Али Кули-бек Карамиллу Шамлу (перс. علیقلی بیگ قره میلو شاملو), и беглербег (тюрк. *бийгларбийг*) Фарса ‘Али Кули-хан Зу-л-Кадар (перс. علیقلی خان ذوالقدر), и наместник Кума ‘Али Кули-Султан Зу-л-Кадар (перс. علیقلی سلطان ذوالقدر) [Savory 1930: 1336-1337]. Вероятнее всего,

однако, его прототипом является ‘Али Гули-хан Шамлу (перс. علیقلی خان شاملو), неоднократно защищавший территории Ирана от набегов узбекских племен [Savory 1930: 416, 557-559] и руководивший походами на Мешхед [Savory 1930: 378-379] и Хорасан [Savory 1930: 367, 502-503].

Но при этом в дастане присутствует множество исторических неточностей и ошибок. Так, ‘Аббаса Великого считают наследником шаха Тахмаспа I (1514-1576 гг., гг. правления: 1524-1576), хотя после него до воцарения ‘Аббаса на престоле успели побывать еще два правителя: Исма‘ил II (перс. اسماعیل, гг. правления: 1576-1578) и отец ‘Аббаса Мухаммад Худабанда (перс. محمد خدابنده, гг. правления: 1578-1587) [Иванов 1977: 177-178]. ‘Абд ал-Му’мин-хана называют сыном ‘Убайд Аллах-хана, хотя тот был сыном ‘Абд Аллах-хана (ок. 1534-1598, гг. правления: 1583-1598 [Босворт 1971: 207]). Тем не менее, в печатных версиях «Хусайн-нама» об ‘Абд ал-Му’мин-хане говорится уже как о сыне ‘Абд Аллах-хана. Несовпадение периодов нахождения у власти остальных правителей, упоминаемых в дастане, с эпохой правления ‘Аббаса Великого также становится очевидным после сравнения.

В целом, содержание дастана отражает народное видение этой эпохи: называются самые известные и памятные личности, а мелкие незапомнившиеся правители исчезают из народной памяти. О правителях других стран и говорить нечего – тогда не всякий простой человек знал, кто именно правил в его время, например, в Османской империи. Потому в дастане правителем Османской Турции является султан Салим. Можно немало спекулировать относительно того, кто именно является его прототипом: это могли бы быть и Селим I Грозный (гг. правления: 1512-1520) [Еремеев 1992: 155], и Селим II Пьяница (гг. правления: 1566-1574) [Еремеев 1992: 186], и даже, если допустить, что некоторые данные в дастане могли меняться с течением времени и сменой повествователей, их далекий потомок Селим III (1771-1807 гг., гг. правления: 1789-1807) [Еремеев 1992: 220]. Однако султан Салим из дастана представляет собой скорее собирательный образ всех

турецких падишахов, которому было дано самое памятное в народной среде имя.

Все вышеназванные примеры не позволяют ограничивать время действия дастана строгими рамками. Несомненно, можно назвать абстрактный период – именно эпоху правления шаха ‘Аббāса I, но и о ней следует говорить осторожно, без указания конкретных дат, упоминая только примерный промежуток времени: вторую половину XVI – первую половину XVII века.

Тем не менее, хоть текст рукописи ИВР не стоит использовать как исторический источник по политической истории Сефевидской империи, он показывает, каким образом династия Сефевидов для сохранения и укрепления своей власти, а также пропаганды религии, опиралась на поддержку «людей улицы и базара», иначе говоря, населения городов [Афшар 1386: 15-16]. Цикл дастанов о *йатймах* также может послужить ценным источником информации о быте простого народа, о его обычаях и традициях, бывших распространенными в иранском обществе во времена создания и записи повести [Афшар 1386: 35].

3.3.3. Хусайн Курд: историческая личность или литературный персонаж?

Хусайн Курд в дастане занимает место, схожее с местом Рустама среди богатырей в «Шāхнāма»: он первый среди равных. М. Афшари выдвигает предположение, что изначально персонажа звали Хусайн-и Гурд (перс. حسین گُرد). В таком контексте слово *гурд* имеет значение «витязь (перс. *мубāриз*) и храбрец (перс. *дилāвар*). Отважный богатырь (перс. *бахāдур ва шуджā‘*)» [Деххода 1377: 19025], и вызывает прямые ассоциации с Рустамом. Это же слово можно заметить, в частности, в названии созданной в 1924 году организации традиционного спорта «Джам‘ийат-и Гурдāн-и Йрāн» («Общество героев Ирана») [Chehabi 2006].

Иранский исследователь Милад Джа‘фарпур, однако, считает, что у этого литературного персонажа был реальный исторический прототип –

Хусайн-бек (перс. حسین بیگ). Хусайн-бек происходил из курдского племени Рашванд (перс. رشوند), жившего в окрестностях Тебриза. Джа‘фарпур утверждает, что поначалу его тоже звали Хусайн Курд Шабистари, и за свои отвагу и доблестную службу Пир Будаг-хану Табризи он получил титул бека и нисбу «Табризи», и смог попасть в корпус *қўрчй* шаха ‘Аббаса. Более того, по сведениям, которые приводит Джа‘фарпур, Хусайн-бек, в соответствии с историей, рассказанной в печатных версиях дастана, был назначен главой Сефевидского посольства в Индию, и был радушно принят наместником Кутб-шахов Голконды [Джа‘фарпур 1401 I: 47]. Об этом же упоминает М. Афшари, ссылаясь на «Тārīх-и Кāшāн» («История Кашана») ‘Абд ар-Рахима Калантара Зарраби (перс. عبد الرحيم کلانتر ضرابی) [Афшар 1386: 17].

3.3.4. Фигура шаха ‘Аббаса I в дастане о Хусайне Курде

Рассказчик дает в «Хусайн-нāма» две совершенно отличающихся друг от друга картинки: шаха ‘Аббаса, как праведного правителя, «Тень Бога на земле» (араб. *зиллу Ллāхи фй л-ард*), и остальных правителей-соперников иранского шаха, как недостойных власти. Помимо подчеркивания чисто религиозных черт, по которым слушатель и читатель мог бы увидеть, почему истинным властителем мира является именно иранский шах, *наққāl* выделяет и иные харизматичные характеристики шаха.

В то время как узбекские ханы и османский султан Селим не способны оказать сопротивление пришедшему за ними иранскому воину, и тот спокойно сбрасывает им усы и бороды, да еще и отбивает пальцы ног, падишах Ирана начинает браниться на попытавшегося усыпить его суннита. Харизма и авторитет шаха столь велики, что отважный турецкий *пахлавāн*, победивший не одного персидского богатыря, дрожит, касаясь рукой спящего «полюса мира» (араб. *қибла-йи ‘āлам*). Его дрожь и трепет и становятся причиной пробуждения и ругани шаха ‘Аббаса. Дальше – интереснее: даже получив удар по лицу от нападавшего, шах принимается преследовать его. Останавливает погоню только то, что правитель спотыкается о трупы придворных.

При шахе ‘Аббасе в отношениях между правителем и подданными завершился переход от бытовавшей прежде системы наставник-ученик, основывавшейся на суфийской иерархии, к системе господин-раб, что повлекло за собой появление отличных от прежних моделей преданности и верности шаху [Babaie 2004: 7]. Образ этих отношений в дастане совершенно отвечает образовавшейся тогда в обществе структуре: герои дастана всецело преданы ‘Аббасу Великому, и воспринимают его как своего господина.

Статус единовластного монарха подчеркивается и тем, как правитель грозит провинившимся наказанием и одаривает своих верных и достойных воинов наградой.

Тем не менее, нельзя забывать, что дастан полностью пропитан народным мировоззрением, и выражается оно так же в привычной мысли о том, что правитель без своего народа никто, а настоящий правитель – един со своим народом и сопричастен ему. И шах ‘Аббас в дастане похож на его народ, похож на основных героев повести: он, как и его *йатимы*, как было упомянуто выше, использует *‘аййārские* приемы. Один раз правитель переодевается в дервиша и без какого-либо сопровождения идет на разведку в район Саййид Ахмадийан, где спокойно оказывается принят Мир Бакиром [Афшар 1386: 55] – чем не поступок человека, который близок своему народу? Эта картинка, однако, отвечает приводимому немецким путешественником, секретарем Голштинского Посольства в Московию и Персию, Адамом Олеарием свидетельству: «В Ардебиле случилось однажды, что шах ‘Аббас, желавший проверить бдительность и усердие своей стражи, был захвачен ею и поведен было в темницу, но когда один из стражников узнал ‘Аббаса, то все они упали ему в ноги, прося прощения, которое тот охотно дал им, сказав: “Днем я Царь, ночью же правление поручается вам”» [Олеарий 1870: 803].

3.3.5. Внутривполитический контекст эпохи правления ‘Аббаса I

Ряд явлений политической и общественной жизни эпохи нашли отражение в сюжете повести: это и централизация власти, и взаимоотношения

с внешнеполитическими соперниками (Османской и Могольской империями, государствами Шибанидов и Джанидов Мавераннахра), и усиливающаяся роль шиизма, и рост влияния городских ремесленных и торговых кругов. Невозможно вести речь об отражении исторических процессов и явлений в «Хусайн-нāма» и других дастанах цикла о йатймах, не ознакомившись хотя бы кратко с событиями и процессами, происходившими в империи Сефевидов в XVI – начале XVII вв.

Государство Сефевидов, основанное в 1502 году шахом Исма'йлом I (гг. правления: 1502-1524), в конце XVI века переживало тяжелые времена. Перед 'Аббāсом I, только что ставшим шахом, стояло множество проблем. Среди них были самоуправство тюркских амиров и длительная слабость центральной власти; неповиновение ранее покоренных династий с окраин империи; захват почти половины областей, завещанных шахом Тахмаспом I своим преемникам, Османской империей на западе и государством Шибанидов Мавераннахра на востоке [Roemer 1986: 262]; сокращение внутренней и внешней торговли из-за перекрытия торговых путей и упадок экономики из-за неудачной налоговой политики прежних шахов [Иванов 1977: 180].

Для борьбы с феодальной раздробленностью шах стал опираться на феодалов, заинтересованных в существовании сильной центральной власти – на персидскую бюрократию [Иванов 1977: 181]. Одним из главных препятствий на пути построения централизованного государства были всемогущие главы тюркских племен. Шах начал жестко и бескомпромиссно подавлять тюркскую элиту, сокращая заговоры, устраняя неугодных феодалов и даже уничтожая целые племена. В итоге множество кызылбашей, занимавших руководящие должности, потеряли свои места в администрации [Roemer 1986: 262-264], руководящая политическая роль в государстве перешла от тюркского кочевого элемента к иранскому оседлому [Иванов 1977: 181].

Для получения поддержки от народа, шах стремился к развитию производственных сил собственно иранских областей государства, прежде

всего центральной области – Ирака Персидского, куда, в город Исфahan, в 1598 г. он перенес свою столицу. Преследуя эти цели, шах ‘Аббас провел налоговую реформу: понизил налоги, а некоторым, особенно пострадавшим от войны областям предоставил право налогового иммунитета. Таким образом, удалось облегчить положение крестьян и горожан, что облегчило возрождение экономики страны.

Шахом также была проведена военная реформа, в результате которой правитель не только подготовил государство к войне, но и сократил кызылбашское ополчение, еще более ослабив влияние тюркских амиров на власть. Иран стал более централизованным государством, чем был ранее, но полностью преодолеть феодальную раздробленность правителю не удалось.

Для развития экономики и увеличения населения Центрального Ирана шах переселял туда крестьян и ремесленников из западных областей государства. В Исфahане был построен армянский пригород Новая Джульфа, что также сказалось на экономическом росте. Шахом была проведена монетная реформа. Как было сказано выше, по политическим мотивам правительство преследовало суннитов и покровительствовало христианам.

Покровительство торговле и ремеслу выразилось в заботе о безопасности караванных путей и беспощадной борьбе с разбойниками, в строительстве караван-сараяв и прокладке новых дорог. Застраивались города, строились плотины, проводились значительные оросительные работы [Иванов 1977: 181-185].

Структура сложного административного аппарата эпохи Сефевидов в дастане почти не отражена – эта информация не была важна ни для рассказчика, ни для аудитории, вероятно, они в структуре государственных органов и не разбирались. Единственные гражданские представители государственной власти в дастане – это шахские наместники – *х̄акимы*. Чаще всего *х̄акимами* были местные наследственные владельцы, нередко главы кочевых племен. *Х̄акимы* имели свои местные бюджеты. Европейские путешественники отмечают их произвол и лихоимство [Иванов 1977: 190].

Главными героями «Хусайн-нāма» выступают *пахлавāны*, или, как их иначе называет повествователь, *йатīмы*, исполняющие волю шаха ‘Аббаса. Их поведение в дастане является отзвуком сразу двух, вероятно, взаимосвязанных, исторических явлений: становления традиций *зūrхāна* («дом силы») в Иране и реформирования армии шахом ‘Аббасом. *Йатīмы* шаха ‘Аббаса в дастане очень сильно напоминают представителей личной гвардии ‘Аббаса I (араб. *хāсса*): *зулāмов* (также тюрк. [кўл] – раб) и *кўрчй*. Это отвечает следующему значению понятия *йатīm*: «Раб (перс. *зулām*) и прислужник (перс. *хидматкār*)» [Деххода 1377: 23735], что не безосновательно, так как *йатīмы* при шахе ‘Аббасе, по предположению американской исследовательницы Стэнфилд-Джонсон, представляли собой организованное образование, служивший для возвращения отважных воинов для шаха [Stanfield-Johson 2007: 170]. У Искандар Бега Мунши (перс. اسکندر بیگ منشی, 1560-1634 гг.) встречается также упоминание одного амира ‘Абд ал-Му’мин-хана – Дин Мухаммад-хана (перс. دین محمد خان), также бывшего известным как Йатим-Султан (перс. یتیم سلطان) [Savory 1930: 729]. Его прозвище указывает на то, что, вероятно, институт *йатīмов* был распространен по всему региону и выполнял функцию социальной лестницы, поднявшись по которой, молодой человек мог сохранить в своем титуле слово «*йатīm*», отсылающее к его происхождению из этого института [Stanfield-Johson 2007: 170]. У понятия *йатīm* есть и еще одно значение: «Раб (перс. *зулām*) и прислужник (перс. *хидматкār*)» [Деххода 1377: 23735].

Кўрчй и *зулāмы* были элитными войсками, составлявшими основу регулярной армии Сефевидов. Оба подразделения имели свою администрацию, получали жалованье непосредственно из казны и зависели не от ханов племен, а от шаха через своих командиров – *кўрчйбāшй* (глава *кўрчй*) [Floor 2022 I: 225-229] и *кўллар-āкāсй* (господин *зулāмов*) [Floor 2022 II: 215], бывших в непосредственном подчинении правителя.

Корпус *кўрчй* впервые упоминается в сефевидских источниках около 1500 года. Поначалу он формировался из числа представителей кызылбашских

племен. Позже в него стали входить рекруты из туркоманских племен, а также из грузин и иных нетуркоманских народностей, составлявшие, так называемые, войска *йāсāқ* или *чарйк*. Корпус *зулāмов* изначально набирался из числа чагатайских, арабских и персоязычных племен Хорасана, Азербайджана и Табаристана, а также из представителей низших слоев городского общества. Позже корпус стал формироваться из грузинских, армянских и черкесских мальчиков и юношей, захваченных во время войн. Командный состав *зулāмов* был организован согласно следующему делению: *мйнбāшй* – «тысяцкий», *йўзбāшй* – «сотник», *унбāшй* – «десятник» (также перс. *дахбāшй*). Сотник также имел в своем распоряжении заместителя (араб. *нā'иб*) и адъютанта (тюрк. *йасāвул*) [Floor 2022 I: 225-227]. Примечательно, что в дастане в определенный момент появляется персонаж именуемый Йузбашй, его прозвище, возможно, косвенно связано со структурой корпуса *зулāмов*.

Для уменьшения влияния кызылбашей на власть шах 'Аббас сократил кызылбашское ополчение [Иванов 1977: 183-184], существенно увеличил размеры и влияние корпуса *зулāмов* – в 1618 г. он стал насчитывать уже около 15 000 человек [Floor 2022 I: 226-227], увеличил численность корпуса *кўрчй* с 6 000 до 10 000 – 20 000 человек [Floor 2022 I: 225], а также создал и усилил корпус мушкетеров, набиравшийся преимущественно из таджиков. Таким образом, военное командование, находившееся в XVI в. преимущественно в руках кызылбашей, было перераспределено между четырьмя вышеназванными элементами, три из которых находились под непосредственным контролем шаха [Floor 2022 I: 227]. Представлявшее угрозу шахской власти единство кызылбашей было ослаблено еще и тем фактом, что нахождение *кўрчй* под непосредственным командованием шаха разрывало связи между членами племен и их вождями [Floor 2022 I: 226-227]. *Гулāмы* же вообще не имели никакой этнической или иной принадлежности и были всецело преданы шаху, отчего и гордились своим наименованием «*зулāм-и шāх*» – «*зулāмы шаха*» [Floor 2022 I: 231].

В «Хусайн-нāма» и других дастанах «Йатйм-нāма» отчетливо заметно отражение этого явления. Само по себе словосочетание «*йатймāн-и шāх*» («*йатймы* шаха») [Афшар 1386: 115] отсылает к приведенному в прошлом абзаце наименованию. *Йатймы* приходят в столицу со всех концов Ирана, а некоторые даже из владений других правителей. Их имена и прозвища являются не только отзвуком их принадлежности к ремеслу и людям базара (откуда, как было сказано выше, также набиралась шахская гвардия), но и к разнообразным народностям и конфессиям: стоит вспомнить только Масиха Дукмабанда Табризи, имя которого может переводиться на русский как «мессия» и отсылает к Иисусу Христу и христианству в принципе. Рассказчик, таким образом, еще одним инструментом подчеркивает легитимность правящей династии: под крылом шаха ‘Аббаса Сефевидов объединяются не только шииты со всех концов иранской земли, но и христиане, и даже представители суннитского мазхаба, которые за свою преданность получают награды от шаха и духовное покровительство халифа ‘Али. *Йатймы* часто находятся подле шаха, как и в действительности находилась шахская гвардия, а должность главы *йатймов*, которую в дастане занимает Мир Бакир, сочетает в себе роли *қўрчйбāшй* и *қўллар-āқāсй*.

3.3.6. Религиозная политика Сефевидов и этнический вопрос

Религия – очень важный фактор, затронутый в дастане о Хусайне Курде. Тема различий и борьбы между суннитами и шиитами проходит красной нитью через весь дастан.

Еще в XVI веке, при приходе к власти династии Сефевидов, шиизм имамитского толка стал государственной религией империи, обязательной для всех мусульман, сама держава де-факто превратилась в шиитскую теократию, а сунниты стали подвергаться гонениям. Шиизм стал представлять из себя опору феодализма, а шиитский фанатизм использовался как оболочка для борьбы с суннитскими государствами [Иванов 1977: 173]. Противостояние Ирана и других государств представлено в дастане именно в свете борьбы

правоверных, с точки зрения повествователя, шиитов с «заблудшими» суннитами. Более того, сам по себе дастан является ярким примером использования народной литературы и *наққāли* для легитимации власти династии Сефевидов, провоцирования роста поддержки их религиозной политики [Афшар 1386: 15] и пропаганды против их врагов [Афшар 1386: 18].

В политике ‘Аббаса Великого отчетливо прослеживается строгая шиитская направленность. Шах активно преследовал суннитов [Иванов 1977: 184], а также сторонников исламских течений относившихся к *бид‘а* (новшество). Попавшиеся «неверные» приговаривались к казни [Roemer 1986: 273]. Это объясняется, конечно, не только религиозными причинами, но и тем, что он видел в них сторонников Османской империи и узбекских ханств [Иванов 1977: 184]. И не зря: многие из этих религиозных течений действительно преследовали политические цели, которые были опасны для государства и для шаха ‘Аббаса. Нет, однако, ничего удивительного в действиях правителя – по отношению к шиитам суннитские соседи Сефевидов, как и шах, не отличались милосердием [Roemer 1986: 273-274]. Одному из персонажей дастана – Мир Мухаммаду Тахиру Сабзавари, амиру правой руки узбекского хана, например, приходится скрывать свою веру, чтобы избежать наказания от суннитов, продолжить служить хану и, тем самым, иметь возможность помогать шиитам, попадающим в Балх. В его действиях выражается шиитский принцип *тақййа*, [Милославский 1991: 221]), то есть право говорить и совершать то, что противоречит вере из соображений личной безопасности или во имя интересов общины единоверцев, оставаясь в душе преданным своей религии [Базиленко 2011: 19].

Ни в одном из дастанов «Йатйм-нāма», в том числе в дастане «Хусайн-нāма», совсем не освещено противостояние с представителями иных вероисповеданий. Именно сунниты были главными врагами государства Сефевидов, что стало причиной нетерпимости правителей по отношению к суннитам при лояльном отношении к последователям иных религий [Базиленко 2011: 21]: шах ‘Аббас предоставлял христианскому духовенству

налоговые и другие привелегии, особенно армянским и католическим монахам, в которых видел полезных для себя агентов по укреплению экономических и политических связей с европейскими государствами [Иванов 1977: 184].

«Хусайн-и Курд» отражает народное восприятие ислама и шиизма. Путаница между религиозной и этнической принадлежностью в дастане отражает особенности семантической оппозиции «свой-чужой» в персидской народной культуре XVII-XIX вв.: любой шиит, для *наққāля*, заведомо является иранцем, а суннит – тюрком. По этой причине в дастане порой происходит экстраполяция – суннита иногда называют узбеком. В контексте повести понятия «шиит» и «мусульманин» часто оказываются абсолютно тождественны и взаимозаменяемы. Представители же суннитского ислама, нередко называемые в повести *чахāрйāрй*, что отсылает к почитанию ими четырех праведных халифов – «четырех друзей Пророка» (перс. *чахāр йāр-и набй*), воспринимаются как отступники от истинной веры, и именуются *рāфидами*. Словом «*рāфид*» по отношению к своим религиозным противникам, однако, пользуются и сунниты, но в дастане они никогда не именуют себя мусульманами – суть негативного отношения суннитов к шиитам также отражена в этом факте, однако в неупотреблении первыми слова «мусульманин» по отношению к себе отчетливо видно шиитское восприятие рассказчиком суннитов как немусульман. Когда же суннит принимает шиизм, о нем говорится, что он принял ислам и стал мусульманином (см. Приложение 13).

В дастане присутствует и обратный переход: такой персонаж, как Джалал Йазди, задумал примкнуть к турецкому *пахлавāну* Каплан-паше, и принял суннизм. После гибели Каплана от рук Хусайна Курда, Джалал притворно раскаялся и снова стал шиитом, но при удобном случае он опять вернулся в лоно суннизма. В конце концов, Джалал погибает от рук Хусайна.

Причины принятия шиизма в дастане являются сугубо духовными: в абсолютном большинстве случаев это душевный порыв и стремление к правде

(см. Приложение 13). Единственным исключением является поступок Джалала, который принимает шиизм, чтобы избежать гибели. Но, совершая этот переход, в своем сердце он остается суннитом, суннитом и погибает. Суннизм в таком контексте представляет собой средство приобретения личной выгоды, ни один персонаж в дастане не является суннитом по духовной причине, а те, что являлись ими когда-то, поняли, что их духовным и моральным установкам отвечает только шиизм.

Каждый шиит в дастане, в свою очередь (особенно это касается *пахлавāнов* шаха ‘Аббаса и самого правителя), является шиитом из-за своих благородных намерений и воззрений. Своей целью богатыри ставят защиту и распространение шиизма: в рамках дастана они выступают, своего рода, «миссионерами», принося шиизм во все города, в которых они оказываются. Каждый *пахлавāн* готов отважно пожертвовать собой ради веры, и идет на бой, даже если знает, что может не вернуться. Исторически, действительно, шиизм привлекал малоимущие слои населения своей идеей мученичества, жертвенности за высокие идеалы справедливости, которую, по мнению шиитов, должен установить имам Махди, призванный покарать неверных и воздать праведникам [Базиленко 2011: 20].

Култ праведного халифа ‘Али заметен в самоназвании шиитов в «Хусайн-нāма»: «шииты ‘Али бин Абу Талиба» (перс. *шй‘ийāн-и ‘Али бин Абй Тāлиб*). Благодаря своей преданности ‘Али, *пахлавāны* получают от него божественное покровительство и помощь. Особенно это заметно в действиях Хусайна Курда, когда во время поединков с очень сильными соперниками, он кричит: «يا على» – «О ‘Али» (см. Приложение 14), – после чего обязательно следует его победа.

Сунниты, в свою очередь, также пытаются прибегнуть к помощи своих покровителей. Иногда суннитские *пахлавāны* говорят, что одолеют иранского богатыря «при помощи рода династии ‘Усмана» (перс. «با يارى اوجاق آل عثمان»). Имя ‘Усман отсылает одновременно к третьему праведному халифу ‘Усману б. ‘Аффану (араб. عثمان بن عفان, 574/575-656 гг.) и к турецкой династии Османов,

основателем которой был Осман-бей (тюрк. عثمان ابن ارطغرول, гг. правления: 1281-1324) [Новичев 1963: 27]. Очевидно, что вышеприведенная фраза является не буквальным указателем на помощь, получаемую воином от династии Османов, а своего рода просьбой о духовном покровительстве и помощи от халифа ‘Усмана и его потомков – по аналогии с тем, как иранцы просят о покровительстве халифа ‘Али.

Для просьбы о покровительстве можно было выбрать любого другого из оставшихся двух праведных халифов: Абу Бакра (араб. ابو بكر الصدق, ок. 572-634 гг., первый из четырех праведных халифов), или ‘Умара (араб. عمر بن الخطاب الفاروق, ок. 585-644 гг., второй из четырех праведных халифов), каждый из которых в глазах шиитов является узурпатором [Милославский 1991: 9, 241]. Но повествователь остановил свой выбор именно на имени халифа ‘Усмана, потому что в шиитской традиции он предстает как наиболее отрицательный из трех халифов [Levi Della Vida 2000: 946-949]. Однако использование имени ‘Усмана при вероятной неосведомленности рассказчика и аудитории о том, что правители Османского государства возводили свои корни не к праведному халифу, а к своему предку Осман-бею, создавала параллели между существованием саййидов как предполагаемых прямых потомков ‘Али и существованием династии Османов как предполагаемых прямых потомков халифа ‘Усмана. Рассказчик, таким образом, получал еще одну возможность показать неправоту суннитского взгляда на религию, веру и мироустройство: ни один из суннитских *пахлавāнов* в «Йатīm-нāма» помощи от «рода династии ‘Усмана» не получал и всякий раз оказывался побежден.

Более того, таким же образом создавался очень сильный аргумент против самого существования права династии Османлы на власть. В мировоззрении шиитского духовенства и мирян эпохи Сефевидов верховным правом на власть в стране в отсутствии пророка и его заместника обладали только прямые потомки ‘Али и одиннадцати имамов, наиболее вероятно – из рода Сефевидов [Базиленко 2011: 22]. А так как предполагаемые потомки ‘Усмана не имеют к роду Мухаммада никакого отношения, то и власть их

нелегитимна, потому, следовательно, они и терпят поражения, а султану Салиму, в конце концов, персидский богатырь сбривает усы и бороду, утверждая окончательную победу шиизма. В таком ключе, нет сомнений, что и узбекские ханы терпят поражение по схожей причине, но действие этой идеи против Османов заметно гораздо более явно.

Шах 'Аббас же в дастане в полной мере соответствует приписываемому ему в Сефевидских исторических источниках образу праведного мусульманина [Roemer 1986: 273]. Рассказчик регулярно именуется его *муршид-и к̄амил* – «совершенный наставник» [Афшар 1386: 245]. Это связано с тем, что династия Сефевидов берет свое начало из суфийского ордена Сафавийа, основателем которого был Шайх Сафи ад-Дин (перс. شیخ صفی الدین, 1252-1334 гг.). Отношения между Сефевидскими шахами и представителями разных тюркских родов представляли собой мистические суфийские отношения *муршида* – наставника ордена и его учеников – *мурїдов* [Matthee 2008]. Таким образом, в дастане шах выступает также в роли духовного наставника братства *йатїмов*, о котором речь пойдет ниже. Этот же факт объясняет пренебрежительное упоминание шаха 'Аббаса в повести суннитами как *шайх-уғли* [Афшар 1386: 180, 202, 283], то есть «сын шайха».

Важную роль в дастане играют саййиды. Являясь потомками пророка, и обладая, таким образом, духовным правом на власть, они занимали ключевые руководящие должности в государственной системе и пользовались уважением населения [Lambton 1991]. Помимо шаха 'Аббаса, представляющего собой идеал праведности, схожим идеалом является назначенный шахом главой братства *йатїмов* Мир Бакир Аджурпаз: он, относясь к роду саййидов, по праву стоит выше других *пахлавїнов* и подает пример остальным мусульманам: в то время, как многие персонажи дастана не гнушаются выпить вина (перс. *шарāб*), он никогда к нему не притрагивается. Странно, однако, то, что Мир Бакир все же смеет находиться в помещении вместе с людьми, пьющими вино – это противоречит данным Олеария о том, что в присутствии саййида на каком-либо пиршестве все должны пить вместо

вина *душāб* – напиток из вываренного концентрированного виноградного сока [Олеарий 1870: 913]. Возможно, это обусловлено слабым знакомством повествователя с обычаями сеидов. В некоторых эпизодах в повести присутствуют и дервиши-суфии.

3.3.7. Внешняя политика правительства шаха ‘Аббаса I

Все время своего правления шах ‘Аббас был вынужден параллельно вести борьбу с внешними врагами государства.

С 1578 г. между Ираном и Османской Турцией велась война, начатая султаном Мурадом III (1574-1595). Внутренние проблемы Ирана способствовали успеху османской армии: к 1588 г. турки полностью овладели Ширваном, Карадагом и Азербайджаном, захватили и сильно разорили Тебриз [Иванов 1977: 178]. Одновременно с этим продолжались набеги узбекских племен на иранские территории, не прекращавшиеся все время правления шаха ‘Аббаса (в чем можно убедиться, прочитав многочисленные свидетельства разорений иранских городов, приводимых Искандар-бегом Мунши [Savory 1930]). В 1590 г. шах ‘Аббас был вынужден заключить с Османской империей Стамбульский мирный договор, по которому он уступал ей Восточную Грузию, Восточную Армению, Ширван, Азербайджан (за исключением Ардебиля и Талыша), большую часть Луристана и часть Западного Ирана (включая города Хамадан и Зенджан). Этот мир был необходим государству, чтобы собрать силы, подавить внутренние народные восстания и восстания феодальных владетелей и устранить узбекскую угрозу [Иванов 1977: 180-181].

После решения внутренних проблем можно было развернуться на восток. Шах начал войну с государством Шибанидов Мавераннахра (1500-1598 гг.) [Босворт 1971: 207], его войска одержали решительную победу близ Герата, и за 1597-1598 гг. у узбеков был отвоеван весь Хорасан [Иванов 1977: 181]. Иранцы на некоторое время даже смогли установить контроль над

Балхом [Roemer 1986: 267]. Можно найти параллели между этими победами иранцев и описанным в дастане походом Мир Бакира Аджурпаза на Балх.

Отдельно отметим, что Балх вообще фигурирует в повести в качестве столицы Мавераннахра, основного политического и экономического центра. Это в какой-то степени справедливо, ведь в то время он действительно мог конкурировать с такими городами, как Бухара, Герат и Самарканд [Алексеев 2006: 97].

Мавераннахр в это время переживал династический кризис: после смерти ‘Абд Аллах-хана за короткое время в государстве сменилось два правителя: ‘Абд ал-Му’мин-хан, вскоре после восшествия на престол, был убит узбекскими амирами [McChesney 2009: 298], правление Пир-Мухаммада II (перс. پير محمد, г. правления: 1598) также продлилось недолго [Босворт 1971: 207]. К концу 1599 г. последние наследники Шибанидов были вытеснены из Бухары Джани Мухаммадом (перс. جانی محمد, гг. правления: 1598-1603 [McChesney 2009: 298]) – главой новой династии Джанидов (Аштарханидов) [Босворт 1971: 208]. Только его сыну – Баки Мухаммад-хану (перс. باقی محمد خان, гг. правления: 1603-1606 [Алексеев 2006: 112]) – удалось вернуть Балх и нанести поражение Сефевидам. Иранское войско было вынуждено ретироваться, потеряв при этом большую часть своей новой артиллерии [Roemer 1986: 267]. Интересно то, что в «Йатйм-нама» после победоносного возвращения Мир Бакира и его товарищей из Балха в Исфахан и воцарения в Балхе ‘Абд ал-Му’мин-хана, в поход на Иран отправляется узбекский хан Каландар. Его успех длится недолго, и победа остается за иранскими воинами. Таков же был результат ирано-узбекской войны. Несмотря на последнюю неудачу, шаху ‘Аббасу удалось не только вернуть Ирану западный Хорасан, но и присоединить территории к северу от него с городами Мервом и Нисой и восточный Хорасан с Гератом, Сабзаваром и Фарахом [Roemer 1986: 267].

Этими приобретениями вмешательство иранского шаха в дела Центральноазиатских ханств не закончилось. Баки Мухаммад-хан скоропостижно скончался всего через два года после своего восшествия на

престол – начался новый этап борьбы за власть в Мавераннахре. На правах старшего престол занял его брат – Вали Мухаммад (перс. ولی محمد, гг. правления: 1606-1611). Его племянникам: Иمامу Кули (перс. امام قلی) и Надир Мухаммаду (перс. نادر محمد) были пожалованы во владение Самарканд и Кеш соответственно. Братьям быстро удалось поднять свой авторитет, и дядя стал опасаться их растущего влияния. Несмотря на все предпринятые Вали Мухаммадом меры по ослаблению соперников и предотвращению столкновения, конфликт был неизбежен. В 1611 г. он потерпел поражение и бежал в Иран, где ему был оказан хороший прием при дворе шаха ‘Аббаса [Алексеев 2006: 112-117]. Шах предоставил хану убежище, а затем и поддержку в виде передачи под его временное командование некоторого количества кызылбашских войск [Savory 1930: 1044-1047]. Вали Мухаммаду не удалось вернуть себе власть надолго: вскоре он погиб в сражении с войсками Имама Кули [Savory 1930: 1054-1057], к тому моменту уже провозглашенного верховным ханом [Алексеев 2006: 120].

Вполне возможно, что исторический факт прибытия и принятия при дворе Вали Мухаммада, отраженный даже на фреске во дворце Чехел-Сотун [см. Приложение 15], послужил основой для одного из эпизодов с прибытием узбеков в Исфахан. В одном из эпизодов к шаху ‘Аббасу приезжает Халхалхан, имеющий своей целью сбросить иранского шаха и самому стать наместником Ирана [Афшар 1386: 53-56], в другом – к правителю, сбежав от ‘Абд ал-Му’мин-хана, прибывают сорок желающих служить ‘Аббасу узбекских воинов во главе с Гургином (перс. گرگین) [Афшар 1386: 131-132]. В обоих эпизодах, однако, поведение узбекских воинов и командиров показано с худшей стороны: в городах, в которых они останавливаются, они творят разбой и несправедливость. Даже несмотря на то, что Гургин клянется в верности шаху, после того, как его ставят наместником над Тебризом, он принимается убивать и грабить жителей города.

Несоответствие между тем, кем являются прибывающие в Исфахан узбеки в дастане, и тем, кем являлся Вали Мухаммад в реальности, можно

объяснить отражением в дастане таким образом борьбы шаха ‘Аббаса с кызылбашской знатью, устранение которой с занимаемых ими мест проще всего было объяснить тем, что они были «узбеками», а значит, вместе с тем, суннитами.

После же победы над врагом на востоке, заключения мира и возвращения территорий государство могло приниматься за врага на западе. В 1603 году была начата новая война с Османской империей, которая была победоносно завершена в 1612 году подписанием Стамбульского мирного договора, по которому Турция отказывалась от отвоеванных Ираном областей, была восстановлена ирано-турецкая граница 1578 года, а Иран обязывался в качестве компенсации поставлять в Османскую империю ежегодно 200 *харвйров* (мера веса, которую мог унести один осел) шелка-сырца. После этой войны случились еще две: 1616-1618 гг., начатая Османской империей, и 1623-1639 гг., начатая шахом ‘Аббасом и законченная уже после его смерти [Иванов 1977: 185-186]. Трудные для Ирана войны с османами нашли свое отражение в последовательных событиях походов: сначала иранских *пахлавйнов* на Мосул, затем османца ‘Али Чалапи на Исфахан, далее иранцев на Стамбул, и, в конце концов, Хурмуза Карни, а после него Каплан-паши, вновь на столицу Сефевидской империи. Каждый раз, пусть и, порой, спустя череду тяжелых потерь и поражений, победа закономерно остается за иранцами.

Показаны в дастане и отношения с государствами, располагавшимися на территории современных Индии и Пакистана: упоминаются в повести как напряженные отношения с суннитским государством Великих Моголов, у которых в 1622 г. был отвоеван Кандагар [Иванов 1977: 185], так и вполне себе дружелюбные с шиитским султанатом Кутб-шахов Голкоконды, которые при шахе ‘Аббасе являлись союзниками государства Сефевидов [Stanfield-Johnson 2004: 73].

Композиция текста дастанов рукописи ИВР относительно точно отвечает последовательности исторических событий. Опуская информацию о турецко-иранской войне 1578-1590 гг., рассказчик начинает повествование с

противостояния иранцев с узбеками – как бы тем самым очерчивая первые успешные шаги великого шаха в его внешней политике. Параллельно появляются некоторые эпизоды развития отношений с государством Моголов и Кутб-шахами Голконды. После рассказа о победе над узбеками, ознаменованной унизительным сбриванием усов и бороды ‘Убайд Аллах-хану, *наққāl* переходит к повествованию о противостоянии с Османской Турцией. За победой над османами следует новый конфликт с узбекскими племенами. Акцент в повествовании *наққāля* сдвинут на военно-политическое противостояние с Мавераннахром. Видимо, в иранском обществе того времени, набеги узбеков воспринимались как большее зло, чем походы османских войск. О значимости побед над узбекскими ханами говорят даже архитектурные свидетельства: в частности, изображения войн шаха ‘Аббаса с узбеками на арке Кайсариййа на входе на площадь Майдан-и Шах [Hillenbrand 1986: 782-783].

Тем не менее, такое совпадение в последовательности событий в литературной и исторической реальностях скорее всего случайно. Если факт длительных конфликтов между Ираном и суннитскими государствами в дастане отражен явно, то вот ход их развития показан чрезвычайно условно. Важно помнить, что рассказчик, во-первых, не знал всех нюансов жизни и политики эпохи шаха ‘Аббаса, и, во-вторых, ставил себе целью не передать точную последовательность событий, а показать верность шиитского мировоззрения и ошибочность суннитского, для чего было достаточно привести только информацию о том, что имела место борьба между двумя оппозиционными друг другу религиозными группами.

3.3.8. Отражение городской жизни в дастане

Общий экономический подъем, наступивший при шахе Аббасе, отразился на росте и развитии городов и товарно-денежных отношений [Иванов 1977: 190].

В дастане отражена застройка Исфахана. Рассказчик, говоря о нем, упоминает бóльшее количество мест и достопримечательностей; в столице, в отличие от остальных городов повести, находится больше рынков. Вероятно, это связано не только с хорошей осведомленностью повествователя и его аудитории об устройстве Исфахана, но и с тем, что он хотел подчеркнуть величие главного города империи.

Исфахан при шахе ‘Аббасе был заново перепланирован. Широкие прямые улицы были обрамлены величественными зданиями. Новой центральной площадью стала Майдан-и Шах (перс. میدان شاه) [Hillenbrand 1986: 779], на ней в «Хусайн-нāма» происходят поединки и тренировки *пахлавāнов*, а также приводятся в исполнение наказания [Афшар 1386: 115, 123]. Исторически, действительно, площадь служила в качестве рынка, театральной сцены на открытом воздухе, места для проведения тренировок, парадов, соревнований, игры в поло и казней [Hillenbrand 1986: 779]. На ней же располагался шахский дворец – ‘Али-Капу (тюрк. عالی قاپو – Высокая порта), на *tālāre* которого – открытой веранде, служившей одновременно приемной залой [Hillenbrand 1986: 782-783], восседал и в реальности, и в дастане сам шах ‘Аббас [Афшар 1386: 275, 277, 278]. Упоминается в повести и мечеть Шейха Лотф Аллаха (перс. مسجد شیخ لطف الله) [Афшар 1386: 270], построенная также при шахе ‘Аббасе на Майдан-и Шах напротив его дворца [Hillenbrand 1986: 782].

При шахе ‘Аббасе не только в Исфахане, но и в других городах строились крытые рынки, мосты, мечети, медресе, дворцы и т. д. К середине XVII в. столица империи превратилась в огромный город с населением 600 тыс. жителей [Иванов 1977: 184]. Росли и развивались города Центрального и Западного Ирана, такие, как Шираз, Казвин, Хамадан, Кум, Кашан, Йезд, Керман, Решт, Лахиджан и другие [Иванов 1977: 192].

Важную роль в иранских городах играли базары (перс. *bāzār*). Обычно они были разделены на несколько суков (араб. *су́к* – рынок), на которых у разных торговцев и ремесленных цехов были отдельные помещения [Lambton 1991]. На пересечении двух или трех базарных улиц находился, своего рода,

торговый и деловой центр базара, именовавшийся *чахāрсӯк* или *чахāрсӯ* – «четыре рынка» [Floor 1989]. Именно на базарах и *чахāрсӯках* происходит большая часть событий цикла дастанов о *йатймах*: поединки, преследования, разведывание обстановки.

На базарах и на окраинах города строились караван-сарай (перс. *кārвāнсарā*), в которых по приезде на срок своего пребывания в городе могли остановиться торговцы [Lambton 1991], паломники и путешественники [Floor 1989]. Они представляли собой большие дворы, построенные четырехугольниками, с высокими каменными стенами и разными покоем, амбарами и галереями в два и три яруса, в которых иноземные люди имели все возможные удобства как для собственного проживания, так и для складки своих товаров [Олеарий 1870: 730-731]. В повести *пахлавāны* по прибытие в город до того, как найдут другое более укромное убежище или пока вовсе не покинут город, останавливаются в караван-сараях, там же богатыри прячут награбленное за ночь.

Всего в Исфохане во времена Сефевидов было около тридцати караван-сараяв высокого уровня, каждый из которых принадлежал определенной группе купцов [Lambton 1991]. В дастане, в частности, упоминаются караван-сарай Ануширван (перс. *آنوشيروان*), Бигдалиха (перс. *بيگدليها*) и За‘фирани (перс. *زعفرانى*). У немусульман и торговцев из других городов были свои обособленные караван-сарай [Floor 1989]. В «Йатйм-нāма» в такой караван-сарай, находящийся за чертой города, приезжают узбекские *пахлавāны* [Афшар 1386: 113].

При Сефевидях неотъемлемой частью жизни иранского города стали кофейни – *кахвахāна*. Хотя в источниках о них нет никаких упоминаний до правления шаха Аббаса I, вполне вероятно, что первые из них появились во время шаха Тахмаспа. Кофейни оставались открытыми с раннего утра до поздней ночи, когда их освещали «множеством зажженных ламп». Самое оживленное время наступало перед заходом солнца [Āl-e Dawūd 1992].

Изначально кофейни были местами, где могли встретиться и пообщаться состоятельные люди и интеллектуалы: художники, поэты, ученые, суфии, музыканты и даже высокопоставленные чиновники. По словам Жана-Батиста Тавернье, каждый перс, у которого было свободное время, ежедневно посещал кофейню. Поэты рассказывали в кофейнях свои собственные стихи, *наққāли* пересказывали народные произведения, проповедники вели проповеди. В больших кофейнях это все могло происходить одновременно в разных углах. Владельцы кофеен поощряли такую деятельность, потому что это привлекало клиентов. После окончания своего выступления оратор ожидал вознаграждения, и каждый посетитель отдавал столько, сколько мог себе позволить. Время от времени в кофейни заходил сам шах и беседовал с посетителями, порой приводя с собой европейцев или иных важных гостей; иногда он даже устраивал в этих местах официальные приемы для иностранных послов. По таким случаям кофейни украшались зеркалами и лампами [Āl-e Dawūd 1992].

Завсегдатаи кофеен также употребляли наркотики, в частности опиум. Эти пороки стали настолько распространенными, что в последние десятилетия правления Сефевидов кофейни стали считаться пристанищем беззакония, куда не ступала нога ни одного уважаемого человека [Āl-e Dawūd 1992]. Описания сцен в кофейнях в «Хусайн-нāма» предстают еще одним аргументом в пользу того, что дастан был составлен при поздних Сефевидах: как будет видно позже, *пахлавāны*, регулярно посещавшие кофейни в повести, в иранском обществе занимали маргинальное положение.

Официантами в кофейнях, порой, работали мальчишки, от которых требовалось заплетать волосы в косы, носить открытую одежду, развратно танцевать и рассказывать непристойные анекдоты. Чем больше таких мальчиков мог нанять владелец кофейни, тем больше посетителей он привлекал. Посетители щедро платили таким официантам, в частности, в 1607 г. Амина Наджафи (перс. *امينا نجفی*) получил от шаха ‘Аббаса щедрый подарок и потратил его на обожаемого им разносчика кофе [Āl-e Dawūd 1992].

В «Хусайн-нāма» и других дастанах цикла нередки случаи, когда *пахлавāны* приходят в кофейню, чтобы посмотреть на мальчиков-официантов – в дастане они обычно исполняют танцы. Олеарий упоминает (говоря, правда, о *шйрахāна*, заведении, в котором употребляли наркотики, распространенном в Иране во время путешествия Голштинского посольства, то есть при шахе Сафи I (перс. صفی, гг. правления: 1629-1642)) о том, что посетители заставляют перед собой танцевать «плясунов, обыкновенно мальчиков, которые пляшут с разными сладострастными телодвижениями и представлениями» [Олеарий 1870: 726]. После завершения представления в дастане все посетители платят кто сколько сможет: *пахлавāны* иногда выкладывают все имеющиеся у них деньги. После этого танцор обыкновенно обращает внимание на богатыря и просит своего помощника подзвать его – *пахлавāн* с юношей уединяются, иногда на несколько дней. В дастане также регулярно встречаются и иные примеры гомосексуальных отношений между лицами мужского пола – это была распространенная практика в Иране того времени [Олеарий 1870: 779].

Интересен еще один архитектурный момент, касающийся уже турецких городов: иранские *пахлавāны* еженощно сжигают в Стамбуле десятки кварталов, Хусайн Курд объясняет своим товарищам, что город деревянный [Афшар 1386: 160]). Здания в городе действительно долгое время строились из дерева. По этой причине пожары в Стамбуле происходили почти ежегодно, уничтожая десятки тысяч домов [Faroqhi 2006: 245].

Население городов можно было условно разделить на две группы: первая – это знать (араб. *а'йāн*), в которую входили более видные представители '*уламā*' (религиозные авторитеты), крупные землевладельцы и купцы, и вторая – «простой люд» – '*āмма*, представленный владельцами лавок, ремесленниками и '*уламā*' низшего статуса. Помимо них были также государственные бюрократы и военные, в большинстве своем пусть и не являвшиеся постоянными жителями городов, но все же участвовавшие в городской жизни [Lambton 1991].

В городах существовало местное самоуправление, представителями которого были городские старосты – *калāнтары* («набольший», в XIV-XV вв. слово приобрело значение «лидер, глава» по отношению к племенным или военным объединениям, и тогда же стало обозначать гражданского чиновника, ответственного за небольшой город или городской район). *Калāнтары* представляли собой связующее звено между государством и податным населением и должны были согласовывать друг с другом интересы обеих сторон. При Сефевидах *калāнтары* были интегрированы в сложную централизованную бюрократическую систему, они часто получали документ о назначении непосредственно от шаха. Тем не менее, без одобрения народа *калāнтар* не мог полноценно исполнять свои обязанности, поэтому его назначение зависело также и от народного волеизъявления. Положение городских старост было почетным – к ним относились, как к представителям знати. *Калāнтар* следил за порядком на базаре и в районах города, был ответственен за подсчет и сбор налогов. Его полномочия также распространялись на пригороды [Lambton 1991].

Для преследования личных целей, в частности для увеличения своего авторитета и распространения власти, *калāнтары* могли пользоваться поддержкой *лутти* и *пахлавāнов* [Lambton 1991]. Этот факт, однако, в дастане не освещен, поскольку он расходится с целью рассказчика – укрепить позитивный образ шахской власти в глазах народа.

На каждый район города *калāнтар* имел право утверждать кандидатуру *кадхуды* – местного старосты, выбранного населением района из наиболее уважаемых его жителей. *Кадхудā* должен был знать об источниках прибыли жителей района, об их занятиях и состоянии торговли. В его обязанности входили организация расквартировки войск, распределение штрафов, наложенных на район наместником, между жителями района и сбор этих штрафов, мирное решение небольших тяжб. Если *кадхудā* не устраивал власть, *калāнтар* мог снять его с должности [Lambton 1991].

При Сефевидах возросла роль ремесленных цехов [Иванов 1977: 190] (араб. *синф*, мн. *аснāф* [Fragner 1986: 529]) в жизни города. Привилегированное положение занимали работники дворцовых мастерских, ставшие теперь свободными мастерами по найму. Среди ремесел ведущее место занимало текстильное производство: производились шелк, ткани из верблюжьей шерсти, ковроткачество достигло высокого художественного мастерства. Высокого качества достигли иранские керамика, кожаные изделия, оружие, краски, стекло, бумага [Иванов 1977: 190-191].

В повествовании преобладают персонажи из городской ремесленной среды, прибывшие из разных городов Ирана в Исфахан. Многие из них имеют прозвища, указывающие на их принадлежность к различным ремесленным профессиям: главой их сделан Мир Бакир Аджурпаз (перс. *āджурпаз* – «кирпичник»), помимо него есть также персонажи с прозвищами Чармдар (перс. *чармдар* – «кожемяка»), Кузагар (перс. *кӯзагар* – «гончар»), Гилкар (перс. *гилкār* – «штукатур, строительный рабочий») и другие.

Ремесленные мастерские располагались на базаре друг за другом в определенном порядке [Олеарий 1870: 791]. Мастерские же таких мастеров, как каменщики и штукатуры, располагались обычно на окраинах города [Lambton 1991]. Так, кирпичный завод Мир Бакира и его отца в дастане располагается в районе Саййид Ахмадийан в Исфахане [Афшар 1386: 53]. Этот пример также отражает тот факт, что саййиды часто жили за счет собственного труда [Lambton 1991]: Мир Бакир и его отец, даже будучи саййидами, все равно занимаются ремеслом.

Судя по всему, ремесленные цеха существовали еще с давних времен в качестве стихийных объединений, а к XVII в. стали формироваться на профессиональной основе. Переход от свободных объединений к профессиональным ремесленным цехам, вероятно, поощрялся правительством, которое рассматривало такие цеха как удобные единицы для налогообложения и контроля населения. Устады (мастер, наставник) – выборные старшины ремесленных цехов, также утверждавшиеся и

снимавшиеся с должности *калāнтаром*, функционировали как связующее звено между государством и членами цеха – они передавали правительственные распоряжения, собирали налоги, регулировали мелкие споры [Lambton 1991].

К 1660 г. в Исфахане было 35 ремесленных цехов разного типа. К ним следует добавить также заведения общественного питания и такие группы людей, как танцоры, жонглеры, бедняки, дервиши и саййиды – все они также входили в объединения цехового типа [Fragner 1986: 530]. Все цехи были тесно связаны с дервишескими орденами хайдарийа и ни‘маталлхийа [Иванов 1977: 190], и обладали своими особыми кодексами правил поведения, именовавшимися *футувват* [Zakeri 2008]. В народную среду также входили такие связанные с принципами *футувват* группы, как ‘*аййāры*, *лūtī* и *пахлавāны* [Lambton 1991] (отметим, что в контексте последних перечисленных социальных групп *футувват* обозначает уже кодекс чести, а не свод правил [Zakeri 2008]).

Примечательно отношение к *кадхудām* и иным старшинам (перс. *бузургāн* – видимо, рассказчик не сильно разбирался в тонкостях административной системы, и не вдавался в подробности при описании гражданских должностей, ограничиваясь только двумя этими словами) в дастане. Они упоминаются вскользь и с легким негативным оттенком: как люди, не имеющие отношения к *пахлавāнскому футувват*, слабо знакомые с ним и мешающие бравым *пахлавāнам* совершать подвиги. Схоже и отношение к купцам – они напоминают «расходный материал» для богатырей. Воины не гнушаются грабить даже шиитских купцов. Разница только в том, что посягательство на собственность шиитского купца со стороны суннита рассматривается в негативном ключе, шииту же грабить шиита можно, если это послужит еще в последствии распространению слухов о его отваге и храбрости (см. Приложение 16).

Однако представители военно-административных должностей на службе шаха ‘Аббаса уже вызывают уважение у главных героев дастана. Во

времена Сефевидов командиром воинского подразделения, следившим за порядком в городе, был *дārūga* – глава городской стражи. Статус *дārūgi* был сравним со статусом *хākима*: на эту должность людей нередко назначал сам шах. В обязанности *дārūgi* входил надзор за порядком в городе и его окрестностях, пресечение неправомерных действий, насилия и драк на охраняемой территории [Lambton 1991]. Его роль охранителя порядка часто сочеталась с определенными судебными обязанностями [Stanfield-Johnson 2004: 85]. Он был в праве запретить любые действия, противоречащие шариату, такие как проституция, распитие вина, азартные игры, а также взыскать штраф в соответствии с серьезностью проступка и способностью нарушителя оплатить его. Проблемы, касающиеся штрафов до 5, а иногда и до 12 туманов, решались им, те же, за которые платить приходилось больше, были в юрисдикции *дйвāнбигй* [Lambton 1991]. *Дārūgi* также были ответственны за поддержание порядка ночью и организацию ночного патрулирования города, в связи с чем они также могли именоваться *ахдāсами* [Stanfield-Johnson 2004: 85].

Иногда же должность *ахдāса* была отделена от должности *дārūgi*. В таком случае *ахдāс* вместе с *мйршабом* представляли собой помощников *дārūgi*, патрулировавших город во главе вооруженного отряда [Lambton 1991]. Все три приведенных термина использованы повествователем в дастане, и каждый из них соответствует определенной должности. Правда, что в повести, что в истории заметно наложение и совпадение функций *ахдāса* и *мйршаба*, в связи с чем не до конца понятно, чем различались между собой их обязанности.

Есть определенные параллели между положением *дārūgi* в XIX в. и ролью *дārūг*, *ахдāс* и *мйршабов* в повести. Так, в Тебризе, беглербеги (тюрк. *бийгларбийгй* – гражданский чиновник) назначал *дārūгу*, который был ответственен за порядок на базаре. Стражники и помощники *дārūgi* (перс. *дārūга-шāгирд*) патрулировали улицы по ночам, в то время как он сам оставался на особом посту. В дастане глава ночной стражи обычно восседает

на *курси*, стоящем на особом пьедестале (перс. *тахт*), возведенном специально для стражника на перекрестке базара. В XIX в. в Исфахане *дārūḡа* Ака Мухаммад Садик (перс. آقا محمد صادق), занимавший свою должность более тридцати лет, обычно сидел днем на крытом рынке Кайсарийя, назначая оттуда наказания в виде ударов палками нарушителям порядка.

По ночам же, когда стражники патрулировали улицы, сам Садик в рамках патрулирования посещал всего два-три квартала. В Казвине *дārūḡа* патрулировал город вместе со своими подчиненными [Lambton 1991]. В «Йатим-нāма» есть эпизод, когда глава стражи также отправляется патрулировать город [Афшар 1386: 113].

В 1870-х гг. в Исфахане в подчинении у *дārūḡи* находилось 40-50 слуг (араб. *фаррāиш*) и рабочих (араб. *‘амала*) [Lambton 1991], что соответствует регулярно приводимому в повести числу товарищей (перс. *йāр*) – находящихся при *ахдāсе* вооруженных стражников. Олеарий также упоминает о ночной страже в Ардебиле, говоря, что составляют ее 40 человек [Олеарий 1870: 802-803]. В Казвине у *дārūḡи* в подчинении также были *чирāḡчй* – носильщики фонарей [Lambton 1991]. В дастане постоянно упоминаются *маиш‘алчй* – носильщики факелов, выполняющие ту же функцию.

Если на территории, охраняемой *ахдāсом*, происходила кража, он на следующий день доносил об этом *дārūḡе*. Если им удавалось вернуть украденное, одна треть по обычаю принадлежала тому, кто вернул, оставшиеся две трети возвращались владельцу. Если же вора не удавалось поймать, то *ахдāс* должен был выплатить компенсацию за украденное имущество [Lambton 1991]. На это же указывает и Олеарий [Олеарий 1870: 802-803]. Для этого *ахдāсу* из жалования *дārūḡи* выделялись 300 тебризских туманов. Жалованье *дārūḡи*, в свою очередь назначалось из казны, называвшейся *Сāдир-и мамлакат*.

Дārūḡи как институт, продолжали существовать в Иране и после Сефевидов. Уильям Франклин, бывший в Ширазе в 1786-1787 гг., упоминал о существовании своего рода комендантского часа: он отмечал, что вечером три

раза били в барабаны – в 20:00, 21:00 и 22:30. После этого *дārūga* с подопечными ловили всякого, кого находили на улицах после третьего удара, сажали его в тюрьму, а на следующее утро отводили к наместнику. Если задержанный не мог оправдать себя, его били палками и штрафовали [Lambton 1991]. В дастанах о йатймах с наступлением ночи над городом также раздается три удара барабана (см. Приложение 12), что, по всей видимости, возвещает не столько о бодрствовании охранителя города на перекрестке базара, как это утверждает Афшари [Афшар 1386: 32] сколько о наступлении такого комендантского часа. После третьего удара на улицах городов не появляется ни один житель, и *ахдāс* может без каких-либо трудностей обнаружить на улицах города неприятеля. Одновременно с этим, *пахлавāнам* никто не мешает биться.

Пахлавāны, будучи главными героями «Хусайн-нāма», являются важнейшей частью такого явления, как *зūrхāна*. *Зūrхāна* – это, в первую очередь, здание, представляющее собой традиционный иранский спортивный зал, в котором борцы и атлеты выполняют физические упражнения [Chehabi 2006]. В более широком смысле *зūrхāна* представляет собой социальный институт традиционных иранских борьбы и спорта.

До конца не понятно, когда *зūrхāна* окончательно оформилась как институт. Традиции борьбы на Ближнем Востоке уходят корнями в глубокую древность, а ритуалы, этика, иерархия и терминология *зūrхāна* перекликаются с традициями *футувват* и суфизма. Вероятно, где-то в XIV-XV вв. в среде борцов стали формироваться цеха, наподобие ремесленных. По аналогии с ремесленными же объединениями были заимствованы ритуалы *футувват* и суфизма. В современном *зūrхāна* практики и ритуалы до сих пор целиком пронизаны символизмом иснашаризма, большую роль играет почитание праведного халифа ‘Али [Chehabi 2006].

Различные письменные источники XVII-XIX вв. указывают на то, что существовала значительная разница между реальным социальным статусом людей, посещавших *зūrхāна*, и идеализированным образом благородного

борца, который, основываясь на истоках этой традиции, пытались создать ее приверженцы для легитимации института в рамках общественной жизни [Rochard 2002: 324]. Атлеты были, в большинстве своем, народными артистами с низким положением в обществе, и придание им благородных идеалов, вероятно, позволяло повысить уважение к ним со стороны населения [Chehabi 2006]. Синтез борцовского мастерства и суфизма был воплощен жившим в XIV в. *пахлавāном* Махмудом Харезми (перс. محمود خوارزمی), более известным в персидской традиции под именем Пурйа Вали (перс. پریای ولی) [Chehabi 2006] и ставшим впоследствии примером для всех борцов Центральной Азии, Турции и Ирана [Rochard 2002: 332].

Первое же упоминание об упражнениях и практиках *зурхāна* появляется в позднесефевидском тексте «Тумār-и афсāна-йи Пурйā-йи Вали» («Свиток истории о Пурйа Вали») [Chehabi 2006], повествующем, в частности, о самом Пурйа Вали [Rochard 2002: 334]. Этот факт позволяет предположить, что *зурхāна* впервые появились именно при Сефевидах, что, в свою очередь, объясняет близкую связь между этим институтом и народным иснаашаризмом [Chehabi 2006].

Первым западным путешественником, описавшим *зурхāна*, стал Жан Шарден. В своей книге «Путешествия по Персии, 1673-1677 гг.» он оставил следующую заметку: «Борьба является занятием людей низшего статуса; и, говоря общо, только людей в нужде. Они называют место, где они показывают свою борьбу, “зурхана”, иначе говоря, “дом силы”. Таковые есть во всех домах их великих правителей, особенно в домах наместников провинций для того, чтобы упражнять народ. Сверх того, в каждом городе есть труппа таких борцов для устраивания представления. Они называют борцов “пехелвон”, слово это означает “храбрец, бесстрашный”. Они показывают свои упражнения, чтобы отвлечь людей; для того и представление, как я уже сказал» [Rochard 2002: 324-325]. Век спустя *зурхāна* описал немецко-датский ученый Карстен Нибур, он же к своему описанию приложил первую иллюстрацию с изображением *зурхāна* [Chehabi 2006].

Во время правления династии Каджаров (1795-1925), бывших покровителями борьбы, *зӯрхӯна* были встроены в социальную структуру городских кварталов и сохраняли свою важную роль в общественной жизни. Некоторые из них были посещаемы людьми базара – ремесленниками и торговцами, некоторые – суфиями, а в некоторых собирались *лӯтӣ* [Chehabi 2006].

Описанная в «Йатим-нама» *такийя*, в которой собираются и отдыхают *пахлавāны*, имеет определенные параллели с *зӯрхӯна*. Чрезвычайно интересен эпизод во время приключений Мир Бакира в Хате [Афшар 1386: 91], когда главный герой этой части повести решает, что богатырям необходимо найти место, в котором «будет хорошо» и вместе со своими товарищами Кутб ад-Дином и Пичаком возводит строение, по своим признакам напоминающее *зӯрхӯна*: в центре его находится углубление – *гавд*, а с четырех сторон от углубления – четыре портика (перс. *чахār тāk*). Это описание напоминает изображение, приводимое Нибуром (см. Приложение 17).

После победоносного возвращения Мир Бакира и его товарищей из Балха шах ‘Аббас приказывает построить для Мир Бакира *такийя* в районе Сайид Ахмадийан [Афшар 1386: 102]. Иранский исследователь Афшари указывает, что при Сефевидах «*такийя*» называли именно место жительства *пахлавāнов* и *лӯтӣ* [Афшар 1386: 18].

Такийя пахлавāнов в дастане полностью отвечает определению, данному Дехходой. Данное этому месту шахом ‘Аббасом название «*такийя*» отсылает к 91-й странице повести [Афшар 1386: 91], когда она явилась *пахлавāнам* «укрытием (перс. *панāх*) и местом, где можно получить защиту и покровительство (перс. *пушт*)» [Деххода 1377: 6919-6920]. Несомненно, это название, вместе с другими атрибутами суфийского братства, было заимствовано из суфийской терминологии: слово «*такийя*» также имеет значение «ханагах (перс. *хāнақāх*, «обитель дервишей»), жилище (перс. *манзил*) дервишей и бедняков и место, где им давали еду, место сбора (перс. *маджма‘*) дервишей, монастырь (перс. *дайр*), келья (перс. *савма‘а*)» [Деххода

1377: 6919-6920]. Ну и, конечно же, *такийя* в полной мере является «местом, где безвозмездно принимают (перс. *пазйрāйй кунанд*) бедных путешественников или людей, рекомендованных (перс. *афрād-й ки тавсийа шуда бāшанд*) хозяину заведения» [Деххода 1377: 6919-6920]. В середине повести в *такийя* начали принимать *пахлавāнов*, приходивших в Исфахан на службу к шаху ‘Аббасу со всех концов страны. Они нередко были бывшими ремесленниками, оказавшимися в тяжелом положении, отчего и решившими покинуть родной город и направиться в столицу на поиски свободы и лучшей жизни. В «Йатīm-нāма» *такийя* также упоминается один раз как *йатīm-хāна* – «дом *йатīmов*» [Афшар 1386: 359].

У Дехходы, помимо стандартных значений «сирота» и «уникальный, неповторимый» можно найти также следующее определение слова «*йатīm*»: «*Йатīm*ы – ‘*аййāры* и мошенники (перс. *тarrār*), бывшие по сути группой людей шаха ‘Аббаса, они были жесткими (перс. *сахт-зананда*), бесстрашными ‘*аййāрами* и мошенниками, много ходившими (перс. *зийāда-рав*), они были способны преодолеть в день 40 фарсахов (перс. *фарсах*]). Воры (перс. *дузд*) и ‘*аййāры*» [Деххода 1377: 23735]. Поведение *йатīmов* в дастане точно соответствует этому определению: они напоминают собой личную гвардию шаха, представители которой, пользуясь своим положением и покровительством государства, в соответствии со своими моральными установками могли творить разбой даже в городах своей страны. Хорошо эту жестокую сторону морали *йатīmов* отражают отрывки из стихотворений Йахйа Каши (перс. *یحیی کاشی*) и Адхама Каши (перс. *ادهم کاشی*), приводимые Деххой в дополнение к словарной статье (см. Приложения 17 и 18).

*Йатīm*ы, действительно, ведут себя в дастане как ‘*аййāры*. По словарю Дехходы ‘*аййār* – «... человек, обладающий острым умом (перс. *тūз-хātир*)... Проницательный (перс. *закī*) человек, много ходящий туда-сюда (перс. *āмад-у-шуд-кунанда*)... Человек, который отпускает свое эго и свои желания (перс. *нафс-у хāхиш-рā рахā кунад*), не боится их и действует, исходя из своего эго... Скороход (перс. *тūзрав*), быстрый бегун (перс. *тūздав*). Быстрый (перс.

тундрав), быстроходный (перс. *сарӣ* ‘*ус-сайр*]). Проворный (перс. *тардаст*) и смысленный (перс. *зйрак*). Проворный, хитрый (перс. *зйрак*) и ловкий (перс. *чāлāк*). Широко образованный (перс. *зўфунўн*), наставник (перс. *устāджāр*)» [Деххода 1377: 16459].

Хотя западный исследователь Ф. Рошар указывает, что слово «‘*аййāр*» обозначало солдата-наемника только до X-XII вв., а позже стало называть такое качество человека как толковость [Rochard 2002: 330], в «Хусайн-нāма» оно используется со значением, отвечающим следующему определению, данному Дехходой:

«‘*аййāр* – человек, обладающий на войне особыми одеждой и оружием, и скрытно (перс. *махфӣ*) выполняющий [свою] работу. ‘*аййāры* или *джавāнмарды* (перс. *джавāнмардāн*), или *фитйāны* (перс. *фитйāн*) формируют один из слоев населения Ирана, включающий в себя проворных (перс. *джалд*), понятливых (перс. *хўшйāр*) людей из простого народа (перс. ‘*авām ан-нāс*), обладающих своими традициями и обычаями и своей организацией (перс. *ташкйлāт*), бравирующих (перс. *худнамāйй мйкарданд*) во время войны и суматохи (перс. *хангāма*)...» [Деххода 1377: 16459].

Наққāl в дастане хорошо изобразил разнообразные уловки ‘*аййāров*. ‘*Аййāры* закапывают веревку на пути противника; когда тот бежит, издают звук какого-нибудь животного – собаки или льва – чтобы тот повернул голову, и в этот момент натягивают веревку. Когда противник спотыкается и падает, ‘*аййāр* связывает ему руки. Этот трюк проворачивает даже сам шах ‘Аббас, чтобы поймать Хаджжи Муллу Мухаммада Фарси. ‘*Аййāры* также прибегают к маскировке, говоря более точно, к переодеванию. Лучшим в этом искусстве является вышеупомянутый Хаджжи Мулла Мухаммад Фарси [Афшар 1386: 33-34]. Один раз переодевается и шах ‘Аббас [Афшар 1386: 55]. ‘*Аййāры* усыпляют своих противников «усыпляющим лекарством» (перс. *дāрў-йи бйхўшй*), которое они могут подсыпать в еду, при помощи *найча-йи* ‘*аййāрй* («‘*аййāрская трубочка*») ввести врагу через нос, пока тот спит, или при

помощи *шаппарак-и ‘аййārī* («‘аййārская летучая мышь») распылить в воздухе [Афшар 1386: 34].

В повести также используется слово *лūtī*, причем в значении, близком к современному [Афшар 1386: 25]. Во всех случаях употребления слово имеет негативную коннотацию [Афшар 1386: 210, 212, 361] и соответствует следующему определению: «... Беспризорник, хулиган (перс. *лātī*). Гомосексуалист (перс. *лавātākār*). Педераст (перс. *зулāмбāра*). Педофил (перс. *кūдакбāз*). Бездельник (перс. *харзакār*), игрок в азартные игры (перс. *кумārбāз*) и пьяница (перс. *шарāбх‘āра*). Бесстрашный свободный (перс. *нāмуқаййад*) человек, которого в Индии называют *Бāнкā*. Бесшабашный гуляка (перс. *ринд*), товарищ (перс. *харйф*), нахал (перс. *шўх*), храбрый и шумный (перс. *шилтāк*) [человек], в Индии именуется *Бāнкā* и по традиции принадлежат правителю какой-либо провинции. Человек, который заставляет танцевать козу, обезьяну и медведя, играя на небольшом барабане (перс. *тунбак*) и читая безобразные (перс. *зишт*) стихи...» [Деххода 1377: 19822]. Слово «*лūtī*», конечно, имеет и обратное значение: «Щедрый (перс. *сахў*). Всепрощающий (перс. *бахшанда*). Великодушный (перс. *джавād*)... Противоположность неблагородного человека (перс. *муқāбил-и пйнтī*). Правдивый человек, правильный (перс. *дуруст*), великодушный (перс. *баззāл*), свободный, джаванмард. Обладающий благородством (перс. *сāхиб-и мурувват*)» [Деххода 1377: 19822]. Тем не менее, положительная сторона *лūtī* в дастане оказывается не освещена.

Хотя *‘аййāры* и *лūtī* и имели свой особый кодекс чести, их отличительными чертами скорее являлись их ум, проворность и прозорливость [Rochard 2002: 330].

Однако *йатīмы* в дастане ведут себя не только как вышеупомянутые *‘аййāры*. Они представляют собой также *пахлавāнов* – то есть борцов-атлетов, следующих возвышенному духовному порыву. Несмотря на то, что большая часть *пахлавāнов* принадлежала к низшим слоям общества и жила не самой благородной жизнью, также как и *лūtī* и *‘аййāры*, образ первых в народе стал

метафорой высокой духовности и благородства, а само по себе слово «*пахлавāн*» стало отсылкой к мифологическим героям «Шāхнāма», самым главным из которых является Рустам, именуемый «*пахлавāн* мира» (перс. *джахāн-пахлавāн*) [Rochard 2002: 331].

Среди *пахлавāнов* существовало деление по опыту: *навча* (также перс. *навх⁶āста* – новичок, начинающий атлет) [Chehabī 2006], бывший обычно учеником *пахлавāна* [Rochard 2002: 336], собственно, сам *пахлавāн* и *кухнасава̄р* («старый, опытный всадник», позже стал именоваться *мийāндāр*) [Chehabī 2006] – наставник *пахлавāнов*, также заведовавший *зурхāна* в своем городе и отвечавший за проживание атлетов и организацию мероприятий [Rochard 2002: 337-338]. В то время как представители первых двух категорий фигурируют в «Йатīm-нāма» как основные герои, представители последней только упоминаются *пахлавāнами*, когда они называют вместе со своими именами имена своих наставников. Порой *пахлавāнов* называют словом «*джавāн*» («молодой, юноша»), отсылающим к основным принципам *джавāнмардī* – юности, моральной чистоте и благородству [Zakerī 2008].

В отличие от *лутī* и *аййāров*, характеризующихся скорее своей остротой ума, ключевой чертой *пахлавāнов* является приверженность кодексу чести *джавāнмардī* [Rochard 2002: 330]. В «Тумār-и афсāна-йи Пурйā-йи Вали» говорится о некоторых правилах, которым должны были следовать *пахлавāны*. *Пахлавāн* должен был обладать душевным равновесием и добротой к окружающим. Отдельно подчеркивалась важность уважения к *кухнасава̄ру*, необходимость подчиняться его требованиям и покорно отдавать две пятых своего дохода ему. *Пахлавāн* не должен был пренебрегать своими молитвами, лгать, клясться и прелюбодействовать. *Пахлавāн* должен был бережно и уважительно относиться к своим ученикам, поддерживать их и ставить на место, если они заходили слишком далеко [Rochard 2002: 336].

Пахлавāны вели странствующий образ жизни [Rochard 2002: 337], а их имена указывали на их происхождение из людей базара и ремесленных цехов [Rochard 2002: 331]. Как уже было сказано выше, эта же тенденция

наблюдается и в «Хусайн-нāма». Из-за того, что *пахлавāнам* приходилось перемещаться из города в город, они не могли вести семейную жизнь. Половая сторона их жизни включала в себя временные браки (перс. *сїґа*) и (или) гомосексуальные связи (перс. *баччабāзї*) [Rochard 2002: 337]. В повести, однако, *пахлавāны* имеют постоянное место жительства, и поэтому некоторые из них даже заключают постоянный брак [Афшар 1386: 113], что ни в коем случае не отменяет практикуемого некоторыми из них гомосексуализма. Однако не следует переоценивать важность этих практик, поскольку сексуальное воздержание для сохранения жизненной энергии в течение длительного времени было одним из основных принципов жизни борца [Rochard 2002: 337].

В рамках института *зўрхāна* существовал и четвертый тип атлетов: *шāтиры* – пешие гонцы [Rochard 2002: 327-328], – однако *шāтиры* как явление в дастане о Хусайне Курде не освещены совсем, поэтому в данной работе мы ограничимся только упоминанием об их существовании.

Глава *йатиймов* Мир Бакир, предстает перед читателем не только как *кўрчїбāшї* и *кўллар-āкāсї*, но также и как *пахлавāнбāшї* (глава *пахлавāнов*). *Пахлавāнбāшї* – это еще одна административная должность, существовавшая при поздних Сефевидах наравне с *лўтїбāшї* (глава *лўтї*) и *шāтирбāшї* (глава *шāтиров*). *Пахлавāнбāшї*, подобно *калāнтару* и *кадхуде* – городскому и районному старостам соответственно, представлял собой посредника в отношениях между государством и таким слоем населения, как *пахлавāны*. *Пахлавāнбāшї* был обязан нанимать лучших атлетов, которые должны были служить шаху, он же обсуждал с *пахлавāнами* условия их найма, включавшие в себя вопросы заработка, проживания, их обязанностей и т.д. [Rochard 2002: 325]. В множестве эпизодов [Афшар 1386: 115, 121] Мир Бакир выполняет именно функции *пахлавāнбāшї*, отбирая показавших себя наиболее храбрыми и отважными людей, защищая их от гнева шаха, когда те виновны в чем-либо, тренируя их и руководя ими.

Возвращаясь к слову «*йатїм*», отметим, что в дастане этот термин включает в себе парадоксальное по своей сути сочетание принципов ‘*айїārї* и *пахлавāнї*. *Йатїмы* ведут себя и как ‘*айїāры*, проворачивая скрытные трюки и используя не всегда честные уловки по отношению к своим противникам, и как *пахлавāны*, давая своему врагу, например, спокойно покинуть поле битвы ближе к утру.

Опираясь на материалы дастана о Хусайне Курде посмеем предположить, что появившиеся при Сефевидях *зўрхāна* и *такийя* изначально могли служить для тренировок *йатїмов* – будущих рекрутов для корпусов *гулāмов* и *кўрчї*, а также для поддержания физической формы уже бывалых солдат из этих подразделений.

3.3.9. «Хусайн-и Курд» и другие произведения цикла как источник информации о жизни иранского народа

«Хусайн-нāма» является, своего рода, уникальным кладезем информации о народной жизни, так как в книгах об истории, создававшихся в эпоху Сефевидов, о ней почти ничего не написано [Афшар 1386: 35].

По той причине, что представители городских ремесленных слоев населения являются как основными действующими героями дастана, так и его аудиторией, произведение насыщено живыми диалогами, устной народной речью, использовавшейся именно в этой (городской) среде, и, особенно, ругательствами [Афшар 1386: 15-16]. Использование большого количества тюркизмов, и, особенно, нецензурной брани на тюркских языках, можно объяснить сохранявшейся в то время высокой ролью тюркского элемента в иранском войске [Иванов 1977: 184].

По ходу повествования персонажи неоднократно пьют вино. О широком распространении алкогольных напитков и их употребления в иранском обществе упоминает, в частности, и Олеарий [Олеарий 1870: 754-756, 785, 796]. Есть в цикле дастанов также и свидетельства проституции и упоминания

домов терпимости [Афшар 1386: 190], о которых также говорит Олеарий [Олеарий 1870: 778].

В дастанах цикла попадаются и свидетельства жестоких пыток, совершаемых воинами. Эпизод с долгой и мучительной казнью суннитского *пахлавāна* Йари [Афшар 1386: 96] отвечает описаниям пыток, приводимых Олеарием [Олеарий 1870: 899-901]. Без подробного разбора весьма неприятных и ужасающих способов истязания человека, укажем, что отдельные методы мучительства касаются сбривания бороды и усов. Именно этот момент является чрезвычайно примечательным, потому что для иранца эпохи Сефевидов растительность на лице имела важнейшее значение. Она ассоциировалась с мужественностью: чем длиннее усы, тем более мужественен и красив человек. Поэтому в дастане также присутствуют указания на длину усов некоторых персонажей – такая информация сигнализирует о положительных особенностях героя, оказавшегося на данный в поле зрения автора [Афшар 1386: 114]. О значении усов в иранском обществе также упоминает Олеарий: «Но персияне носят зато длинные, висящие вниз, усы, и чем длиннее они могут отпустить их, тем более это нравится им» [Олеарий 1870: 765-766].

3.3.10. География

Одной из особенностей дастана является то, что события в нем разворачиваются в весьма конкретно обозначенный исторический промежуток времени и на конкретных территориях. География действия охватывает достаточно обширные, но точно указанные реальные, несказочные территории. Говоря о странах, трудно четко ограничить просторы, на которых происходит действие: герои цикла о *йатīмах* успели совершить путешествия от страны Чин до Европы (перс. *فرنگ*).

Конкретизировать, однако, место действия можно по названиям городов. Несомненно, важную роль в повествовании играет Исфахан – столица империи Сефевидов, особенно расцветшая во времена ‘Аббāса

Великого. Основной целью походов воинов иранского шаха является город Балх – он неоднократно подвергается разорению и перекресток его базара постоянно становится ареной поединков иранских и узбекских *пахлавāнов*. В городе Тебризе в ходе повествования появляется главный герой дастана – Хусайн Курд. Воины ‘Аббāса также побывали и в Хате, Бадахшане, Кабуле, Ургенче, Эрзуруме, Мосуле, Джаханабаде. Но и враги иранцев не дремлют, в Стамбуле турецкий султан строит козни, грабежу подвергается столица Сефевидского государства. В Багдад, Басру и далее в Фаранг мужи Ирана отправляются уже во второй части книги.

Конечно, как учебник по географии «Хусайн-нāма» использовать нельзя. Географических ошибок в дастане немало, например, рассказчик считает, что Сиджистан (современный Систан) находится недалеко от Рума и Европы [Афшар 1386: 35].

В целом наблюдается закономерная тенденция: чем дальше находится какая-либо территория от Ирана, тем более чужой, незнакомой и, соответственно, сказочной, волшебной она оказывается в рассказе *наққāля*.

Заключение

В ходе проделанной работы было определено, что текст, именуемый «Хусайн-и Курд», написан в жанре народного дастана, который также можно определить как народная повесть. Ознакомление с различными версиями дастана приводит к выводу о том, что повесть о Хусайне Курде представляет собой одну часть из целого цикла дастанов, именуемого «Йатīm-нāма». Данный цикл включает в себя по порядку следующие дастаны: «Масйх-нāма» («Книга о Масихе»), «Мйр Бāқир-нāма» («Книга о Мир Бакире»), «Хусайн-нāма» («Книга о Хусайне»), «Муллā-Муҳаммад-нāма» («Книга о Мулле Мухаммаде»), «Курдбачча-нāма» («Книга о Курдбачче») и «Мйр Исма‘йл-нāма» («Книга о Мир Исма‘иле»). Цикл представлен в двух рукописях – в рукописи РНБ 1234 г. х. (1818-1819 гг. н. э.) [рукопись РНБ] и рукописи ИВР 1255 г. х. (1839-1840 гг. н. э.) [рукопись ИВР], а также в критическом издании

рукописи ИВР, выпущенном иранскими исследователями И. Афшаром и М. Афшари [Афшар 1386].

Тем не менее, из всего масштабного цикла свою популярность смог сохранить только дастан «Хусайн-нāма», что видно из обилия литографических и типографских изданий, содержащих текст именно этой повести – печатные издания остальных дастанов цикла все еще не были найдены.

Повесть о Хусайне Курде обладает всеми характерными чертами, позволяющими отнести ее к жанру народного дастана. Композиция повести многолинейна и несколько сюжетных линий порой развиваются параллельно, дастан насыщен большим количеством формульных эпизодов. Персонажей можно разделить на три ступени по их влиянию на ход повествования, выдержан баланс между положительными и отрицательными героями. Стилистические особенности отражают черты народного творчества: в дастане используется множество тропов (сравнений, метафор и гипербол), характерных фольклору и другим жанрам народной литературы. Языковые особенности текста дастана указывают на глубокое влияние, которое оказала на произведение устная разговорная речь низших и средних слоев населения Ирана.

Дастан о Хусайне Курде обладает яркой про-шиитской окраской. Акцент в дастане сделан на пробуждение чувства праведного религиозного гнева и одновременно на удовлетворение этого чувства через повествование о свершении мести врагам шиитов. В связи с этим важную роль в дастане играет мотив посрамления неприятеля. Вероятно, данное произведение служило для обоснования прав династии Сефевидов на власть в Иране и приграничных к их империи территориях, а также для пропаганды против их политических, а по совместительству и идеологических и религиозных противников – таких суннитских государств, как Османская империя, империя Великих Моголов и государства Шибанидов и Джанидов Мавераннахра.

Эпоха шаха ‘Аббаса прекрасно отражена в дастане: множество персонажей дастана имеет реальные исторические прототипы (например, такие персонажи, как Имам Кули-хан и Будаг-хан). Дастан изобилует подробностями о городской жизни времен Сефевидов, отражение в нем находят социальные и даже административные институты и явления жизни XVII в.: ремесленные цеха, суфийские братства, застройка городов, районные и иные старшины, наместники и ханы – все это в деталях окружает читателя во время прочтения произведения.

Так как дастан повествует о войнах и поединках, перед читателем через использование подробных косвенных описаний событий, явлений и процессов военной жизни того времени, ярко раскрывается военизированная тематика произведения. Картины противостояния шиитов с суннитскими соперниками Сефевидов, отражение принципов *футувват* и *джавāнмардӣ*, указания на организацию корпусов *кӯрчӣ* и *зулāмов* личной гвардии шаха, эпизоды поединков с главами городской и ночной стражи, повествование о становлении братства *йатӣмов*, описание создания и легитимация института *зӯрхāна* – все это погружает аудиторию в военно-религиозный конфликт одной из самых блистательных эпох в истории Ирана.

Однако главным достоинством «Хусайн-нāма» является то, что время правления шаха ‘Аббаса рассматривается в нем через призму народного мировоззрения. Совокупность всех вышеперечисленных фактов формирует перед специалистом цельную и подробнейшую картину Ирана времен Великого шаха. В дастане о Хусайне Курде, являющимся интереснейшим памятником, сохранившим в себе народное видение эпохи, прослеживаются отголоски реальных событий, элементов городской жизни и быта простого народа.

Библиография

1. Источники

А) Рукописи

1. Рукопись РНБ : Йатим-наме-йе шах 'Аббас. – Тегеран. – 1234. – 519 л.
2. Рукопись ИВР : Дастан-е Хосейн-е Корд. – Кашан. – 1255-1260. – 189 л.
3. Рукопись БМ : Хосейн-е Корд. – Иран. – 222 л. – URL : <https://scripts.nlai.ir/result/MSgImlGdp/داستان-حسين-کرد-نسخه-خطی> (дата обращения: 08.05.2024).

Б) Литографированные издания

4. Джангнаме 1276 : Джангнаме-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари. – 1276. – URL: <https://dl.nlai.ir/UI/2353f9d7-82d4-45e4-b855-4a197d3418d9/Catalogue.aspx?History=true> (дата обращения: 12.05.2024).
5. Хосейне Корд 1271 : Хосейн-е Корд-е Шабестари / Мохаммад Джа'фар Гулпайагани. – 1271 – 99 л.
6. Хосейн-е Корд 1315 : Хосейн-е Корд. – 1315. – URL: <https://dl.nlai.ir/UI/584e7d72-a9e6-4f13-a647-9ae4f29a8199/Catalogue.aspx?History=true> (дата обращения: 12.05.2024).
7. Хосейн-е Корд 1317 : Дастан-е Хосейн-е Корд-е Шабестари. – Тегеран : Чапхане-йе Шеркат-е таб'-е кетаб. – 1317. – 132 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/65352968/داستان-حسين-کرد-شبهستری> (дата обращения: 12.05.2024).
8. Хосейн-е Корд 1319 : Хосейн-е Корд-е Шабестари. – Предп. Тегеран. – 1319. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/65213899/حسين-کرد-شبهستری> (дата обращения: 12.05.2024).
9. Хосейн-е Корд 1326 : Хосейн-е Корд-е Шабестари / Хадджи Мирза Мохаммад-Хосейн. – Шираз : Мирза Да'од. – 1326.
10. Хосейн-е Корд 1327-1328 : Хаза кетаб-е Хосейн-е Корд-е Шабестари. – Иран : Сайед Мохаммад-Са'ид На'ини. – 1327-1328.

11. Йатим-наме 1330 : Йатим-наме. – Мирза Да‘од Ширази. – 1330. – URL: <http://www.hosseiniehershad.ir/Inventory/93/23.htm> (дата обращения: 12.05.2024).
12. Хосейн-е Корд 1330 : Дастан-е Хосейн-е Корд-е Шабестари. – Хенд : Мирза Да‘од Ширази. – 1330. – 110 л. – URL: <https://scripts.nlai.ir/result/NqfpNgk3/داستان-حسين-کرد-شبستري-نسخه-خطي/> (дата обращения: 12.05.2024).
13. Джангнаме НБ : Джангнаме-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари. – URL: <https://dl.nlai.ir/UI/83a03de8-b8b1-4510-a83e-0aa1446098e9/Catalogue.aspx?History=true> (дата обращения: 12.05.2024).
14. Хосейн-е Корд МУФ : Хосейн-е Корд-е Шабестари. – предп. Тегеран, Ихвāн-и китāбчй. – 114 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/77616490/حسين-کرد-شبستري/> (дата обращения: 12.05.2024).
15. Хосейн-е Корд БМ : Хосейн-е Корд-е Шабестари. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/67909530/حسين-کرد-شبستري/> (дата обращения: 12.05.2024).
16. Хосейн-е Корд НБ I : Хаза кетаб Хосейн-е Корд. – URL: <https://dl.nlai.ir/UI/f764dc6d-929e-4279-afdb-74e159cf63be/LRRView.aspx?History=true> (дата обращения: 12.05.2024).
17. Хосейн-е Корд НБ II : URL: <https://dl.nlai.ir/UI/16d020b3-91c9-4d4b-a216-cf1a7e35a182/Catalogue.aspx?History=true> (дата обращения: 12.05.2024).

В) Печатные издания

18. Хосейн-е Корд 1325 : Коллейат-е дастан-е Хосейн-е Корд-е Шабестари. – Техран : ‘Элми. – 1325. – 119 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/94652799/کليات-داستان-حسين-کرد-شبستري/> (дата обращения: 12.05.2024).
19. Хосейн-е Корд 1327 : Дастан-е Хосейн-е Корд-е Шабестари. – Техран : Шеркат-е сехами-йе таб‘-е кетаб. – 1327. – 134 с. – URL:

<https://www.lib.ir/fa/book/66955591/> /داستان-حسین-کرد-شبستری (дата обращения: 12.05.2024).

20. Хосейн-е Корд 1336 : Коллейат-е дастан-е Хосейн-е Корд-е Шабестари. – Техран : ‘Элми. – 155 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/81210108/> /کلیات-داستان-حسین-کرد-شبستری (дата обращения: 12.05.2024).

21. Хосейн-е Корд 1340 : Кетаб-е Хосейн-е Корд, ал-мосамма бе Йатим-наме. – 1340. – 110 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/66946855/> -حسین-کرد-شبستری-المسمى-به-یتیم-نامه (дата обращения: 12.05.2024).

22. Хосейн-е Корд 1344 : Хосейн-е Корд-е Шабестари / бе кушеш-е ‘Али-йе Хасури. – Техран : Кетабхане-йе Тахури. – 1344. – 205 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/94660336/> /حسین-کرد-شبستری (дата обращения: 12.05.2024).

23. Хосейн-е Корд 1377 : Коллейат-е Хосейн-е Корд-е Шабестари / ба тасхих-е камел бе кушеш-е Са‘ид-е Кане‘и. – Техран : Донйа-йе кетаб. – 1377. – 159 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/65393039/> /کلیات-حسین-کرد-شبستری (дата обращения: 12.05.2024).

24. Хосейн-е Корд 1378 : Кессе-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари. – Техран : Пейдаеш. – 1378. – 108 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/63210983/> /قصه-حسین-کرد-شبستری (дата обращения: 12.05.2024).

25. Хосейн-е Корд 1381 : Кессе-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари. – Техран : Джамедан. – 1381. – 161 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/82464659/> /حسین-کرد-شبستری (дата обращения: 12.05.2024).

26. Хосейн-е Корд 1382 I : Дастан-е Хосейн-е Корд-е Шабестари аз дастанха-йе кохан-е Ирани хамрах ба тасавир / Гердаваранде ‘Аббас-е Шабгахи-йе Шабестари. – Техран : Фарахани. – 1382. – 339 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/64812380/> /داستان-حسین-کرد-شبستری-از-داستانه (дата обращения: 12.05.2024).

27. Хосейн-е Корд 1382 II : Чахар-сук: Маджара-йи Хосейн-е Корд-е Шабестари / Амин-е Утанйе Мусавизаде. – Техран : Бамдад Кетаб. – 1382. – 48

с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/79012502/چهار-سوق-ماجرای-حسین-کرد-شبهستری> / (дата обращения: 12.05.2024).

28. Хосейн-е Корд 1384 : Кессе-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари / Вирастар ‘Али-Реза-йе Сейф ад-Дини. – Техран : Кокнус. – 1384. – 221 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/93886027/قصه-حسین-کرد-شبهستری> / (дата обращения: 12.05.2024).

29. Хосейн-е Корд 1387 : Кессе-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари / невисанде Мохаммад-Реза-йе Шамс. – Техран : Нашр-е Пейдаеш. – 1387. – 107 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/93909511/قصه-حسین-کرد-شبهستری> / (дата обращения: 12.05.2024).

30. Хосейн-е Корд 1388 : Кессе-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари / невисанде Раджаб-‘Али-йе Замани. – Техран. – 1388. – 54 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/64254094/قصه-حسین-کرد-شبهستری-حسین-کرد-شبهستری-قرن-۱۰> / (дата обращения: 12.05.2024).

31. Хосейн-е Корд 1958 : Коллейат-е кетаб-е Хосейн-е Корд-е Шабестари: бехтарин дастанха-йе джанги-йе шарки. – Техран : Шеркат-е несби-йе Канун-е Кетаб дар Техран. – 1958. – 152 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/87700826/کلیات-کتاب-حسین-کرد-شبهستری-بهترین-داستانها> / (дата обращения: 12.05.2024).

32. Хосейн-е Корд 1978 : Коллейат-е кетаб-е Хосейн-е Корд-е Шабестари: бехтарин кессе-йе шарки. – Техран : Марказ-е форуш: Матбу‘ати-йе Хосейни. – 1978. – 152 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/92979817/کلیات-کتاب-حسین-کرد-شبهستری-بهترین-قصه‌های> / (дата обращения: 12.05.2024).

33. Хосейн-е Корд-е азари I : Коллейат-е кетаб-е Хосейн-е Корд-е Шабестари, ширин ва кахримани бир дастан азарбайджани фолкулуридан. – Тебриз, Бонйад-е Кетабхане-йе Фердоуси-йе Табриз. – 120 с. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/77665954/کلیات-حسین-کرد-شبهستری-شیرین-و-قهرمانی-بیردا> / (дата обращения: 12.05.2024).

34. Хосейн-е Корд-е азари II : кессе-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари (азари). – Пейдāйеш. – URL: <https://www.lib.ir/fa/book/83556513/-قصه-حسين-کرد-د-شبستري-آذري> (дата обращения: 12.05.2024).

Г) Критическое издание

35. Афшар 1386 : Афшар, И. Гессе-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари: бар асас-е ревайат-е нашенахте моусум бе Хосейн Наме / бе кушеш-е Ирадж Афшар, Мехран Афшари. – Тегран : Чешме. – 1386. – 516 с.

Д) Интернет-ресурсы

36. Кушан 1966 : Кушан, Эсма‘ил. Хосейн-е Корд [Видеозапись] / Эсма‘ил-е Кушан. – 1966. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=v-Sp384Nlrw> (дата обращения: 25.10.2023).

37. Лезат-е Дастан : lezate dastan [Канал]. – YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/@lezate.dastan> (дата обращения: 17.04.2024)

38. Хосейн-е Корд 1396 : Хосейн-е Корд-е Шабестари [Аудиокнига] / Гуйанде Ардалан Заргам, ахангсаз Мехди-йе Заре‘. – Новин кетаб-е гуйа. – 1396. – URL: <https://taaghche.com/audiobook/68366/کرد-شبستری> (дата обращения: 15.05.2024).

39. Хосейн-е Корд 2023 I : Дастан-е Хосейн-е Корд-е Шабестари [Плейлист видеозаписей] / lezate dastan. – 8 кесмат. – YouTube. – 2023. – URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLuSudCgE42pq44Uzgg-0iplDAby2Kc1Ww> (дата обращения: 17.04.2024).

40. Хосейн-е Корд 2023 II : Дастан-е Хосейн-е Корд-е Шабестари. Камел ва бедун-е хазфайат [Видеозапись] / lezate dastan. – YouTube. – 2023. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=aGVm_Fn9u-s (дата обращения: 19.04.2024).

2. Научная литература

А) На русском языке

1. Акимушкин 1987 : Акимушкин, О. Ф. Персидская рукописная книга / О. Ф. Акимушкин // Рукописная книга в культуре народов Востока

(Очерки) / Ред. коллегия: О. Ф. Акимушкин, М. И. Воробьева-Десятовская (отв. секретарь), Л. Н. Меньшиков, Ю. А. Петросян (председатель), Э. Н. Темкин, А. Б. Халидов, С. С. Цельникер, К. Я. Юзбашян. 2 т. – М.: «Наука». – 1987. – С. 330-407.

2. Алексеев 2006 : Алексеев, А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар / А. К. Алексеев. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та. – 2006. – 229 с.

3. Базиленко 2011 : Базиленко, И. В. Историография, религиоведение и культурология Востока : учеб. пособие для студентов направлений «Зарубежное регионоведение», «Религиоведение», «Культурология» / И. В. Базиленко. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та. – 2011. – 344 с.

4. Борщевский 1966 : Борщевский, Ю. Е. Дастаны и народная культура средневекового Ирана / Ю. Е. Борщевский // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов II годичной научной сессии ЛО ИНА. – Ленинград : Академия наук СССР, Институт народов Азии, Ленинградское отделение. – 1966. – С. 27-29.

5. Борщевский 1968 : Борщевский, Ю. Е. Сказки древней столицы / Ю. Е. Борщевский // Сказки Исфахана / Перевод с персидского Э. Джалиашвили и Н. Фарас. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». – 1968. – С. 5-12.

6. Босворт 1971 : Босворт, К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / К. Э. Босворт. Пер. с англ. П. А. Грязневича. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». – 1971. – 324 с.

7. Еремеев 1992 : Еремеев, Д. Е. История Турции в Средние века и Новое время / Д. Е. Еремеев, М. С. Мейер. – Москва : Издательство Московского университета. – 1992. – 246 с.

8. Залеман 1907 : Залеман, К. Г. Список персидских рукописей и книг, приобретенных от И. И. Десницкого / К. Г. Залеман // Известия Академии Наук. VI серия. – Том 1, выпуск 2. – 1907. – с. 43.

9. Иванов 1977 : Иванов, М. С. История Ирана / ответственный редактор профессор М. С. Иванов. – Москва : Издательство Московского университета. – 1977. – 488 с.

10. Кондырева 1984 : Кондырева, Н. Б. Таинственная книга / Н. Б. Кондырева // Самак-айяр, или Деяния и подвиги красы айяров Самака, что царям служил, их дела вершил, был смел да умел. В двух книгах. / Пер. с перс., вступит. ст. и примеч. Наталии Кондыревой. Ответственный редактор М.-Н. О. Османов. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». – 1984. – Кн. 1. – С. 5-26.

11. Костыгова 1988 : Костыгова, Г. И. Персидские и таджикские рукописи Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: алфавитный каталог / Г. И. Костыгова. – Вып. I, Том I. – Ленинград : Государственная ордена Трудового Красного Знамени публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. – 1988. – 254 с.

12. Миклухо-Маклай 1964 : Миклухо-Маклай, Н. Д. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (Краткий алфавитный каталог). Часть I / Акимушкин О. Ф., Кушев В. В., Миклухо-Маклай Н. Д., Мугинов А. М., Салахетдинова М. А., под редакцией Н. Д. Миклухо-Маклая. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». – 1964. – 640 с.

13. Милославский 1991 : Ислам: Энциклопедический словарь / Г. В. Милославский, Ю. А. Петросян, М. Б. Пиотровский, С. М. Прозоров (ответственный секретарь). – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы. – 1991. – 315 с.

14. Новичев 1963 : Новичев, А. Д. История Турции. Эпоха феодализма (XI-XVIII вв.) / А. Д. Новичев // История Турции. В 4-х томах / А. Д. Новичев. – Л. : Издательство Ленинградского университета. – 1963. – Том 1. – 314 с.

15. Олеарий 1870 : Олеарий, А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах / составленное секретарем посольства Адамом Олеарием, перевел с немецкого

Павел Барсов. – Москва : Издание Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. – 1870. – 1182 с.

16. Салимов 1964 : Салимов, Ю. Становление жанра сказочной прозы в персидско-таджикской литературе. : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ю. Салимов. – Москва : Академия Наук СССР, Институт народов Азии. – 1964. – 24 с.

17. Шойтов 1978 : Шойтов, А. Персидский дастан «Амир Арслан» / А. Шойтов // Амир Арслан : Персидский дастан / Сокращенный перевод с перс. А. Шойтова, вступит. статья Дж. Дорри и А. Шойтова. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». – 1978. – С. 5-18.

18. Щеглова 1975 : Щеглова, О. П. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР. В двух частях / О. П. Щеглова. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». – 1975. – 791 с.

19. Щеглова 1989 : Щеглова, О. П. Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании Восточного отдела Научной Библиотеки им. А. М. Горького Ленинградского Государственного Университета / О. П. Щеглова. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». – 1989. – 356 с.

20. Щеглова 2002 : Щеглова, О. П. Каталог литографированных книг на персидском языке : из собрания Российской Национальной Библиотеки / О. П. Щеглова. – М. : Вост. Лит. – 2002. – 143 с.

Б) На европейских языках

21. Āl-e Dawūd 1992 : Āl-e Dawūd, ‘Alī. COFFEHOUSE / ‘Alī Āl-e Dawūd // Encyclopaedia Iranica. — 1992. — Vol. VI, Fasc. 1. — URL : <https://iranicaonline.org/articles/coffeehouse-qahva-kana> (дата обращения: 03.05.2024).

22. Babaie 2004 : Babaie, S. Slaves of the shah. New elites of Safavid Iran / Sussan Babaie, Kathryn Babayan, Ina Baghdiantz-McCabe, Massumeh Farhad. – London, New York : I.B.Tauris. – 2004. – 218 с.
23. Levi Della Vida 2000 : Levi Della Vida, Giorgio. ‘Uthmān b. ‘Affān / Giorgio Levi Della Vida // The Encyclopaedia of Islam. New edition / edited by P. J. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel and W. P. Heinrichs. – Leiden : E. J. Brill. – Volume X. T–U. – 2000. – 1024 с.
24. Palit 2000 : Palit, Mriducchanda. Powers behind the Throne: Women in Early Mughal Politics / Mriducchanda Palit // Faces of the Feminine in Ancient, Medieval, and Modern India / edited by Mandakranta Bose. – New York, Oxford : Oxford University Press. – 2000. – С. 201-212.
25. Chehabi 2006 : Chehabi, H. E. ZUR-ḲĀNA / H. E. Chehabi // Encyclopaedia Iranica. – 2006. – URL : <https://www.iranicaonline.org/articles/zur-kana> (дата обращения: 11.05.2024).
26. Dorn 1865 : Dorn, B. Die Sammlung von morgenländischen Handschriften, welche die Kaiserliche Öffentliche Bibliothek zu St. Petersburg im Jahre 1864 von Hrn v. Chanykov / erworben hat. von B. Dorn. – St. Petersburg : Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. – 1865. – 93 с.
27. Faroqhi 2006 : Faroqhi, Suraiya N. The Cambridge History of Turkey: The Later Ottoman Empire, 1603–1839 / edited by Suraiya N. Faroqhi. – Volume 3. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2006. – 619 с.
28. Floor 1989 : Floor, W. BAZAR II. Organization and function / W. Floor // Encyclopaedia Iranica. – 1989. – URL : <https://www.iranicaonline.org/articles/bazar-ii> (дата обращения: 07.05.2024).
29. Floor 2022 I : Floor, W. The Safavid army. Continuity and change / W. Floor // The Safavid world / R. Matthee. – New York : Routledge. – 2022. – С. 224-243.
30. Floor 2022 II : Floor, W. The Safavid court and government / W. Floor // The Safavid world / R. Matthee. – New York : Routledge. – 2022. – С. 203-223.

31. Fragner 1986 : Fragner, B. Social and internal economic affairs / B. Fragner // The Cambridge history of Iran / edited by Peter Jackson and Laurence Lockhart. – Volume 6 : the Timurid and Safavid periods. – Cambridge : Cambridge University Press. – 1986. – С. 491-567.

32. Hanaway 1994 : Hanaway, W. DĀSTĀN-SARĀ'Ī / William Hanaway // Encyclopaedia Iranica. — 1994. — Vol. VII, Fasc. 1. — URL : <https://www.iranicaonline.org/articles/dastan-sarai> (дата обращения: 15.10.2021).

33. Hillenbrand 1986 : Hillenbrand, R. Safavid architecture / R. Hillenbrand // The Cambridge history of Iran / edited by Peter Jackson and Laurence Lockhart. – Volume 6 : the Timurid and Safavid periods. – Cambridge : Cambridge University Press. – 1986. – С. 759-842.

34. Lambton 1991 : Lambton, Ann K. S. CITIES. iii. Administration and Social Organization / Ann K. S. Lambton. – 1991. – Vol. V, Fasc. 6. – URL : <https://www.iranicaonline.org/articles/cities-iii> (дата обращения: 30.04.2024)

35. Marzolph 1994: Marzolph, U. Dastanha-ye shirin: Fünfzig persische Volksbüchlein aus der zweiten Hälfte des zwanzigsten Jahrhunderts / U. Marzolph. – Stuttgart : Steiner. – 1994. – 115 с.

36. Marzolph 1999 : Marzolph, U. A Treasury of Formulaic Narrative : The Persian Popular Romance / U. Marzolph // Enzyklopädie des Märchens. – Göttingen. – 1999. – С. 279-303.

37. Marzolph 2004 : Marzolph, U. ḤOSAYN-E KORD-E ŠABESTARI / Ulrich Marzolph // Encyclopaedia Iranica. — 2004. — Vol. XII, Fasc. 5. — URL : <https://www.iranicaonline.org/articles/hosayn-e-kord-..> (дата обращения: 15.10.2021).

38. Marzolph 2010 : Marzolph, U. Chapter 9. Persian popular literature / U. Marzolph // A history of Persian Literature: XVIII / Edited by Philip G. Kreyenbroek and Ulrich Marzolph. – London : I. B. Tauris and Co Ltd. – 2010. – С. 208-239.

39. Matthee 2008 : Matthee, R. SAFAVID DYNASTY / R. Matthee // Encyclopaedia Iranica. – 2008. – URL : <https://iranicaonline.org/articles/safavids> (дата обращения: 16.05.2023)
40. McChesney 2009 : McChesney, R. D. The Chinggisid restoration in Central Asia: 1500-1785 / R. D. McChesney // The Cambridge history of Inner Asia. The Chinggisid Age / edited by Nicola di Cosmo, Allen J. Frank and Peter B. Golden. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2009. – C. 277-302.
41. Rochard 2002 : Rochard, Ph. The Identities of the Iranian Zūrkhānah / Ph. Rochard & H. E. Chehabi // Iranian Studies. – Vol. 35, Number 4. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2002. – C. 313-340
42. Roemer 1986 : Roemer, H. R. The Safavid period / H. R. Roemer // The Cambridge history of Iran / edited by Peter Jackson and Laurence Lockhart. – Volume 6 : the Timurid and Safavid periods. – Cambridge : Cambridge University Press. – 1986. – C. 189-351.
43. Rubanovich 2012 : Rubanovich, J. Orality in Medieval Persian Literature / J. Rubanovich // Medieval oral literature / edited by Karl Reichl. – Berlin/Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. – 2012. – C. 653-679.
44. Savory 1930 : Savory, R. M. History of Shah ‘Abbas the Great by Eskandar Beg Monshi. 2 volumes / translated by Roger m. Savory. – Boulder, Colorado : Westview Press. – 1930. – 1442 c.
45. Stanfield-Johnson 2004 : Stanfield-Johnson, R. The Hyderabad Connection in the Hoseyn-e kord / R. Stanfield-Johnson // Deccan Studies. – Vol. II, Number 2. – Hyderabad. – 2004.
46. Stanfield-Johnson 2007 : Stanfield-Johnson, R. Yuzbashi-yi Kurd Bacheh and ‘Abd al-Mu’min Khan the Uzbek: A Tale of Revenge in the Dastan of Husayn-i Kurd / R. Stanfield-Johnson // Muraqqa’ e Sharqi / Soussie Kerman-Rastegar and Anna Vanzan, (eds.). – Dogana : AIEP Editore S.r.l.. – 2007. – C. 165-179

47. Zakeri 2008 : Zakeri, Mohsen. JAVĀNMARDI / Mohsen Zakeri // Encyclopaedia Iranica. – 2008. – Vol. XIV, Fasc. 6. – URL : <https://www.iranicaonline.org/articles/javanmardi> (Дата обращения: 30.04.2024).

В) На персидском языке

48. ‘Анасори 1372 : ‘Анасори, Дж. Мо‘аррефи-йе котоб-е чап-е санги, 14: пахлавани-наме-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари / Дж. ‘Анасори. – Шахривар : Сана‘ат-е чап. – 1372.

49. ‘Анасори 1374 : ‘Анасори, Дж. Мо‘аррефи-йе котоб-е чап-е санги, 34: дастан-е ширин ‘эбрат-е Хосейн-е Корд-е Шабестари / Дж. ‘Анасори. – Шахривар : Сана‘ат-е чап. – 1374.

50. Барати 1382 : Барати, П. Пажухеш дар сахтар-е ревайи ва дастани-йе Гессе-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари ба текийе бе фараматнха-йе ан / П. Барати // Маджму‘э-йе магалат-е хамаеш-е эсфахан ва сафавийе. – Ч. 2. – Эсфахан : Энтешарат-е Данешгах-е Эсфахан. – 1382.

51. Деххода 1377 : Деххода, А. Логатнаме / А. Деххода. – Техран : Мо‘асесе-йе энтешарат ва чап-е данешгах-е Техран. – 1377. – 23911 с.

52. Джа‘фарпур 1401 I : Джа‘фарпур, Милад. Аз йатим-е дастани та курчи-йе тарихи (эсбат-е ховеййат-е нашенахте-йе Хосейн-е Корд-е Шабестари бар пайе-йе шавахед-е тарихи ва адаби) / Милад-е Джа‘фарпур // Джостарха-йе новин-е адаби. – Шомаре-йе 216. – Машхад. – 1401. – сс. 21-51.

53. Джа‘фарпур 1401 II : Джа‘фарпур, Милад. Насхешенаси-йе кахентарин джаме‘-е ревайат-е хамасе-йе Йатим-наме ва дигар дастневисха-йе ан / Милад-е Джа‘фарпур // Матншенаси-йе адаб-е фарси. – 14 доуре, 1 шомаре. – Эсфахан : Данешгах-е Эсфахан. – 1401. – сс. 73-90.

54. Джа‘фарпур 1401 III : Джа‘фарпур, Милад. Нокат-и ноуйафте дарбаре-йе ховеййат-е рави ваз аман-е та‘алиф-е хамасе-йе Йатим-нама. / Милад-е Джа‘фарпур // Пажухешнаме-йе адаб-е хамаси. – 17 доуре, 2 шомаре. Техран : Данешгах-е Азад-е Эслами. – 1401. – сс. 91-121.

55. Мозаффарийан 1390 : Мозаффарийан, Фарзана. Гахраман пардази дар гессе-йе ‘амийане (Дараб-наме, Амир Арсалан-е Намдар, Самак-е

‘Аййар, Эскандар-наме ва Хосейн-е Корд) / Фарзани-е Мозаффарийан // Андишеха-и адаби. – 3 (доуре-и джадид). – 1390.

56. Мосави 1396 : Мосави, Зейнаб. Барреси-и кохан олгуха-и гессе-и Хосейн-е Корд-е Шабестари / тавассот-е Зейнаб-е Мосави. – Илам : Данешгах-е Илам, забан ва адабейат-е фарси, каршенаси-и аршад. – 1396.

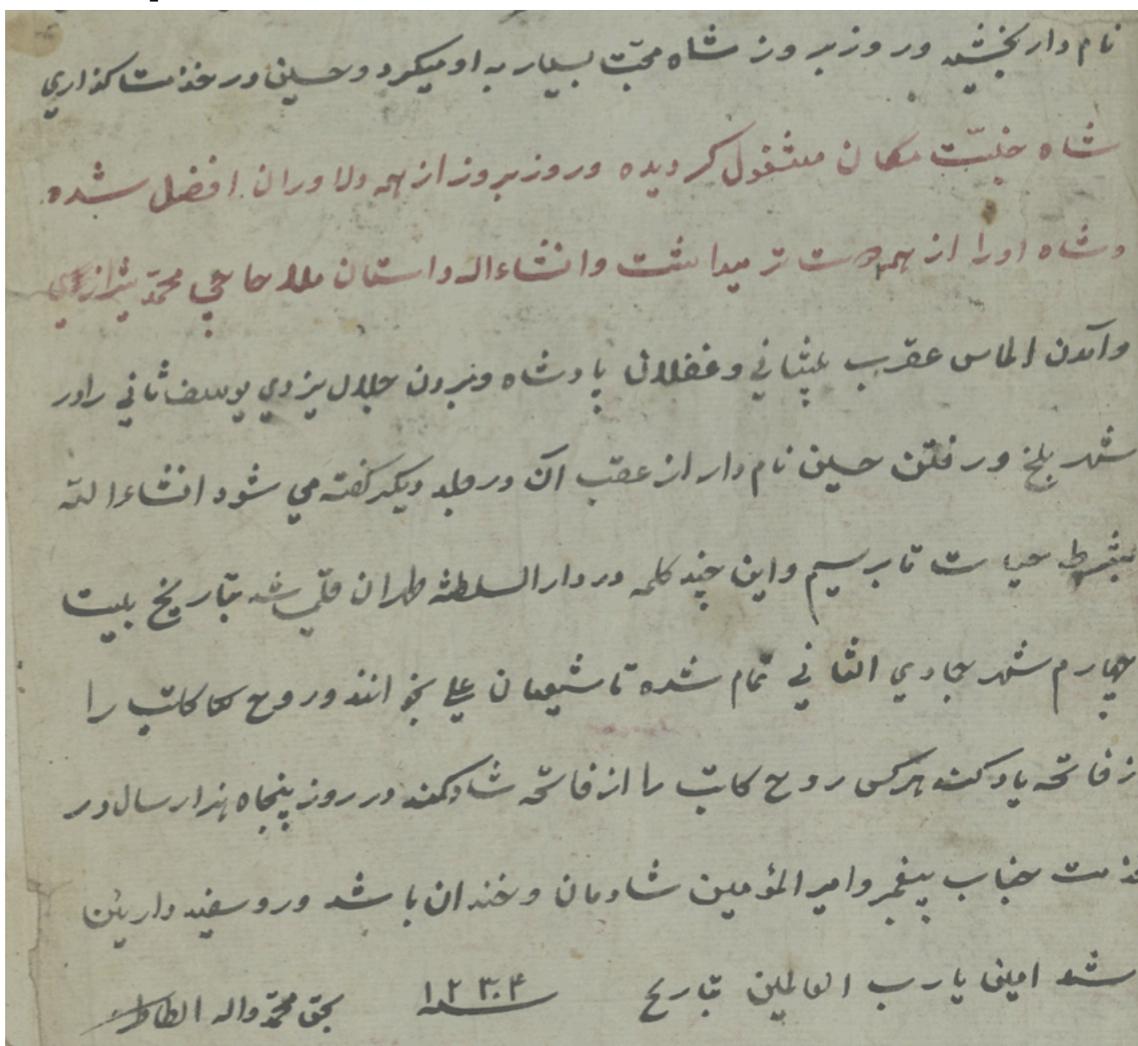
57. Пархам 1336 : Пархам, С. Сима-и кахреман дар дастанха-и амийане / С. Пархам // Садаф. – Сал-е аввал, №4. – Техран. – 1336.

58. Рахманийан-Кушкаки 1392 : Рахманийан-Кушкаки, Марйам. Барреси-и забан-е ревайат дар дастанха-и Амир Арсалан ва Хосейн-е Корд-е Шабестари / пажухеш ва негареш-е Марйам-е Рахманийан-Кушкаки. – Йазд : Данешгах-е Йазд, забан ва адабейат-е фарси, каршенаси-и аршад. – 1392.

Приложения

Приложение 1

Окончание текста и колофон третьей части рукописи РНБ [Рукопись РНБ: 519].

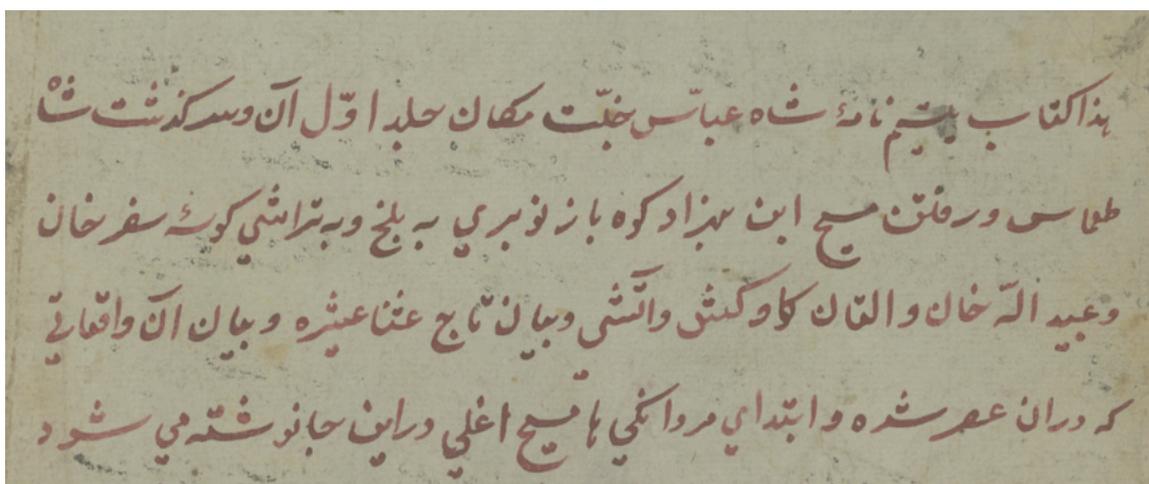

И каждый день шах был к нему благосклонен, и Хусайн был занят в услужении шаху, [ныне] покоящемуся в раю. И постепенно стал учение всех [остальных] *пахлавāнов*. И шах считал его своим любимцем. И, если будет на то воля Аллаха, дастан о Мулле Хаджжи Мухаммаде Ширази и [о] приходе ахдаса ‘Аграба Пишани, и [о] Гафлане Падишахе, и [о том, как] Джалал Йазди забрал Йусифа Сани в город Балх, и [о] походе прославленного Хусайна за ним, будет рассказан в другой части. Если будет на то воля Аллаха, если [буду] жив, тогда достигнем [дастана]. И эти несколько слов были изменены в *Дār as-Салтāна* Тегеране. Закончено в дату 24 [числа] месяца джумади ас-сани, чтобы шииты ‘Али прочли и [чтобы] вспомнили дух писца через [прочтение

суры] Фатиха. От [прочтения] каждым [суры] Фатиха дух писца обрадуется, [с того] дня пятьдесят тысяч лет в присутствии глубоководного Пророка и Амира праведных будет радостен и весел, и с белым лицом будет в царствии [небесном]. Аминь, о Господь миров. В дату 1234 год. Клянусь Истиной, Мухаммадом и клянусь Аллахом...

Приложение 2

Заголовок первой части рукописи РНБ [Рукопись РНБ: 1 об.].

Это – книга «Йатим-нама-йи шах ‘Аббас-и джаннат-макан» («Книга о йатимах покоящегося в раю шаха ‘Аббаса»). Первая часть ее о смерти шаха Тахмаспа и [об] отправлении Масиха ибн Бихзада Кухбаза Навбари в Балх [с целью] обрить Куса Сафар-хана, ‘Убайд Аллах-хана, Алтана Гавкуша и [разжечь] огонь. Здесь написаны повествование о короне двенадцати [имамов] и повествование о произошедших в ту эпоху событиях и о начале подвигов Масиха Угли.

Приложение 3

Окончание текста и колофон первой части рукописи РНБ [Рукопись РНБ: 109 об.].

خود گردانیده مسیح عریضه بخندت شاه عباس
نوشته در اسلحه هم به میر باقر نوشته که آردن
پیر بدهاق خان را در خدمت شاه بخندت
مکان موقوف کنند چون عریضه عاریسه
آردن پیر بدهاق خان را موقوف نمود انشاء الله
و مقامی داستان میر باقر بعد ازین گفته می شود بشرط

حیات که درستان و رقیقان بخوانند فاتحه
از برای کعبه کاتب بفرشته که خدا هفت
سپت او را از آتش جهنم نجات دهد
امین یا رب العالمین
بنا بر تاریخ غنائد ربع اول
۱۲۳۴

Масих написал прошение в присутствии к шаху Аббасу, а также написал письмо Мир Багиру, чтобы прибытие Пир Будаг-хана в присутствии к [ныне] покоящемуся в раю шаху остановили. Когда прошение пришло, пришествие Пир Будаг-хана остановил. Если будет на то воля Аллаха Всевышнего, дастан о Мир Багире будет рассказан после этого, если [буду] жив, когда друзья и товарищи прочтут [это, и] ради писца пошлют [Господу суру] Фатиха, чтобы Господь дал семью своими покровительствами спасение от огня Геенны.

Аминь, о Господь Миров.

В дату десятого [числа месяца] раби‘ ал-аввал

1234 года

داستان ابتدای پیدایش سید میر باقر آجورپاز بیان آن
حال آن دلاور و دست بردن آن سید به جماعت از یک
بسم الله الرحمن الرحیم
اتقوا ویان اخبار و ناقلاں اثار و خوشه چینیان خون اسرار حسین روایت کرده اند

که چون شاه طهماسب از در دنیا رحلت نمود و شاه عباس خلیفگی مکان در جای او بر
تخت سلطنت قرار گرفت و بعد از آنکه که مسیح دلاور از ترکستان با دلاوران به اصفهان
آمدند و خبر فوت شاه طهماسب در ترکستان منتشر گردید و به کوشش عبداللہ خان از یک ^{عبداللہ خان} سید
روی به ایران خود کرد که شاه عباس طفل است و امور سلطنت را نمی تواند از پیش
به برویک را میخواهم از ایران بفرستد و نامه نوشته بر دار در روانه ایران شود و ببیند که هرگاه
شاه عباس کار پادشاهی را از پیش برود که خوب و هرگاه از پیشش نزد دلاوران

از برای من بیارود و تلافی با باز شود و خودش در اینجا حاکم باشد که هم ایران از
از ما باشد و هم ترکستان که نگاه خلیفگی از یک از جای برخواست و عسکر

Дастан о появлении Сайида Мир Багира Аджурпаза, повествование о деяниях этого храбреца и о вмешательстве Сайида в общину узбеков.

Во имя Аллаха Всемилостивого и Милосердного

Но сказители хадисов и рассказчики произведений, и подбиратели колосков на гумне тайн рассказывали таким образом, что когда шах Тахмасп отправился [в путь] из страны брэнного мира, и покоящийся [ныне] в раю шах ‘Аббас занял его место на троне государства, и после того, как Масих с храбрецами вернулся из Туркистана в Исфахан, и весть о смерти шаха Тахмаспа распространилась в Туркистане и дошла до ушей ‘Убайд Аллах-хана Узбака, ‘Убайд Аллах-хан повернулся лицом к своим амирам [и сказал], что шах ‘Аббас дитя и не сможет справиться с управлением государством. Мне [‘Убайд Аллах-хану] нужен кто-то, кто поднимется из Ирана, возьмет письмо и отправится в Иран, и посмотрит: если шах ‘Аббас справляется с правлением хорошо, то хорошо, а если плохо, то его голову нам принесет и отомстит, а сам станет там наместником, так что и Иран, и Туркистан будут нашими. Как вдруг со своего места поднялся Халхал-хан Узбак и доложил...

Приложение 5

Начало печатных версий дастана о Хусайне Курде: зачин и пересказ деяний Масиха Дукмабанда Табризи [Хосейн-е Корд 1384: 7].

اما راويان اخبار و ناقلان آثار و طوطيان شکرشکن شیرین گفتار و
نغمه سرایان خیل شاخسار، بعد از ثنای آفریدگار، از راه داتشوری،
بدین گونه روایت کرده اند که در عهد شاه عباس جنت مکان، فرزندزاده
اسدالله الغالب علی ابن ابیطالب، مسیح دکمه بند تبریزی، پسر بهزادخان
دست پرورده بداغخان پرچولی، در شهر بلخ کوسه خضرخان و اقلان را به
آتش کشت؛ و چنان آتشی روشن نمود که چشمه خورشید را تیره و تار
کرد. عبدالله خان و عبدالمؤمن خان را ریش و سیل تراشید و از جهت تاج
اثنی عشری در خطا آتشی روشن کرد.

Но сказители хадисов и рассказчики произведений, и сладкоречивые, благозвучно повествующие попугаи, и певцы племени густых ветвей, после

хвалы Творцу, ученым образом повествовали так, что во времена покоящегося в раю шаха Аббаса потомок Победоносного Льва Аллаха Али ибн Абу Талиба, Масих Дукмабанд Табризи, сын Бихзад-хана, воспитанник Будаг-хана Парчавли сжег в городе Балх Хизр-хана редкородного и Акилана, и развел такой яркий огонь, что тот затмил собой солнце. 'Абд-Аллах-хану и 'Абд ал-Му'мин-хану сбрил бороду и усы и во имя короны двенадцати имамов разжег огонь в Хате.

Приложение 6

Фраза гонца 'Убайд Аллах-хана при встрече с привратником страны Хата [Хосейн-е Корд 1384: 8]:

گفت: «دوستدارم چهار یار نبی را، ابوبکر و عمر و عثمان و علی را.»

Он сказал:

«Почитаю четырех друзей пророка, так их называли

Имена их Абу Бакр, 'Умар, 'Усман и 'Али»

Приложение 7

Формульный эпизод [Афшар 1386: 147]:

پس حسین بعد از کشتن موسی خان وارد ضرابخانه شده دستبرد ی زده آمد به خانه زهراب خان کمند انداخته داخل خانه شد و گردش بسیار کرده تا خود را به بالای سر زهراب خان رسانید. او را مدهوش کرده در میان باغچه سرا آورده و پاهای او را بر درخت بسته علاج بی هوشی او را کرده و چوب بسیار بر او زده که همه ناخنهای او افتاده. آنچه در نظر داشت از پول و جواهر از او گرفته و او را انداخته و ریش و سبیل او را تراشیده و بیرون آمده در منزل خود و آن روز و آن شب در آن جا مانده و روز دیگر تدارک خود را دیده روانه اصفهان گردید. [۴۶ ب]

Затем Хусайн после убийства Муса-хана, войдя в здание монетного двора, и ограбив [его], пришел к дому Захраб-хана. Забросив веревку, проник в дом и долго рыскал [по нему], пока не дошел до [самого] Захраб-хана. Усыпив [Захраб-хана], вынес его в середину сада, привязал его ноги к дереву,

пробудил его особым средством, и сильно побил дубиной так, что все его ногти выпали. Всё то из денег и жемчугов, что попало на глаза, [Хусайн] у него забрал, его самого бросил, бороду и усы его сбрил, вышел и вернулся в место, где остановился. В тот день и ту ночь там и оставался, а на следующий день, собравшись, направился в Исфахан.

Приложение 8

Формульный эпизод [Афшар 1386: 79]:

اما سید همه جا می آمد تا داخل شهر بدخشان شد. [۱۴ الف] دوروزی گردش کرده تا خوب کوچه و بازارها را بلد شده، پس چون شب بر سر دست درآمد سید اسلحه پوشیده خود را به ضربخانه انداخته و دو نفر را سر بریده و یک پرده گلیم زر برداشته و داخل کاروانسرا شده او را مخفی کرد.

Но Саййид шел-шел, пока не прибыл в город Бадахшан. Два дня бродил [по городу], пока не ознакомился хорошенько с улицами и базаром, затем, как наступила ночь, облачился Саййид в доспехи, набросился на монетный двор. Двоим [бывшим там] отрубил головы, набрал мешок золота, вернулся в караван-сарай, и там его спрятал.

Приложение 9

Формульный эпизод [Афшар 1386: 75]:

شب که بر سر دست درآمد اسلحه پوشیده داخل شهر شد با قدبدین و قدبدین به دستبرد رفته و پیچک خود را به پشت بام خانه عبید رسانید. در پشت حرم باغی بود. پس داخل آن باغ شد. درختی از میان حرم شاخش در میان باغ بود. کمند انداخته داخل حرم شده هر چند گردید اثری [از] دختر ندید. چون صبح بود باز دست بر آن درخت زده بالا رفت که تمام شهر در زیر پایش پیدا بود. آن برگهای درخت را در پیش خود جمع کرده و نشست. دید که همان دختر که مطلوب او بود از اطاقی بیرون آمد که دیشب چندین دفعه گردش کرده بود و او را نیافته بود.

انگشت حیرت به دندان گزیدن گرفت. اما در بالای درخت مانده تا شب بر سر دست درآمد و مردم حرم از پا افتادند. کنیزکی را دید که قاب طعامی در دست دارد و داخل آن اطاق شد و بعد از ساعتی بیرون آمد و رفت.

پیچک از بالای درخت به زیر آمده و داخل اطاق شد. دید که چراغ روشن است اما کسی پیدا نیست. تا نزدیک صبح گردش کرده باز دختر را نیافت. داخل اطاق دیگر شد همان کنیزک را دید که طعام از برای دختر برده بود و او را مدهوش کرده آورده در باغچه سرا. او را به هوش آورده احوال پرسید. خواست فریاد کند خنجر را کشیده نوک خنجر بر او زده دیگر صدا نکرد. گفت راست بگو که دختر در کجا می باشد.

کنیزک پیچک را برداشته به همان اطاق آمده گفت این جا می باشد. از آن روزی که پیچک رافضی شده است عبید نقبی در زیر این تخت درست کرده و او را قایم کرده. پس آن کنیزک شمعی در دست گرفته در پیش و پیچک در عقب داخل آن نقب شده دختر را بیهوش کرده در پرده گلیم گذارد و کنیز را هم بیهوش نموده انداخته و دختر را برداشته داخل باغچه سرا شده که ستاره صبح دمیده بود. چون راه به جایی نمی برد به هزار فلاکت خود را به پای برج رسانیده کمند انداخته که به بالا بیاید که یاری حرام زاده با دویست نفر در رسیدند. به پای برج آمده نهیب داد که او را مگذارید که پیچک خود را از آن طرف سرازیر نموده و روانه شد.

Как наступила ночь, облачившись в доспехи, он вошел в город вместе с Кутб ад-Дином. [Пока] Кутб ад-Дин направился грабить, Пичак забрался на крышу дома 'Убайда. За [зданием] гарема был сад. Тогда он вошел в тот сад. Среди гарема росло дерево, ветвь которого была в центре сада. Бросив веревку, он пробрался в гарем. Сколько ни искал, ни следа от девушки не нашел. Так как было утро, вновь схватившись за дерево, взобрался [на него так высоко], что весь город был ниже его ног. Собрал перед собой листья дерева и сел. Увидел, что та самая девушка, которую он искал, вышла из той комнаты, в которой он прошлой ночью столько раз ее искал и не находил. Закусил палец удивления. Но оставался на дереве, пока не наступила ночь, и жители гарема не стали валиться с ног от усталости. Увидел, как служанка с подносом кушаний в руках вошла в ту комнату, и через некоторое время вышла и ушла.

Пичак спустился с вершины дерева и вошел в комнату. Увидел, что горит лампа, но никого [в комнате] нет. До самого утра рыскал [по гарему], вновь не нашел девушку. Вошел в другую комнату, увидел ту самую служанку, что приносила поднос с кушаньями для девушки, усыпил ее и вынес в сад. Приведя ее в сознание, спросил о ее состоянии. Она [уже] хотела закричать, [как] он достал кинжал [и] прислонил его острие к ней, так что она не издала ни звука. Приказал ей: «Говори правду, где девушка?»

Служанка отвела Пичака в ту самую комнату и сказала, что она здесь. С того дня, как Пичак стал отступником, ‘Убайд построил подкоп под этой кроватью, и скрыл его. Тогда та служанка со свечой в руке впереди, а за ней Пичак, вошли в этот подкоп. Пичак усыпил девушку и завернул ее в ковер, также усыпил и служанку и оставил ее [там]. Забрав девушку, вышел в сад, когда уже всходила утренняя звезда. Так как у него не было другой дороги, он [с] тысячью проклятий дошел до башни, забросил веревку, чтобы забраться наверх, как пришел ублюдок Йари с двумястами [воинами]. Пришел к подножью башни, пригрозил: «Не упустите его!». Тогда Пичак спустился оттуда и побежал.

Приложение 10

Формульный эпизод [Афшар 1386: 160]: Хусайн Курд устраивает пожар:

پس ایشان هر کدامی در محله [ای] رفتند و تهمتین زمان حسین کرد شبستری نوجوان شمشیری برداشته آمد در خانه عمر بهادر برادر سلطان و کمند را انداخته بالا آمده و از آن طرف سرازیر شده در میان خانه گردش کرد. آنچه از زن و بچه و کنیزان بوده همه را بی هوش کرده و بهادر را برداشته در میان باغچه سرا آورده و به ده چوب ده ناخن او را برداشته، ریش و سبیل او را تراشیده و یک شال دستمال پر از زر و جواهر از او گرفت و آنچه در خانه او بود در میان تالار بر روی یکدیگر ریخته و آنچه از پنبه و [۵۲ب] نفت و بوریا بوده بر روی آنها گذارده آتش زده و بالا برآمده و فریاد برآورد که ای مردمان روم بهزاد چه کرده بود که او را بر دار زدید و از پی کار خود به در رفت.

Затем они все побежали в разные районы, а мóлодец-богатырь эпохи Хусайн Курд Шабистари, взяв меч, пришел к дому ‘Умар-Бахадура, брата

султана, и, бросив веревку, взобрался наверх, оттуда спустился, и стал рыскать по дому. Кто бы ни попадался ему на пути, будь то жена [Бахадура], ребенок или служанка – всех усыплял. Взяв Бахадура, вынес его в сад, и десятью ударами дубины выбил ему десять ногтей, сбрил ему бороду и усы, да забрал у него один шалевый платок, наполненный золотом и жемчугами. Все, что было в его доме, набросал в кучу посреди открытой залы, все хлопковые и масляные предметы, а также циновки сложил поверх [кучи], поджег, поднялся наверх и закричал: «О люди Рума, что сделал вам Бихзад, что вы его на виселицу [отправили]?» И убежал по другим своим делам.

Приложение 11

Формульный эпизод [Афшар 1386: 74]:

پس عبید وزیران را طلب کرد و گفت یاران در باب این ایرانی چه چاره کنیم. اعظم وزیر گفت شهریارا یاری هم چشم در شهر می باشد تو او را از درجه احتیاسی انداخته، باید الحال بفرمائی او را بیاورند و نوازشی بسیار به او نموده و شهر را به او بسپار که او به عیاری و زبردستی هم سید و هم چموشنگ سیاه را گرفته به دست تو می دهد.
عبید در حال یاری را طلب کرده و خلعت به او داد و آن ناپاک بر سر چهارسو آمده و رفیقان او که شب و روز هم پیاله بودند دور او جمع شده و چهل نفر یاران پیچک بودند و صد نفر از چموشنگ سیاه همه بر سر یاری جمع شدند.

Затем ‘Убайд потребовал [к себе] вазиров и сказал: «Друзья, что мы будем делать с этим иранцем?» А ‘зам-вазир сказал: «О повелитель, есть в городе Йари Хамчашм. Ты его сбросил с должности ахдаса, надо, чтобы ты сейчас приказал, чтобы его привели. [Надо], чтобы ты оказал ему большое радушие и поручил ему город, потому что он [своими] хитростью и ловкостью и Сайида, и Чамушанга Сийаха возьмет и передаст тебе».

‘Убайд тут же потребовал [к себе] Йари и одарил его богатой одеждой. Тот нечистый пришел на перекресток базара, а его товарищи, что с ним вместе днем и ночью пьянствовали, собрались вокруг него. А еще подле Йари собрались все сорок товарищей Пичака и сто воинов Чамушанга Сийаха.

و چون شب بر سر دست درآمد هر سه اسلحه رزم پوشیده داخل شهر شدند. ایشان را به دستبرد فرستاده و خود بر سر چهارسو آمده دید صحرائی در چهارسو بر روی تخت قرار دارد. سید وارد شده و شب‌به‌خیری گفت. صحرائی را چون نظر بر سید افتاد گفت کیستی. گفت مرا سید میرباقر می‌گویند. گفت تو آن سیدی که شنیده‌ام شاگرد مرا که پیچک باشد رافضی نموده [ای]. گفت بلی. قران صحرائی را بد آمد. نهیب داد به سید [۲۱ الف] و شمشیر را از غلاف کشیده و سپر بر سر دست، خود را به میان چهارسو گرفت و قبه سپر را کوفت بر سپر سید که آتش خرمن زبانه کشیده هر دو از ضرب سپر یکدیگر ده گز به عقب رفتن. سید پشت دست به دندان گزیده قران هم تعجب کرده از ضرب دست سید.

خلاصه هر دو مشغول شمشیربازی شدند تا نزدیک به صبح. سید نظر کرد دید که صبح نزدیک است. شمشیر را [گرفته] حمله بر او کرده که بگیر از دست من و شمشیر را بر او انداخته. سپر را پیش آورده دامن سپر او قلم شده و بر پیشانی قران آمده. قران که این حال دید گفت مرا تا به حال کسی زخم نزده بود و تو مرا زخم زدی و شمشیر را به جانب سید پرتاب کرده سید دست پاچه شده و سپر را پیش آورده که در آن وقت قدبدین و پیچک رسیدند. گفتند ای سید سر حساب باش.

سید سپر بر دم شمشیر آورده دامن سپر قلم شده شمشیر بر ران سید آمده تا نزدیک استخوان را برید. سید به زانو درآمد. آن ناپاک خواست که ضربت دیگر بر سید بزند که قدبدین و پیچک هر دو داخل چهارسو شدند و در دور سید ایستادند.

آن ناپاک پیچک را دید نهیب بر پیچک داد. او هم نهیب بر قران داد. آن ناپاک شمشیری که بر دست داشت حواله پیچک کرد. خواست پیچک سر را بدزد که شمشیر بر فرقش آمده چهار انگشت نشست و خون از سر پیچک فرو ریخت که قدبدین از عقب سر قران صحرائی درآمد نهیب بر او داد. آن ناپاک خواست سپر برابر تیغ او بدهد که قدبدین شمشیر را انداخته بر کفش آمد که دو انگشت کف او را برید.

پس قران از دست دیگر شمشیر حواله قلدبدین کرده، قلدبدین سپر بر سر آورده که سپر برهم شکافت که قلدبدین دست از سپر برداشته بر عقب جستن نمود که شمشیر او آمده بر گردن ازبکی که سرش به ده قدم به دور افتاد. خود را در میان چهارسو گرفت. قلدبدین مشعل را فی الفور سرالیر کرد. پیچک هم دو نفر از ازبکان را در آن تاریکی بازار گردن زده .

اما قلدبدین سید را برداشته بر کتف کشیده به در رفت و پیچک هم زخم خود را بسته از عقب سر ایشان روانه شده آمدند تا داخل نقب شدند. اما پرده گلیمها را بر سر چهارسو گذاردند. در آن شب قلدبدین داخل خانه جراحی شده آن جراح را بی هوش کرده آورد تا زخم سید و پیچک را بسته در همان جا در بندش کرد و صبح خود به لباس مبدل داخل شهر شد دید که آن لاشها را قران [۲۱ ب] برداشته نزد شاه آمده. پس حالات را معروض داشت از زخم خوردن سید و پیچک. شاه بسیار خوشحال شد و فرمود تا زخم او را بستند و در بستر خوابانیدند.

Как наступила ночь, все трое облачились в боевые доспехи и вошли в город. Отправив их грабить, сам пошел на перекресток базара, увидел, что на тахте на перекрестке базара сидит Сахрайи. Саййид вошел и сказал: «Доброй ночи!» Как Сахрайи его увидел, спросил: «Кто ты?» [Саййид] ответил: «Меня зовут Саййидом Мир Багиром». [Сахрайи] сказал: «Ты тот самый саййид, о котором я слышал? Ты моего ученика Пичака сделал отступником?» [Саййид] ответил: «Да». Киран Сахрайи разозлился. Пригрозил Саййиду, достал меч из ножен, взял в руку щит, вышел на середину перекрестка и ударил куполом щита по щиту Саййида так, что искры посыпались. Оба от удара щита о щит друг друга отскочили назад на десять шагов.

Короче говоря, оба стали сражаться на мечах до самого утра. Саййид увидел, что близится утро. Взял меч, замахнулся на него: «Получи от моей руки!» – и ударил его мечом. [Киран] выставил щит, [да] щит его разбился, и [удар] пришелся по лбу Кирана. Как это Киран увидел, сказал: «Меня вплоть до этого момента никто не мог ранить, а ты меня ранил!» – и бросил меч в Саййида. Саййид растерялся, прикрылся щитом, и в этот момент прибыли Кутб ад-Дин с Пичаком. Они сказали: «О Саййид, будь внимателен!»

Саййид повернул щит к острию меча, подол щита разбился, и меч порезал бедро Саййида вблизи кости. Саййид упал на колени. Тот нечистый

хотел вновь нанести удар Саййиду, как Гутб ад-Дин и Пичак вдвоем вошли на перекресток базар и стали по сторонам от Саййида.

Тот нечистый увидел Пичака и пригрозил ему. Пичак тоже пригрозил Гирану. Тот нечистый замахнулся мечом, что был у него в руке, на Пичака. Хотел Пичак скрыть голову, как попал меч по его макушке. Вошел [меч в его голову] на четыре пальца, и полилась кровь из головы Пичака, и тут Кутб ад-Дин со спины подойдя к Сахрайи, пригрозил ему. Тот нечистый хотел подставить щит под его клинок, как Кутб ад-Дин ударил мечом по его плечу так, что оставил рану глубиной в два пальца.

Тогда Киран другой рукой замахнулся мечом на Кутб ад-Дина, Кутб ад-Дин поднял щит над головой, как щит раскололся пополам. Кутб ад-Дин убрал руку из-под щита, отпрыгнул, как [удар] его меча пришелся по шее узбека так, что его голова отлетела на десять шагов. Вышел в середину перекрестка базара. Кутб ад-Дин тут же потушил факел. Пичак тоже в темноте базара отрубил головы двум узбекам.

А Кутб ад-Дин взял Саййида, взвалил на плечи, и убежал. Пичак, забинтовав свои раны, побежал за ними. Вернулись в подкоп, но мешки [с золотом] оставили на перекрестке базара.

В ту ночь Кутб ад-Дин вошел в дом врача, усыпил хозяина дома, принес его, чтобы он перевязал раны Саййида и Пичака, там же его связал, и утром, переодетый, вышел в город, увидел, что Гиран, взяв тела убитых, пришел к шаху. Затем рассказал о том, как ранил Саййида и Пичака. Шах очень обрадовался и приказал, чтобы раны [Кирана] перевязали, и уложили его спать на постель.

Приложение 13

Чамушанг принимает ислам [Афшар 1386: 66]:

چموشنگ سیاہ را چون نظر بر سید افتاد گفت ای رافضی تو دیشب به نامردی مرا ذلیل گردانیدی. اکنون بگیر از دست من. چوب دستی را حواله سر سید کرد. سید از خود گذرانید و گریبان او را گرفته به کشتی گرفتن مشغول شدند تا نزدیک صبح که آخر الامر سید دستی زده که چموشنگ را گرفته از زمین در ربود. او را بر زمین زد و بر سینه اش نشست. خواست سر او را جدا کند که از یکان دور سید را گرفته و شمشیرها کشیده رو به سید آمدند که چموشنگ سیاہ نعره کشید که دست نگاه دارید و رجوع نداشته باشید. از یکان ایستادند. گفت سید برخیز از سینه من. دانستم که دین تو بر حق است و دین تو دین من است. من مسلمان می شوم.

پس سید برخاسته از روی سینه او. چموشنگ از روی اخلاص مسلمان شد و رو به آدمهای خود کرده که مسلمان شوید. ایشان ابا نموده دست بر چوب دستی نموده چند نفر را نرم کرده باقی دیگر رو به گریز نهادند.

Когда увидел Чамушанг Сийах Саййида, сказал: «О отступник, ты прошлой ночью не по-мужски меня унизил. Теперь получи от моей руки!» Замахнулся дубиной на голову Саййида. Саййид увернулся и схватил его за ворот, принялись они бороться. [Боролись] до [самого] утра, пока в конце концов Саййид не схватил Чамушанга и не оторвал от земли. Ударил его оземь и сел на его грудь. Хотел отрезать ему голову, как узбеки окружили Саййида и, вынув мечи, подошли к нему. Но тут Чамушанг Сийах закричал: «Уберите руки и не приближайтесь!» Узбеки остановились. Сказал [Чамушанг]: «Саййид, встань с моей груди. Я понял, что твоя вера с Истиной, и твоя вера – моя вера. Я становлюсь мусульманином».

Затем Саййид встал с его груди. Чамушанг, короче говоря, стал мусульманином и, обратился к своим людям: «Становитесь мусульманами». Они отказались. Взяв дубину, он нескольких побил, остальные разбежались.

Приложение 14

Хусайн Курд взывает о помощи к 'Али [Афшар 1386: 154]:

از آن طرف سلطان سلیم شرط با وزیر خود بسته بود و امیران با یکدیگر عهدها کرده بودند که به قدر پنجاه طعن شمشیر که در میان ایشان ردّویدل شد که آن دلاور زمان و آن نهنگ دمان و آن ببر بیان دستها برهم زده و آن چنان قوچ وار بر عقب رفته شیروار پیش آمد [که] صدای الدررم الدررم آن دلاور بلند شد. چون نزدیک رسید هر دو پا را کوفت در زمین و خود را برابر ساسان گرفته نعره یا علی از جگر برکشیده و گفت توت من المدن و انداخت بر قبه سپر او و سپر را چون جرم قمر درهم درید که مردم می گفتند این عجب دلاوری است که تیغ بر کاسه سر او رسید. تا می رفت خبردار گردد که برق شفق شمشیر او از میان دو بر آن ملعون به در رفت که ناله کشیده در غلطید که به یک مرتبه صدای ولوله از خلق بلند شد.

Тогда султан Салим заключил со своим вазиром пари, сделки заключили и амиры друг с другом. Они обменялись примерно пятьюдесятью ударами мечей, как тот храбрец эпохи, разъяренное морское чудище, свирепый тигр ударил рукой об руку, будто горный баран отбежал назад, будто лев вышел вперед, и закричал храбрец: «Алдиририм, алдиририм!» («Уничтожу, уничтожу!»). Как приблизился, ударил обеими ногами о землю и, став напротив Сасана, заорал изо всех сил: «О 'Али!», и сказал: «Тут, мин алмадин!» («Брось, меня не возьмешь!»), бросился на купол его щита и разбил щит, словно диск луны так, что люди говорили: «Это удивительный храбрец!», когда клинок достиг чаши его головы. Когда [Хусайн] отходил, увидел, что молния зари его меча вышла из середины груди того проклятого так, что он, закричав, упал, и тут же в народе поднялась суматоха.

Приложение 15

Изображение приема Вали Мухаммада при дворе шаха 'Аббаса на фреске во дворце Чехел-Сотун:

Приложение 16

Шиитские *пахлавāны* решают грабить шиитские караваны [Афшар 1386: 127]:

اما در تبریز دو نفر پیدا شده بودند که یکی را تقی چرم در تبریزی می گفتند و یکی را نقی ریخته گر تبریزی. هر دو یک شب نشسته بودند، گفتند دبه چی به ایران رفته و کار درستی از برای شاه نکرد و حال یتیم نامی شاه می باشد. باید نیک خود را به خدمت شاه برسانیم.

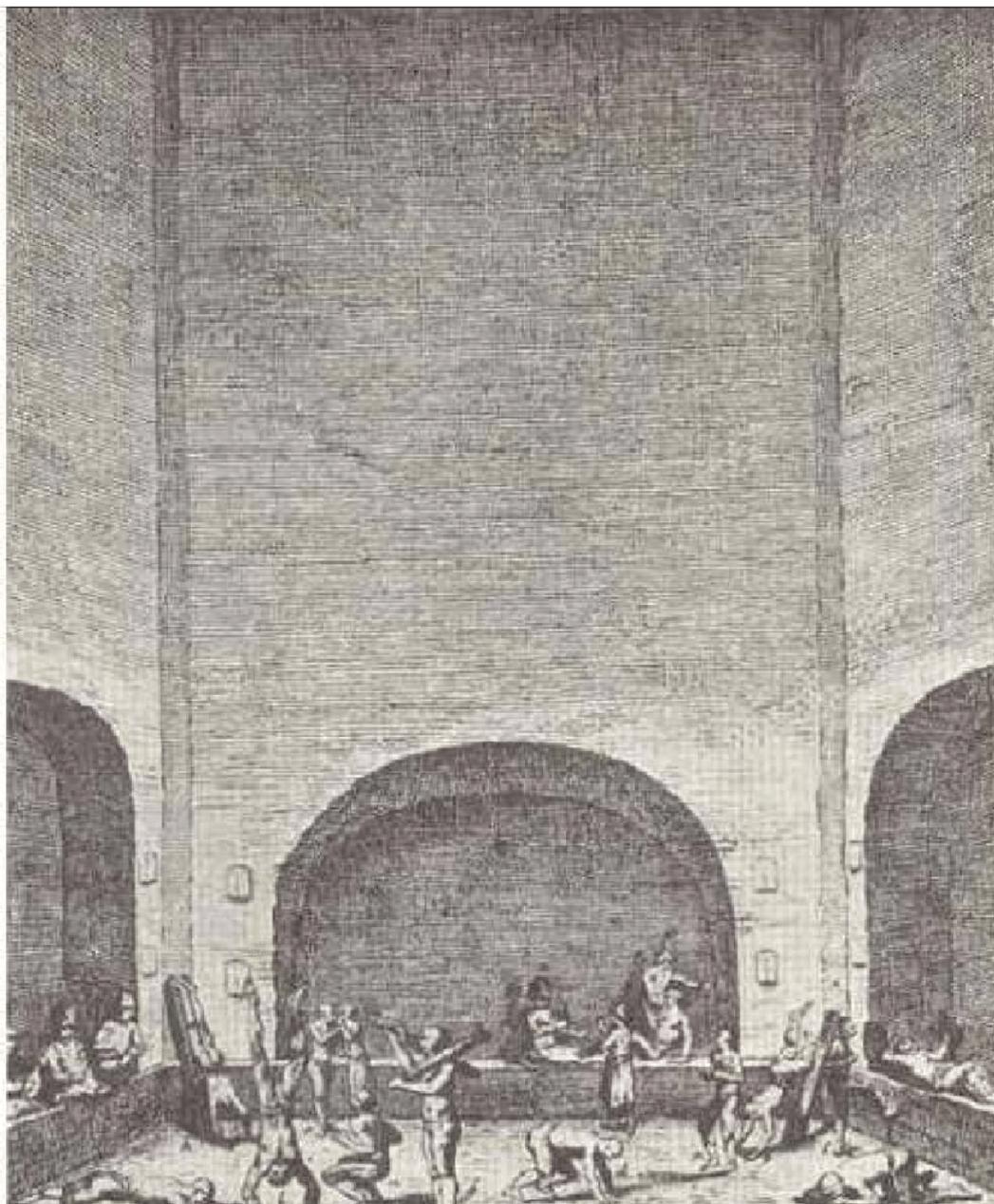
تقی چرم در گفت باید هر قافله که آید او را برهنه کنیم تا آوازه ما در کل ایران بیچد.

Но появились в Тебризе двое: одного из них звали Таки Чармдар, а другого Наки Рихтагар Табризи. Оба однажды ночью сидели и говорили: «Даббачи ушел в Иран и ничего хорошего для шаха не сделал, а теперь *йатїмом* шаха зовется! Надо бы по-хорошему и самим прийти к шаху в присутствии».

Таки Чармдар сказал: «Надо каждый проходящий караван раздевать догола, чтобы слава о нас по всему Ирану пошла!»

Приложение 17

Иллюстрация зурхана, приводимая Карстеном Нибуром:

Приложение 18

Отрывок из стихотворения Йахйа Каши:

صیت یتیمیش جهانگیر شد
عاقبت از خوردن خون سیر شد

Его *йатїмская* слава завоевала мир

В конце концов от питья крови он насытился

Приложение 19

Рубā 'ī Адхама Каши:

دوشینه سحر یتیم تبریزی من
آمد به سرراه به خونریزی من
عریان ز لباس عاریت ساخت مرا
این بود نتیجه سحرخیزی من

Под конец вчерашней ночи мой тебризский *йатїм*

Пришел к дороге, чтобы пролить мою кровь

Оголил меня от взятой в долг одежды

Таков был итог моего раннего вставания

Приложение 20

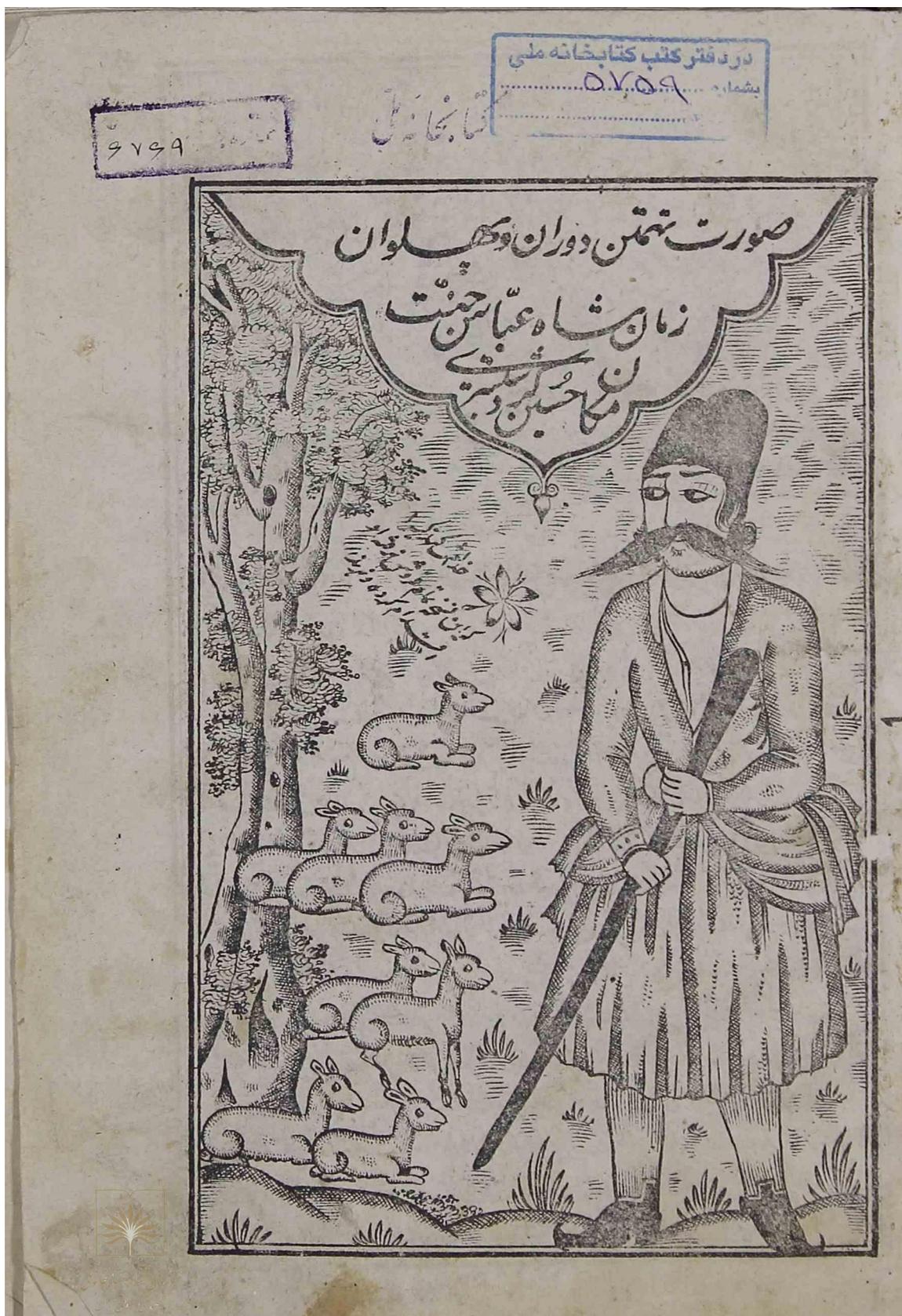
Иллюстрация из недатированного литографического издания дастана, хранящегося в Национальной библиотеке:

Приложение 21

Иллюстрация из литографического издания дастана 1276 г. х. (1859-1860

гг.):

Приложение 22

Иллюстрация из недатированного литографического издания дастана, хранящегося в Национально библиотеке:

